

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 3
(июль – сентябрь)

2018

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

Nº 3

(JULY – SEPTEMBER)

2018

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№3 (15) (июль – сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
№3 (15) (July – September)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова – доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;

П.П. Яковлев – доктор экономических наук;

А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2018

Содержание:

Леокадия ДРОБИЖЕВА. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерении	6
Анатолий ЛИВЕН. Танец духов: новая холодная война с Россией не отвечает интересам Запада	22
Наталья ТРАВКИНА. Ноябрьские выборы 2018 г. в США: референдум по Д. Трампу ...	45
Татьяна ШАКЛЕИНА. Внутриполитическая ситуация в Вашингтоне. Роль СМИ и российско-американские отношения	60
Петр ЯКОВЛЕВ. НАФТА 2.0: торговый эквивалент геополитических трансформаций	71
Борис ДОЛГОВ. Сирийский конфликт на новом этапе: международное измерение	86
Вадим ТРУХАЧЕВ. «Российский» раскол Чехии	100
Антон КРУТИКОВ. С.Д. Сазонов и польский вопрос в Российской империи в годы Первой мировой войны	114
Authors	134
Abstracts and Keywords	135

Contents:

Leokadiya DROBIZHEVA. All-Russian, Regional and Ethnic Dimensions of Consolidating Identity	6
Anatol LIEVEN. The Dance of the Ghosts: A New Cold War with Russia Will Not Serve Western Interests	22
Natalia TRAVKINA. November 2018 United States Elections: Referendum on Donald Trump	45
Tatiana SHAKLEINA. Political Situation in Washington. Role of Mass Media and Russian-American Relations	60
Petr YAKOVLEV. NAFTA 2.0: Trade Equivalent of Geopolitical Transformations	71
Boris DOLGOV. Syria: A New Phase of the Conflict — International Dimension	86
Vadim TRUKHACHEV. Cleavages over Russia in the Czech Republic	100
Anton KRUTIKOV. S.D. Sazonov and the Polish Question in the Russian Empire During the First World War	114
Authors	134
Abstracts and Keywords	135

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-6-21

УДК 314; 316; 323

ЛЕОКАДИЯ ДРОБИЖЕВА

Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях

Аннотация. Статья посвящена формированию российской гражданской идентичности, дискуссиям вокруг ее понимания и представлениям в массовом сознании. На основании репрезентативных общероссийских опросов и опросов в регионах страны анализируются динамика общероссийской идентичности и ее идентификационные основания. Таковыми являются, прежде всего, государство и общая территория, затем — историческое прошлое, культура, ответственность за дела в стране. Для гражданской идентичности в республиках РФ характерны большая значимость таких консолидирующих признаков как государство и территория, а также разнообразие в представлениях об историческом прошлом и культурном наследии. Средства укрепления российской идентичности автор видит в росте межэтнического доверия и в солидаризации вокруг общих ценностей и целей развития.

Ключевые слова: российская гражданская идентичность, консолидация, региональная идентичность, этническая идентичность, идентификационные основания.

К постановке проблемы

Солидарная идентичность граждан считается условием поддержания согласия в обществе и целостности государства. В современных условиях, когда в разных странах растет запрос на право решать свою судьбу, свободно выбирать пути развития, ее значение особенно велико. В России позитивная гражданская идентичность особенно важна в связи с пережитой, но не забытой людьми потерей идентичности советского времени и возросшим внешнеполитическим напряжением.

Укрепление российской гражданской идентичности ставится задачей и одним из направлений деятельности в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. Потребность в солидарности осознается не только руководством страны, она является и естественным запросом общества. Не случайно 1990-е годы, когда понятия «российская нация» и «гражданская идентичность» не фигурировали в доктринальных документах, выступлениях президента РФ, его обращениях к Федеральному собранию (они появились с 2000 г.), более половины населения во время

Сведения об авторе: ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — главный научный сотрудник Института социологии РАН, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, профессор НИУ Высшая школа экономики (ВШЭ), доктор исторических наук; drobizheva@yandex.ru.

опросов по общероссийской выборке отвечали, что они чувствуют себя гражданами России [Данилова, 2000; Данилова, 2001; Российская... с. 82].

В 2000-е годы в Посланиях Федеральному собранию Президента РФ используются понятие «нация» в общероссийском значении и его производные¹. На рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в 2004 г. В. Путин прямо отмечал: «... мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть ... нечто такое, что нас всех объединяет. ... Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом» [Путин].

В 2012 г. в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 г. введены понятия «многонациональный российский народ» (российская нация), «гражданская идентичность». Естественно, они стали входить в образовательные курсы, появились в школьных программах, звучат в политическом дискурсе. Общероссийская идентичность — это и формируемое представление, и чувства, и нормы поведения.

Социологи, политологи, историки в методологии используют концепцию М. Вебера «о массовых субъективных убеждениях», «субъективной вере», ценностях, которые могут становиться опорой интеграции общества [Weber]. Обращаясь к ценностно-нормативной концепции Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, изучая идентичности как восприятие социальной реальности, ученые опираются на конструктивистское направление. Отрадно, что после интервью Томаса Лукмана журналу «Социология и социальная антропология» [Интервью... с. 8] упрощенное представление о конструктивизме стало встречаться реже, и есть понимание, что сами авторы конструктивизма опирались на идеи антропологических работ К. Маркса, социологического объективизма Э. Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера, а основанием предложенного Т. Лукманом и П. Бергером синтеза «является феноменология жизненного мира, разработанная [Э.] Гуссерлем и [А.] Шютцем» [Там же]. Этот вывод ориентирует нас на понимание того, что успешными могут быть только те идеи, которые основаны на повседневном «жизненном мире» людей. Из этого мы исходили, интерпретируя и данные социологических опросов при изучении представлений людей об их идентификации с гражданами России. Вряд ли все, кто во время Олимпиады или Чемпионата мира по футболу скандировал «Россия, Россия!», читали Стратегию государственной национальной политики или даже послания президента РФ Федеральному собранию с точки зрения присутствия в них идеи российской гражданской идентичности, но они чувствовали ее. Так же, когда нашу страну представляют в негативном образе, это вызывает эмоциональные переживания у большинства россиян.

Идентичность, как принято считать в социологии и психологии, содержит три компонента: когнитивный — содержательные представления, эмоциональный и регулятивный (готовность действовать во имя сложившихся представлений и переживаний).

1 В Послании Федеральному собранию Президента РФ в 2000 г. понятие «нация» и его производные использовались семь раз, в 2007 г. — 18 раз [Послание Федеральному собранию 2012: 2018].

Какие-то компоненты более внешне конструируемы, а какие-то формируются спонтанно на основе мотивационных потребностей людей. Известна концепция политического психолога А. Маслоу, который, кроме физиологических потребностей и потребности в безопасности, выделял потребности людей в человеческой общности и в уважении, а его последователи также установили стремление к достоинству [Maslow; Агеев, с. 104].

Мы напоминаем об этом потому, что целью статьи является рассмотрение изменений в российской идентичности не только в целом по стране, но и в регионах. Именно в региональном и этническом варианте российской идентичности мотивационные факторы имеют главное объясняющее значение.

Понимание российской гражданской идентичности

Вокруг понимания российской идентичности не прекращаются научные споры, которые имеют политическое и этнополитическое звучание. Фокусируются они прежде всего вокруг трех проблем: можно ли эту идентичность называть гражданской, какие в ней главные солидаризирующие смыслы и означает ли общероссийская гражданская идентичность замену этнической идентичности.

В начале постсоветского периода, когда утрачивалась советская идентичность, практически не было сомнений в том, что вместо советской у нас будет гражданская идентичность. В тексте Конституции 1993 г. содержались смыслы, позволяющие следующим образом трактовать общность, которая будет отражаться в гражданской идентичности сограждан. В Конституции утверждались «права и свободы человека, гражданский мир и согласие», незыблемость демократической основы России, «ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями». «Носителем суверенитета» и единственным источником власти в Российской Федерации, говорится в Конституции, является ее многонациональный народ (Ст. 3, п. 1). Когда в 2000-е годы государство стало активно формировать российскую идентичность, со стороны либерально мыслящих интеллектуалов стали высказываться сомнения. Автор книги «Между империей и нацией» [Паин] Э.А. Паин задавал вопрос, можно ли называть российскую идентичность гражданской, если нельзя сказать, что политическая, гражданская нация у нас сформировалась. (Симптоматично и название его книги.) Обсуждение продолжается, и оно идет не только применительно к нашей стране [Калхун; Primoratz; Westle].

Обобщая разработку идентичностей в проекте под руководством И.С. Семененко [Идентичность...], С.П. Перегудов писал, что гражданская идентичность людей проявляется в их следовании принципам и нормам правового государства и демократического политического представительства, в осознании ими своих гражданских прав и обязанностей, ответственности за дела в обществе, свободы личности, признании приоритета общественных интересов перед узкогрупповыми [Там же, с. 163]. Конечно, не все люди в странах, считающихся демократическими, целиком разделяют и соблюдают все нормы и ценности гражданского общества. Не случайно в Европейском

социальном исследовании (ESSI), так же как и в Евробарометре, использовались не все индикаторы гражданской идентичности, и их набор менялся [Standard...]. Не все граждане, а лишь половина в каждой из 28 государств ЕС считают, что люди в их странах имеют много общего. Но в целом, как полагают исследователи, в обозримой перспективе на Западе, в том числе в Европе, именно за политической, государственно-страновой идентичностью сохранится значимость одной из самых важных групповых идентичностей [Schatz, Staub, Lavine; Калхун; Primoratz].

Глубинные исследования гражданских элементов в российской идентичности нам еще предстоят. Но какие-то из этих элементов уже включались в опросы и будут проанализированы.

При подготовке Стратегии государственной национальной политики в 2012 г. и обсуждении ее корректировки в 2016–2018 гг. представители республик и активные защитники русской идентичности высказывали опасения в отношении подмены этнонациональной (этнической) идентичности российской. Способом снять эти опасения стало включение в цели и приоритетные направления государственной национальной политики формулировки: «укрепление единства многонационального народа (русской нации), сохранение и поддержка этнокультурного многообразия».

Сложно обсуждался вопрос о смыслах, которые объединяют граждан страны в общероссийскую общность, отражающуюся в идентичности. При обсуждении реализации Стратегии государственной национальной политики на заседании Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. предлагалось подготовить закон о русской нации. В связи с этим высказывалось мнение о русской нации как основе национального государства. Обосновывалось оно тем, что единство нашего общества основано на русской культуре, русском языке и исторической памяти, а государство и территория, которые лежат в основе политической нации, основу «патриотической лояльности» составить не могут. «Гражданство Российской Федерации существует после 1991 г., в то время как культура, история соединяют поколения» [Нужен ли...].

Иногда приводят аргумент, что за рубежом всех, кто приезжает из России, называют русскими. Подобным образом приезжающих к нам (и в другие страны) шотландцев или уэльсцев называют не британцами, а англичанами, хотя официально они граждане Великобритании. Такая же ситуация с испанцами. Басков, каталонцев называют нациями (представители баскского и каталонского движений), но они, как и кастильцы, входят в испанскую нацию.

В 2017–2018 гг. были подготовлены предложения для внесения в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 г.¹ Среди них «основные оп-

1 Корректировка Стратегии государственной национальной политики была поручена Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН). В проект документа вносили предложения субъекты федерации и научные учреждения. Он обсуждался в Комитете по делам национальностей Государственной думы РФ, на заседаниях рабочей группы Совета при Президенте РФ по национальным отношениям.

ределения, которые используются в Стратегии...», предложенные Научным советом по проблемам этничности и межнациональным отношениям при Президиуме РАН и учитывающие последние теоретические и эмпирические разработки академических институтов.

Российская нация определяется как «сообщество свободных, равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою государственную и гражданскую общность с российским государством, приверженность принципам и нормам правового государства, необходимость соблюдения гражданских прав и обязанностей, приоритета общественных интересов над групповыми».

В соответствии с этим гражданское самосознание (гражданская идентичность) — «осознаваемое гражданами чувство принадлежности к своей стране, ее народу, государству и обществу, ответственность за дела в стране, представления о базовых ценностях, истории и современности, солидарность в достижении общих целей и интересов развития общества и российского государства».

Таким образом, наша российская идентичность многосоставная, она включает государственное, страновое, гражданское самосознание, представления о многонациональном народе, социальной, исторической общности. Она основывается на общих ценностях, целях развития общества и солидарности.

Естественно, все эти составляющие в той или иной мере присутствуют, когда люди определяют свою российскую идентичность. Но в общероссийских опросах и опросах в субъектах федерации, в среде конкретных национальностей, они проявляются по-разному. Общероссийская идентичность, как и все другие социальные идентичности, динамична, на нее влияют события и люди. Согласно подходам Э. Гидденса, Дж. Александера, П. Штомпки, П. Бурдые, мы рассматриваем соучастников взаимодействий в различных «полях». Поэтому важно показать общие тенденции в восприятии российской гражданской идентичности и особенности, которые проявляются в различных регионах страны, в субъектах федерации с разным этническим составом населения.

Эмпирической базой для анализа являются результаты общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015–2017 гг.¹, а также результаты репрезентативных опросов в субъектах федерации (Астраханская область, Республика Башкортостан, Калининградская область, Республика Карелия, Москва и Московская область, Республика Саха (Якутия), Ставропольский край, Республика Татарстан, ХМАО), проведенных в 2014–2018 гг. Центром исследования межнациональных отношений Института социоло-

1 Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом и этноконфессиональном контексте» (рук. ак. М.К. Горшков). Автор данной статьи отвечает за раздел по этничности и идентичностям. Выборка — 4000 единиц наблюдения в 19 субъектах РФ.

гии ФНИСЦ РАН¹. Для сравнений также использовались данные опросов ВЦИОМ по заданию ФАДН в 2016–2017 гг. В ряде случаев мы привлекаем результаты исследований, которые проводились учеными в регионах, оговаривая возможности их сопоставимости. В ходе общероссийских и региональных опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН, нами брались глубинные интервью у экспертов, специалистов, общественных деятелей, представителей ряда профессий. Некоторые из них приводятся ниже.

В исследовании мы реализуем подход сравнительной социологии. Сравняются российская идентичность и степень ассоциированности респондентов с ней в областях с преимущественно русским населением, а также в республиках с разным уровнем представленности русских и жителей других национальностей, дающих название республикам. Социально-культурный подход используется при сравнении российской гражданской идентичности русских, живущих преимущественно в своей и инокультурной этнической среде, а также при сравнении этой идентичности у русских и людей других российских национальностей.

В понимании идентичности с точки зрения социальной психологии мы опираемся на идеи Э. Эриксона о стратегии поддержания самоотождествления, включенности ее в социальные контексты, культурные ценности, в значимость идеологии [Erikson]. Используются выводы Дж. Мида о формировании идентичностей в процессе межгруппового взаимодействия, Г. Тэджфела и Дж. Тернера — о значении в этом процессе межгруппового сравнения [Mead]. Также мы солидаризируемся с Р. Брубейкером в понимании разной интенсивности и массовости групповой идентичности в повседневной практике [Брубейкер, с. 15–16].

Общероссийское измерение российской идентичности

Исторический психолог Б.Ф. Поршнев писал: «... субъективная сторона всякой реально существующей общности... конституируется путем двуединого или двустороннего психологического явления, которое мы обозначили выражением «мы» и «они»: путем отличия от других общностей, коллективов, групп людей вовне и одновременно уподобления в чем-либо людей друг другу внутри» [Поршнев, с. 107].

Очевидный предмет исследования в российской идентичности — насколько в каждый исторический период, в конкретной ситуации она формируется за счет отличия, сопоставления или даже противопоставления себя с другими; определения, кто эти другие («они») и за счет чего идет взаимопритяжение, сплочение «мы».

Идентичность россиян в 1990-е годы называют кризисной [Гудков] не только потому, что происходила рекогносцировка привычных опор внутреннего взаимопритяжения,

1 Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (рук. Л.М. Дробижева). В каждом субъекте федерации выборка включала 1000–1200 единиц наблюдения. Выборка территориальная, трехступенчатая, случайная, вероятностная. Метод сбора информации — индивидуальные интервью по месту жительства.

но и по причине усиления враждебности к «иным», которыми становились часто наши бывшие соотечественники, те, что вышли из Союза. Только в 2000-е годы с укреплением государства, привыканием к его изменившемуся статусу, новому очертанию границ стал проходить «культурный шок» (как образно выразился, характеризуя состояние людей в постсоветских государствах, Петр Штомпка) и начали восстанавливаться элементы позитивной идентичности.

К середине 2010-х годов российская идентичность была, по общероссийским опросам, у 70–80%¹.

Индикатором для измерения общероссийской гражданской идентичности являлись ответы респондентов на вопрос, который задавался в форме проективной ситуации: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, чувствуем их своими, другие же, хоть и живут рядом, остаются чужими. О ком из перечисленных ниже людей Вы лично могли бы сказать «это — мы»? С кем Вы чувствуете связь часто, иногда, никогда?».

И далее шло перечисление наиболее массовых коллективных идентичностей: «с людьми Вашего поколения»; «с людьми той же профессии, рода занятий»; «с гражданами России»; «с жителями Вашего края, республики, области»; «с теми, кто живет в Вашем городе, селе»; «с людьми Вашей национальности»; «с людьми того же достатка, что и Вы»; «с людьми, близкими Вам по политическим взглядам».

Этот вопрос был впервые сформулирован Е.И. Даниловой и В.А. Ядовым еще в 90-е годы [Данилова, 2000; Ядов] и впоследствии в такой или несколько модифицированной, но сходной по содержанию формулировке задавался в других исследованиях Института социологии РАН (с 2017 г. Институт социологии ФНИСЦ РАН), НИУ ВШЭ, в 2017 г. — в опросах ФАДН–ВЦИОМ.

С 2005 по 2018 г. доля ощущающих связь с гражданами России выросла с 65% до 80–84%. По данным перечисленных научных центров гражданская идентичность была самой динамичной, она выросла на 19 процентных пунктов, в то время как другие коллективные идентичности — этническая, региональная — на 6–7 пунктов. Особенно заметно росла доля тех, кто часто ощущает связь с гражданами России.

Два обстоятельства оказывали влияние на массовое сознание. Очевидным было воздействие СМИ, которые постоянно стимулировали сравнения «мы — они» применительно к Украине, мотивировали оборонные настроения в связи с событиями в Сирии и осложняющимися отношениями с США и Евросоюзом. Внутренняя ассоциативность стимулировалась событиями Олимпиады, воссоединением с Россией Крыма, спортивными соревнованиями, особенно Чемпионатом мира по футболу.

¹ Данные РМЭЗ — Мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE); Мониторинговых опросов Института Социологии ФНИСЦ РАН, рук. Горшков М.К. 2015–2016 гг.

Результаты опросов дают возможность проанализировать представления самих россиян о том, что их объединяет. По данным Всероссийского мониторингового опроса Института социологии РАН в 2015 г., людей как граждан России объединяет прежде всего государство — 66% ответов; потом территория — 54%; 49% называли общий язык; 47% — пережитые исторические события; 36–47% — элементы культуры — праздники, обычаи, традиции. Это, повторим, данные общероссийского опроса, следовательно, большинство ответивших (более 80%) — русские. Естественно, язык имеется в виду русский.

Выбор государства и территории легко объясним, поскольку российская идентификация для немалой части людей — идентификация страновая. Некоторые исследователи вообще изучают и интерпретируют ее как страновую. Об этом можно судить по докладу М.Ю. Урнова на традиционной годичной конференции Левада-Центра в 2017 г., содержавшему результаты изучения учеными НИУ ВШЭ идентификации со страной студентов наиболее престижных вузов Москвы и Принстонского университета США. Опросы проводились Южным федеральным университетом, задавался вопрос: «Насколько Вы чувствуете связь с Вашими регионом, страной?» Ответы интерпретировались как свидетельство общероссийской идентичности [Национальная...].

Такая интерпретация встречается, но несомненна и идентификация с государством — достаточно четкая не только по ответам в массовых опросах, но и по материалам интервью: *«Хотят признать себя россиянами, значит, частью государства ... Я не думаю, что найдется много таких людей у нас, кто сказал бы «Я себя идентифицирую вне своего государства». Мы хотим признать себя равноправными гражданами страны ... народ в смысле государственного, территориального сообщества».* Это мнение специалиста, работающего в правовой сфере (Москва), но примерно так же высказывался и общественный деятель (в Москве): *«Мне кажется, что большинство людей понимает термин «общероссийская гражданская нация» ... как гражданскую принадлежность. Государство и является скрепой всего многообразия. Государство предоставляет равные права, возможности ...».* Этнополитолог, знающий материалы прессы и результаты социологических опросов, полагал, что *«если респондент причисляет себя к российской нации (осознает), он рассуждает о себе как об участнике согражданства ... они верят, что государство принадлежит им и проявит уважение к ним как к своим гражданам ... имеет значение и название государства».* Специалист-социолог, работающая с данными массовых опросов и фокус-групп: *«Россиянами вроде все себя считают, но большая часть, кроме каких-то сложившихся стереотипов, честно говоря, не всегда называют. Гражданская компонента в первую очередь ... это ощущение себя в качестве гражданина государства».*

В интервью с экспертами в регионах основной лейтмотив тоже — гражданство в государстве. Государственная доминанта в идентификационной матрице дает основание считать нашу российскую идентичность государственно-гражданской. Однако надо иметь в виду, что само государство воспринимается у нас неоднозначно. Уровень доверия президенту остается достоверно высоким, хотя и меняется в зависимости от событий в стране, но правительству доверяет 37–38%, законодательным и судебным вла-

стям еще меньше — 21–29%. Гражданская же составляющая идентичности по стране в целом (ответы о чувстве ответственности за судьбу страны) — 29–30%¹.

Сложнее объяснить невысокие идентификаторы по историческому прошлому и культуре в общероссийских опросах. Проще всего связать такую идентификацию с тем, что люди живут настоящим, а не прошлым, особенно молодежь. Тоска по прошлому, в толковании социально-политических психологов, — свидетельство неблагополучия в общественных настроениях. Но это лишь частичное объяснение.

Ю.В. Латов в статье, опубликованной в журнале «Полис», сделал ряд любопытных наблюдений относительно оценок нашего прошлого. Вслед за Г. Кертманом [Кертман] он фиксирует, что, в отличие от 80–90-х годов, когда в центре общественного внимания была оценка событий времен И. Сталина, в последние 10–15 лет «войны памяти» идут вокруг событий последних лет существования СССР, отчетливее фокусируемых в массовом сознании как «брежневские времена». Историками и политологами они интерпретируются как времена «застоя», а в оценках обычных людей² характеристики жизни того времени «имеют черты едва ли не “потерянного рая”» в сравнении с временами В.В. Путина. Но если бы советским людям в 80-е годы «сообщили, что они будут жить в личных квартирах, что в магазинах исчезнет дефицит, что у большинства будет возможность хотя бы раз в несколько лет ездить на отдых за границу, что даже у детей будут карманные телефоны, то это воспринималось бы как очередное обещание “коммунизма”» [Латов]. Трансформация исторической памяти определяется мифологизацией и далекого, и недавнего прошлого, связанной с политическими интересами элит (Э. Смит, В. Шнирельман). От этого у нас непредсказуемым становится не только будущее, но и прошлое. «Непредсказуемое прошлое» — так назвал свою книгу академик Ю.А. Поляков, чья жизнь охватила и советское время, и немалую часть постсоветского периода.

Есть и объективные основания для разного восприятия исторических событий — не только возрастные, но и социально-экономические, материальные, социально-статусные. На материалах социологических исследований видно, что ностальгия по прошлому в значительной мере отражает протестные настроения людей малообеспеченных, пожилых. Оценка исторического прошлого может не только объединять, но и разъединять. Поэтому невысокие показатели исторического прошлого как фундамента российской идентичности в восприятии наших граждан вполне объяснимы. Изучение динамики этого показателя целесообразно как с точки зрения характеристики общественных настроений, так и с точки зрения формирования исторической памяти, если анализ ведется на основе объективных событий и достоверных фактов, их оценках.

1 Данные мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2017 г.

2 Оценка строилась на основе 27 характеристик, введенных в опросный лист в исследовании «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 7-я волна, 2017 год, рук. М.К. Горшков. Опрос 2605 работающих респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов населенных пунктов и территориально-экономических районов РФ.

Не так просто интерпретировать ответы респондентов о культуре как объединяющем факторе. Культура понимается в разном значении не только учеными разных направлений знания, но и широкими кругами населения. Для одних это нормы поведения, для других — искусство, литература, для третьих — традиции, памятники исторического наследия. Политологи могут позволить себе говорить: «Нас объединяет культура», но что они имеют в виду, каждый будет понимать по-своему. Для выяснения этого несомненного компонента идентификации с сообществом социологи должны ставить вопросы так, чтобы они понимались однозначно. Поэтому на основе пилотных (экспериментальных) опросов были выделены конкретные элементы культуры: государственные праздники, символы (флаги, гимн, герб, памятники и т.п.), народные традиции.

Нераскрытое понятие культуры как солидаризирующего идентификатора в опросах набирает больше сторонников (в приведенном интервале 37–47%), при раскрытии этого понятия — сторонников меньше. В ходе свободных, полуструктурированных интервью респонденты находили разные обоснования своих затруднений. Одно из них — политизированное восприятие культуры: *«Нуриев... ему хотят памятники ставить, а он уехал от нас, там оставил свои достижения»* (представитель русской культурной организации в Уфе). *«Памятник Ермолову ставят, потом его разрушают, потом восстанавливают. Для русских, конечно, он генерал — победитель, а для черкесов?»* (специалист-преподаватель в Краснодаре). Другое затруднение — социально-демографическое разнообразие восприятия культурных событий, явлений: *«Какая культура нас объединяет? Трудно сказать — одни вон в костюмах с бабочками на передаче «Что? Где? Когда?», а у меня только спортивный костюм»* (представитель общественного объединения в Калининграде). *«День победы для всех нас, большинства — праздник, конечно. Но бабушка, мама — они переживают, даже иногда плачут, а для нас, молодежи, это просто праздник, гулянье, песни даже если поем, какие? Веселые, победные».* *«Культура прошлого? Да, конечно, Толстой, Пушкин, Достоевский, Чайковский — это объединяет, но только того, кто литературу, музыку знает»* (магистрант-социолог, Москва).

Эксперт-журналист (Москва): *«Массовое «мы» отстраивается в сочетании с историей... Язык тоже чрезвычайно важная вещь... Да, это конечно, Чайковский, Достоевский, Чехов, Большой театр. Это культурный пласт, который объединяет. Печалит, когда люди пытаются сформулировать, почему они общность, слишком часто говорят: «Да, мы — это не они». И дальше: «... вот эти плохие, те — плохие». Увы... Величие наше меряется в килотоннах ядерной энергии, количестве штыков. Но есть культура, она единственное, что является сущностным».*

Как видим, за итоговыми цифрами массовых опросов множество разнообразных, хоть нередко и стереотипных мнений. Анализируя и те и другие данные, мы ищем объяснения сложных проявлений в массовом сознании важных для общества интегрирующих представлений и ценностей.

Располагая данными сопоставимых общероссийских опросов и опросов в регионах, покажем теперь, чем различаются представления о российской идентичности в разных по этническому составу населения регионах.

Региональное и этническое своеобразие в общероссийской идентификации

Естественно, общероссийские данные об идентификации опрашиваемых с остальными гражданами России и данные в разных регионах и субъектах федерации отличаются.

В середине первого десятилетия 2000-х годов, по данным Европейского социального исследования (ЕСИ), идентификация с гражданами России фиксировалась по стране у 64% населения, а по регионам колебалась от 70% в Центральном и 67% в Поволжском федеральных округах до 52–54% в Сибири [Российская... с. 22].

Исследований, которые бы фиксировали общероссийские и сопоставимые репрезентативные региональные данные (по всем регионам) об идентификации с гражданами России, пока не проводилось. Общероссийские опросы, охватывающие даже более 4 тыс. респондентов, не дают репрезентативных данных по субъектам федерации. Поэтому для представительства ситуаций в регионах мы используем данные тех региональных опросов, в которых задавались сопоставимые вопросы. По данным общероссийских опросов Института социологии РАН и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE), распространенность российской идентичности в 2013–2015 гг. в целом достигала 75–80%, а доля людей с ассоциативной, актуальной идентичностью такого плана (ответивших, что часто ощущают связь с гражданами России) составляла 26–31%.

В оценке общероссийской интегрированности общественное внимание обычно больше привлекают республики. Мы специально рассмотрим именно те республики, где в 1990-е годы были элементы отклонений в законодательстве, проявления национальных движений. Проведенные в 2012 г. и 2015 г. в Саха (Якутии) репрезентативные опросы показали, что гражданская идентичность в этой республике была не ниже общероссийских показателей (в какие-то годы даже чуть выше) — 80–83%; в Башкортостане в 2012 г. выбрали ответ «мы — граждане России» до 90% опрошенных, в 2017 г. — чуть больше 80%; в Татарстане об ощущении связи с гражданами России заявили в 2015 г. — 86%, в 2018 г. — 80%.

По оценкам наших коллег, представленных осенью 2018 г. на конференции, посвященной 50-летию этносоциологии в Казани, репрезентативные региональные исследования в Мордовии и Чувашии зафиксировали российскую гражданскую идентичность не ниже общероссийских данных.

На Юге России, в Кабардино-Балкарии, в той или иной мере с гражданами России ассоциировали себя в 2015–2016 гг. до 60%; в Адыгее — 71%¹.

1 Исследование осуществлялось Институтом социологии и регионоведения Южного федерального университета. Выборка репрезентировала Южный федеральный округ и не была репрезентативной по республикам. [См.: Национальная... с. 167].

В 2018 г. мы проводили репрезентативный опрос в одном из самых экономически благополучных регионов с доминирующим русским населением, но высоким притоком мигрантов, — Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Здесь очень распро-странена региональная идентичность, но и российская составляет — 90%. Между тем в Ставропольском крае соответствующие данные едва дотягивали до общероссийских [Российская... с. 22]. Отметим, что и по ощущению жителями сильной связи с осталь-ными гражданами России показатели республик не намного отличались от средних по стране данных. А когда отличались, то нередко даже в лучшую сторону. В Саха (Якутии) о сильной связи говорили чаще на 9–14 процентных пунктов (в 2012, 2015 г.), в Татар-стане — почти на 17 процентных пунктов (в 2018 г. — 46,7%), чем по России в целом (30%).

Таким образом, не сепаратистские настроения в прошлом, а нынешняя социально-экономическая и социально-политическая ситуация в регионах определяет ощущение у людей связи с большой Родиной, гражданами страны. В Башкортостане и Татар-стане на некоторое снижение доли ощущающих связь с российской идентичностью в 2017–2018 гг. повлияла ситуация, связанная с прокурорскими проверками в школах, отменой обязательного изучения государственных языков республик. В Саха (Якутии) российскость связывается с выполнением федеральным центром северного завоза, строительством либо отменой строительства запланированных ранее объектов (мо-стов, железнодорожных сетей и т.д.). Российская идентичность в этих республиках, за-метно превышавшая общероссийские показатели, приблизилась к общероссийскому уровню.

Там же, где социально-экономические трудности накладываются на межэтнические противоречия, в неурегулированности которых местное население видит недоработку федерального центра (как, например, в Кабардино-Балкарии), снижается ощущение связи с общероссийской общностью.

В чем реально отличается российская гражданская идентичность в республиках, так это в силе солидаризирующих признаков. Как уже упоминалось, по общероссийским данным, самым сильным признаком было государство (66% ответов). В республиках этот признак доминирует еще больше: в Саха (Якутии) — 75% ответов, в Татарстане и Башкортостане — 80–81%. При этом среди башкир, татар, якутов доминанта этого интегрирующего фактора более заметна, чем среди русских в республиках.

В республиках несколько чаще называют как солидаризирующий признак и общую территорию — 57–58% (при 54% в РФ). В большинстве республик до 95% населения и более хорошо знают русский язык, но как объединяющий признак его называют, так же как и культуру, заметно реже, чем государство и территорию. В Башкортостане, на-пример, его назвали 24–26% башкир и татар. В Саха (Якутии) — четверть якутов и 30% русских.

Язык, история, культура — основные солидаризаторы в этнической идентичности народов. Но в общероссийской идентичности в республиках «войны исторической

памяти» накладывают отпечаток на распространенность этих признаков как объединяющих. Среди якутов их называло не более четверти опрошенных, среди башкир, татар в республиках — не более трети. Во время свободных интервью наши респонденты находили этому объяснение. Журналистка, работающая в этнополитической тематике, говорила: *«Даже среди русского большинства иногда люди думают, что российскостью хотят сделать их унифицированными. Но это страшилка. У представителей других национальностей чувство, что они россияне, ярко выражено. Я с ними общаюсь, вижу это. Они этим гордятся. Но ведь у них есть и своя культура, своя история каждого народа. Что из этого входит в общероссийскую историю — об этом у каждого свое представление. Объединяющее в культуре, конечно, что-то есть — праздники государственные, Пушкин — «наше все». Общественник из Уфы затруднялся выделить что-то из башкирской культуры, что могло бы объединять все национальности в России: «Каждый народ считает каких-то своих деятелей культуры великими, но именно своей культуры. Хотя понимают, что для других они совсем не будут такими. И что же тогда объединяет нас в культуре — любовь к Рахманинову или Моцарту, Бетховену — но они же мировые классики».*

Эксперт-культуролог (Казань) утверждал, что *«в советский период у нас в общую культуру входила сконструированная плеяда деятелей — к русским великим под-соединяли Хачатуряна, Гамзатова, Айтматова, создавали букет, который входил даже в школьные программы. Теперь такого нет. Может, это хорошо, что не навязывают, но и плохо, даже старый багаж теряем, девальвируем иногда, а нового не накапливаем, хотя и телевидение, и радио есть, и Интернет».* Специалист в области межнациональных отношений (Москва): *«Я думаю, что российскую нацию надо растить на общей истории всех народов Российской Федерации, общих целях и задачах и совместных победах, праздниках, в том числе национальных. Это дело... очень многих лет».* Общественный деятель (Карелия): *«Потребность принадлежности к чему-то большому, объединяющему должна появиться... Это чувство вот какой-то культурно-исторической общности, корней, традиций... Об этом надо думать и русским, и всем людям других российских народов... Много спорного, только надо уметь договариваться».*

Сложность формирования общей объединяющей истории и культуры, естественно, понимают и специалисты, и власть. Не случайно так сложно было создавать школьные и вузовские учебники по истории. В этой области есть споры и какое-то движение, а вот в сфере культуры, кроме языка, продвижения в осознанном формировании представлений о развитии культурного наследия заметно меньше. Реставрируются памятники культуры, проводятся концерты и выставки в память о выдающихся деятелях культуры, но как объединяющая озвучивается только праздничная культура.

Общегражданский признак — ответственность за дела в стране. В республиках, где проводились репрезентативные опросы, его называли не реже, чем в общероссийских опросах, а в Саха (Якутии) даже чаще (50% и более). Причем саха-якуты и русские солидарны в этих чувствах. Нет практически различий по этому идентификатору между

татарами и русскими в Татарстане (34%, 38% соответственно), между башкирами и русскими в Башкортостане (36% и 34% соответственно).

В силу ограниченности возможностей представить в рамках статьи все сюжеты, связанные с региональными особенностями идентичностей, мы не остановились на своеобразии иерархии российских региональной и локальной идентичностей в субъектах федерации. Отметим лишь, что при всем их разнообразии основной тренд в 2000-е годы был направлен на совместимость.

Сильная региональная идентичность, будь то в Калининградской области, Саха (Якутии) или Татарстане, была результатом прежде всего деятельности региональных элит и преподносилась через ощущение значимости данного пространства для страны. В Калининграде нам часто говорили: «Мы — лицо России для Запада»; в Казани: «Мы — достаточно быстро развивающийся регион России»; в Ханты-Мансийске: «Мы — энергетическая база безопасности страны». Конечно, соблюдение баланса российской и региональной символики дело непростое и требует постоянного внимания и изучения.

Некоторые выводы

Консолидирующая общероссийская идентичность по-прежнему обсуждается учеными и политиками, но она существует и как реальная социальная практика в сознании граждан России.

Привычные представления прошлого остаются неизжитыми, люди не перестали ассоциировать с нацией свою этнокультурную отличительность, поэтому в доктринальном пространстве остается консенсусное определение «многонациональный народ России (российская нация)», то есть термин «нация» имеет здесь двойной смысл.

Не менее важная проблема — на какой основе формируется российская идентичность. Этнокультурная идентичность имеет основой язык, культуру, историческое прошлое. Как показывают результаты репрезентативных опросов, российская гражданская идентичность базируется прежде всего на представлениях о государственной и территориальной общности. Историческая память и культура реже ассоциируются с общероссийской идентичностью в силу критического осмысления советского и досоветского прошлого и исторических представлений каждого народа, не все из которых осмысливаются как общероссийские.

В силу высокой значимости государства как основы лояльности россиян, на органах государственной власти лежит высокая ответственность за поддержание доверия между гражданами и властью, обеспечение справедливости и благосостояния в обществе.

В последние два года особенно очевидным стало формирование российской идентичности за счет сравнений «мы» и внешних «они» в негативном содержательном

наполнении (Украина, США, Евросоюз). В такой ситуации для поддержания хотя бы нормального баланса особенно важным будет наполнение образа «мы» позитивным содержанием. Очевидно, что одних спортивных побед, которые поддерживают эмоциональный компонент идентичности, недостаточно. В поддержании позитивного баланса нужны усилия и государства, и гражданского общества. При этом даже ясные теоретически вопросы необходимо реализовывать на практике с учетом возможного в современных условиях.

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 14-18-01963-П

Литература:

- Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М. 1990.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М. 2012.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М. 2013.
- Гудков Л.Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2012 г. М. 2002.
- Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
- Данилова Е.Н. Кто есть «мы» в России и Польше // Россия: трансформирующееся общество / Под. ред. В.А. Ядова. М. 2001.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М. 2017.
- Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 5–14.
- Калхун К. Национализм. М. 2006.
- Кертман Г. Эпоха Брежнева — в дымке настоящего // Социальная реальность. 2007. №2. С. 5–22.
- Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 116–133.
- Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М. 2016.
- «Нужен ли закон “о российской нации” народам России и русскому народу» // Передача «Что делать?». Телеканал «Культура». 12.12.2016. (Выступление М.В. Ремизова). — URL: tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1433092/video_id/1550848/viewtype/picture/ (дата обращения: 27.09.2018).
- Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. - М.: Новое издательство, 2004.
- Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. Изд. 2. М. 1979.
- Послание Президента Российской Федерации от 26.04.2007 г. // Официальный сайт президента России. — URL: kremlin.ru/acts/bank/25522 (дата обращения: 01.07.2018).
- Послание Федеральному собранию // Официальный сайт президента России. 08.07.2000. — URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/21480. (дата обращения: 01.07.2018).
- Путин В.В. Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений // Официальный сайт президента. 05.02.2004. — URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/22349 дата обращения: 01.07.2018).
- Российская идентичность в Москве и регионах. М. 2009.

- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3–4.
- Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things: Selected Papers of Erik H. Erikson 1930–80 / Ed. By Schlein. N.Y. 1995.
- Maslow A. Motivation and Personality. Chicago. 1934.
- Mead G.H. Mind, self and society. Chicago. 1934.
- Primoratz I. Patriotism // Zalta E.N. (ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2015.
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology. Vol. 20. 1999. P. 151–174.
- Standard Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Spring 2017. — URL: ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/79565 (date of access: 27.09.2018).
- Weber M. Economy and Society. N.Y. 1968. V.1. 389 p.
- Westle. B. Identity, Social and Political // Badie B. (ed.) International Encyclopedia of Political Science — Thousand Oaks. (CA). 2011. P. 1131–1142. — URL: site.ebrary.com/id/10582147p (date of access: 27.09.2018).

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-22-44

УДК 327; 355

Анатолий ЛИВЕН

Танец духов: новая холодная война с Россией не отвечает интересам Запада

Аннотация. «Новая холодная война» Запада с Россией никак не вытекает из трезвого и объективного анализа реальности. Она не соответствует ни подлинным западным интересам, ни историческому контексту и характеру действий России, ни масштабу угроз, которые она создает для Запада, ни реальной степени расхождений между жизненно важными интересами России и ведущих западных стран. Культивирование страха перед Россией не только отвлекает внимание от внутренних и международных проблем, ослабляющих и разобщающих Запад, но и усугубляет их. Между тем будущее демократического Запада будет зависеть от ответа именно на эти ключевые вызовы, которые, по всей видимости, потребуют отказа от многих западных стереотипов.

Ключевые слова: холодная война, политика России, отношения России и Запада, угрозы безопасности, интересы Запада.

Lieven A. The Dance of the Ghosts: A New Cold War with Russia Will Not Serve Western Interests // Survival. Volume 60. 2018. № 5. P. 115–140.

Перевод публикуется с разрешения автора

В январе 2018 г. министерство обороны США заявило, что главной угрозой для Соединенных Штатов Америки является «соперничество великих держав», а не терроризм, и что военная стратегия и бюджет страны должны быть сосредоточены на борьбе именно с этой угрозой [Ali; в качестве критики этой точки зрения см.: Zenko]. В марте генерал Кертис Скапаротти заявил, что для Соединенных Штатов Америки «главный стратегический приоритет ... состоит в сдерживании дальнейшей агрессии и злокачественного влияния России на наших союзников и партнеров». Это перекликается со словами американского генерала Филипа Бридлава, бывшего верховного главнокомандующего объединенных вооруженных сил НАТО в Европе: «Россия ... представляет долгосрочную экзистенциальную угрозу для Соединенных Штатов Америки и наших европейских союзников и партнеров» [заявление К. Скапаротти см.: EUCOM... заявление Ф. Бридлава см: NATO...]. Джон Маккейн, Хиллари Клинтон и другие назва-

Сведения об авторе: ЛИВЕН Питер Пол Анатолий (LIEVEN, Peter Paul Anatol) — профессор Джорджтаунского университета (Катар), приглашенный профессор Королевского колледжа Лондона (King's College London), сотрудник Фонда «Новая Америка» (New America Foundation) в Вашингтоне.

ли вмешательство России в американские выборы в 2016 г. «актом военной агрессии», сопоставимым с терактами 11 сентября или нападением Японии на Перл-Харбор [См.: Schleifer, Walsh; Phillips; Clinton Calls...].

Заявление Бридлава имеет смысл только применительно к способности России уничтожить США с применением ядерного оружия, которая, безусловно, уравновешена способностью США, Великобритании и Франции уничтожить Россию. Что касается действий России во время предвыборной кампании 2016 г. — они, в отличие от терактов 11 сентября и событий в Перл-Харборе, не привели к гибели ни одного американца.

Временами риторика первых лиц США даже переходила к грубым обобщениям о русском народе в целом, как, например, высказывание бывшего директора Национальной разведки Джеймса Клэппера, что «русские ... почти на генетическом уровне склонны привлекать на свою сторону, внедряться, втираться в доверие» [Цитируется по: Cohen S.; по истории русофобии см.: Tsygankov].

Страх и враждебность, находящие отражение в таких заявлениях, не соответствуют ни реальным интересам Запада, ни историческому контексту российских действий, ни масштабу угрозы, которую Россия представляет для Запада, ни реальному характеру расхождений между жизненно важными интересами России и ведущих стран Запада, ни различию в природе их государственных систем¹. Кроме того, подобная риторика означает полное нежелание попытаться посмотреть на ситуацию с точки зрения российских служб безопасности (что, согласно великому мыслителю-реалисту Гансу Моргентау, является фундаментальным этическим императивом искусства государственного управления²) и понять, почему Россия может опасаться Запада. Процитированные заявления не являются ответом на поведение России, основанным на объективном политическом анализе. Они продиктованы, главным образом, интересами сложившихся элит институтов, преувеличивающих внешние угрозы в попытке сохранить целостность распадающихся обществ и союзов и отвлечь внимание граждан от социально-экономических проблем, решение которых не отвечает интересам и убеждениям существующих политических элит, как левых, так и правых.

1 Действительно, как отметил бывший представитель британской разведки Алистер Крук: «Навязчивая ненависть к президенту Путину среди западных элит превзошла все, что было во время холодной войны» [Crooke]. Выражая такое отношение, бывший госсекретарь Мадлен Олбрайт назвала Владимира Путина «настоящим злодеем» — подобные характеристики высокопоставленные официальные лица США, пожалуй, не давали ни одному из советских лидеров во время холодной войны [Sharkov].

2 Согласно Моргентау: «Успешный политический акт предполагает понимание и уважение к его объекту, его природе, интересам, устремлениям и возможностям. Политический деятель должен поставить себя на место другого человека, взглянуть на мир и оценить его глазами другого, мысленно представить, что тот будет ощущать и как он будет поступать при определенных обстоятельствах» [Morgenthau, p. 83].

Западные аналитики часто утверждают, что власти других стран, включая¹ Россию, манипулируют внешнеполитическими конфликтами для решения внутривнутриполитических задач. Настало время применить ту же логику и к странам современного Запада, тем более что прецедент имеется. Весьма известная историографическая школа, основанная в Германии Фрицем Фишером, настаивала на примате внутренней политики (*Primat der Innenpolitik*) в формировании внешней политики европейских великих держав в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Хотя некоторые аспекты этой концепции были оспорены, правильность ее главного тезиса, состоящего в том, что традиционные элиты того времени использовали национализм как средство завоевания массовой политической поддержки для противодействия внутренней социалистической угрозе, в настоящее время общепризнанна [См., например: Mayer, 1996, p. 42–7; Mayer, 1981; Fischer, Holborn; Moses; Mombauer; Mommsen].

Конечно, Россия создает в некоторых отношениях реальные и прямые угрозы интересам Запада, и этим угрозам необходимо противодействовать. К ним относятся: отдельные аспекты политики, проводимой Россией на Ближнем Востоке (но не вся ее стратегия в данном регионе, которая на самом деле соответствует интересам Запада); давление на страны Прибалтики (весьма далекое от угрозы вторжения, но, тем не менее, требующее размещения ограниченного контингента НАТО в качестве страховки и средства сдерживания); покушение на убийство перебежчиков из российских спецслужб в Великобритании, которое, вероятно (но не точно), было организовано Москвой²; нелегальное воздействие России на процесс выборов в США, степень которого остается неясной.

Последнее в этом списке является для Запада новым явлением, требующим тщательного осмысления, если есть стремление защититься от подобных действий в будущем. Три других пункта, напротив, вполне знакомы, и для них существует ряд хорошо известных и логичных вариантов ответных действий. Ни одна из этих угроз не может быть приравнена к экзистенциальной или к акту военной агрессии.

1 Бывший вице-президент США Джо Байден и Майкл Карпентер, например, писали: «Для защиты своей клептократической системы Кремль решил вывести борьбу за пределы России и напасть на то, в чем он видит главную внешнюю угрозу своему выживанию: западную демократию. Нападая на Запад, Кремль переключает внимание внутри страны с коррупции и неблагоприятия российской экономики, разжигает националистические страсти для подавления внутреннего протеста, заставляя западные демократии обороняться и концентрироваться на собственных внутренних расколах» [Biden, Carpenter (цит. по: Карпентер М., Байден Д. мл. Как противостоять Кремлю // Иносми.ру. 11.12.2017. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20171211/240970525.html>(дата обращения: 08.10.2018). — Ред.)]. Другие примеры: [McFaul, Stoner-Weiss; Krastev, Holmes; Sipher].

2 Необходимо отметить, что участие официальной России в отравлении Сергея и Юлии Скрипаль остается недоказанным. Даже если имеются косвенные свидетельства, указывающие на участие российских секретных служб, в равной степени они позволяют допустить, что эта акция была попыткой подорвать позиции Путина и российской внешней политики в период Чемпионата мира по футболу (который проводился в России) и перед июльской встречей Трампа с Путиным [См.: Jenkins].

Кроме того, хотя национальные и коллективные интересы стран Запада, разумеется, требуют противодействия этим угрозам, поднявшуюся вокруг них кампанию приходится квалифицировать как моральную истерию — следует честно признать, что западные государства в недавнем прошлом сами оказывали давление на малые страны, практиковали на государственном уровне политику, включавшую убийства (если не как непосредственный инструмент, то как следствие), и стремились манипулировать внутренними политическими процессами в других государствах.

Рассматривая угрозы со стороны России, необходимо проанализировать следующее: угрожают ли действия России жизненно важным, а не второстепенным интересам Запада; являются ли они отражением непримиримой враждебности России к Западу или это во многом (хотя, безусловно, не полностью) ответ на политику самого Запада; насколько эти угрозы компенсируются темисферами, где интересы России и Запада совпадают или где действия России реально отвечают интересам Запада; наконец, насколько в перспективе достижимы компромиссы либо сотрудничество по различным ключевым вопросам?

Уроки истории

В риторике Запада о взаимоотношениях с Россией после украинского кризиса 2014 г. доминируют две исторические метафоры: описание их нынешнего состояния как «новой холодной войны» и параллель с угрозой, которую представляла собой нацистская Германия в 30-х годах XX в.

Первый образ предполагает не только колоссальную угрозу, но и всестороннее международное противостояние, как геополитическое, так и идеологическое, неизбежно ведущее к разделению стран на два лагеря. Он также предполагает соперничество, которое может завершиться только полным разгромом одной из сторон. Во всяком случае, в годы настоящей холодной войны коммунисты, по крайней мере изначально, ставили целью полностью уничтожить западный «буржуазный» строй через революцию; и завершился конфликт лишь с полным разрушением советского коммунистического строя.

Второй образ, образ нацистской угрозы, еще более мелодраматический, представляет собой безнадежно затертое клише. Он предполагает наличие у России непреклонного стремления к покорению всей Европы или доминированию над ней, а также то, что современное российское руководство, подсознательно ассоциируемое с Холодком, воплощает абсолютное зло, опирающееся на глубоко укорененные в русской культуре злотворные начала. Применительно к политике это сравнение призвано показать, что любые попытки договориться или достичь компромисса с Россией являются «умиротворением», которое приведет только к новым и еще более радикальным требованиям с ее стороны³.

3 Макс Бергманн, бывший сотрудник Госдепартамента при Бараке Обаме и старший научный сотрудник Центра за прогресс Америки (Center for American Progress), «мозгового центра» Демократической партии, умудрился использовать термин «политика умиротворения» применитель-

Вторая аналогия в некоторой степени противоречит сравнению с холодной войной, поскольку стратегия Запада в отношении СССР, основанная в конечном счете на сдерживании, включала также многочисленные соглашения и компромиссы. Большую часть времени эта стратегия исходила из философии сосуществования — хотя бы из-за наличия огромных ядерных арсеналов, которые делали вариант реального конфликта неприемлемо опасным. Одним из примеров (весьма важным в свете сегодняшней ситуации на Украине) является соглашение, заключенное между США и СССР в 1955 г., о взаимном выводе войск из Австрии и признании ее нейтральной страной. К другим примерам относятся различные соглашения по обеспечению доступа в Западный Берлин; соглашение, положившее конец Карибскому кризису (согласно которому СССР вывел ракеты с Кубы, а США — из Турции); Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) и Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО); Хельсинкские соглашения 1975 г. по безопасности и сотрудничеству в Европе; ряд международных договоров по регулированию использования воздушного пространства, морской торговли и т. д. Можно также отметить, что, несмотря на общий идеологический каркас холодной войны, на практике политику США во многих случаях определяла отнюдь не идеология. Так, политика «открытости по отношению к Китаю» (направленная на превращение Китая в частичного союзника по борьбе с СССР) была начата Ричардом Никсоном и Генри Киссинджером в 1971 г., в самый разгар чудовищной «культурной революции».

Ужесточению политики Запада в отношении России в последние десять лет способствовало множество факторов, но наиболее важными из них были конфликт между Россией и Грузией в 2008 г. и начавшийся в 2014 г. украинский кризис (включая аннексию Крыма и скрытое вмешательство России на Донбассе). На Западе эти события были многими восприняты как доказательство экспансионистских амбиций России и ее нацеленности на уничтожение либерального миропорядка, возглавляемого США.

На деле ключевой характеристикой грузинского и украинского кризисов является то, что оба они были *постколониальными конфликтами*, возникшими в результате распада советской империи. Распад каждой империи приводил к подобным конфликтам, поскольку прежде сдерживаемые этнические и религиозные противоречия выходили на поверхность; различные группы боролись за власть в бывших колониях; государства, образовавшиеся на их месте, конфликтовали из-за спорных территорий; меньшинства выступали против новых властей; диаспоры стремились к воссоединению со странами своего происхождения; прежние империи пытались частично восстановить свое влияние; а сторонние государства стремились обеспечить себе новое влияние и преимущества. Эти явления можно было наблюдать, например, при распаде испанской империи в 20-е годы XIX в.; австро-венгерской, османской и российской — в 1918 г.; британской, французской и бельгийской империй в 40–60-х годах и португальской в 70-х го-

но к американо-российским отношениям подряд в трех интервью, которые он дал Дженнифер Рубин [RubinState... RubinWe're... RubinTheTrump-Putin...]. Брайан Катулис дал аналогичные комментарии в интервью той же журналистке [Rubin Will Trump...]. Другие версии аналогии с Гитлером можно посмотреть на страницах ведущей американской газеты: [Krugman; Cohen R.].

дах XX в. Конфликты, возникающие в результате распада империй, часто разгораются несколько десятилетий спустя, аналогично конфликтам на Украине и в Грузии, — так было, например, в случае гражданской войны в Шри-Ланке, разразившейся через 36 лет после того, как англичане покинули Цейлон.

Это не означает, что действия России более оправданны, чем действия других бывших империй. Суть в том, что события, происходящие на территории бывшего СССР с 1991 г., являются не следствием неких уникальных особенностей России, а частью более широкой — и, вероятно, неизбежной — исторической закономерности. Если что-то и отличает постсоветское пространство от территорий других бывших империй, то это относительно малое число конфликтов и жертв — если сравнивать, среди прочего, с Индокитаем в период с 1945 по 1975 г., Алжиром с 1954 по 1963 г., Индией и Пакистаном в 1947 г. и продолжающимися гражданскими войнами в Мьянме и Конго¹.

Сам по себе постимперский характер конфликтов с участием России едва ли обнадеживает, если анализировать угрозу, которую Россия может представлять для Запада. В конечном итоге (даже принимая во внимание внутривнутриполитические расчеты заинтересованных сторон) Первую и Вторую мировые войны можно рассматривать в значительной степени как результат ослабления и распада Австро-Венгерской империи. Первая мировая война была результатом отчаянной попытки этой империи спасти себя, используя внешний военный конфликт. Участие Германии в войне было обусловлено страхом перед растущим влиянием России и распространенным среди немцев убеждением, что конфликт между славянами и немцами за господство в Центральной Европе неизбежен и поэтому его следует развязать побыстрее. Сходным образом, первым пунктом экспансионистской программы Адольфа Гитлера незадолго до Второй мировой войны было включение в состав Германии Австрии и населенных немцами областей Чехословакии. В то же время большинство немцев рассматривали либеральный миропорядок, установленный Великобританией и Францией в 20-е и 30-е годы XX в. (его гарантом выступала Лига Наций), как мир, навязанный победителями и подрывавший многовековое господство Германии в Центральной Европе. Эта аналогия как будто позволяет, по меньшей мере отчасти, обосновать взгляд на Владимира Путина как на Гитлера [Примеры сравнений Путина с Гитлером см.: Hillary Clinton Says...; Blake].

Однако более тщательный анализ демонстрирует несостоятельность такого вывода как с точки зрения реалистической оценки, так в моральном плане. Центральная Европа, как следует из ее названия, занимает центральное положение в Европе. Контроль над Центральной Европой с высокой долей вероятности обеспечивает господство над всем континентом. Земли Центральной Европы граничат с Германией и отчасти входят в ее состав, и без Германии ни Европейский союз, ни НАТО просто не имели бы смысла. Холодная война началась как борьба Соединенных Штатов и Советского Союза за до-

¹ Литература о колониальных войнах Франции и их жестокости, а также о действиях американцев во Вьетнаме настолько обширна и известна, что ее вряд ли нужно цитировать. Напомним, что и Британская империя не избежала искушения колониальным насилием (не говоря уже о катастрофах, последовавших за крахом Британской империи), см., например, книгу Кэролайн Элкинс о подавлении восстания Мау-Мау в Кении [Elkins].

минирование в постнацистской Германии и привела к ее разделению, продлившемуся более четырех десятилетий. Напротив, Украина и тем более Кавказ, с точки зрения реализма, являются географической и геополитической периферией Европы. Нынешние спорные территории примерно на 2000 км удалены от линии фронта холодной войны, проходившей по Эльбе и рассекавшей Германию. Ни один из западных стратегов ни разу не дал (и даже не попытался дать) удовлетворительного объяснения, почему и каким образом зоны, которые до 1990-х годов считались несущественными для интересов безопасности США, Британии и Франции, после распада Советского Союза вдруг приобрели кардинальное значение для их интересов.

Для России же эти зоны являются жизненно важными, и проникновение в них реально или потенциально враждебного западного альянса не могло не вызвать жесткого ответа с российской стороны [См. комментарии, сделанные на этот счет Джорджем Кеннаном, «архитектором холодной войны» США: Friedman; Mearsheimer]. Защита Южной Осетии и Абхазии от грузинских посягательств непосредственно связана с необходимостью сохранить лояльность родственных осетинского и черкесского этносов, проживающих в республиках северо-западного Кавказа самой Российской Федерации.

Украина имеет большое значение для России как территория, на которой зарождалось Российское государство, как место проживания порядка 10 млн этнических русских и как жизненно важный (в настоящее время утраченный) элемент Евразийского союза — экономического и военно-политического блока, лидером которого является Россия. Как Грузия, так и Украина граничат с Россией, но не граничат ни с одной из стран, считавшихся «западными» во времена холодной войны. Более того, поведение России до настоящего времени не давало никаких оснований полагать, что для защиты Польши, Румынии и государств Балтии от конвенциональных военных угроз недостаточно такого сдерживающего фактора, как членство этих стран в НАТО и ЕС. Как указывали российские и некоторые западные аналитики, в плане соответствующих национальных интересов, реакцию России на амбиции Запада в отношении Украины следует сравнивать с отношением США к геополитическому статусу Мексики. Иными словами, вопреки тому, что предполагает аналогия с Гитлером, политика России в отношении Украины не является шагом к завоеванию остальной Европы. Целью этой политики является сама Украина.

Фальшивость аналогии с Гитлером ясно видна и в том, что стратегия России под руководством президента Путина, в целом характеризующаяся разумной осторожностью, далека от безрассудной амбициозности, которую ей приписывают многие западные аналитики. Российская протекция отколовшимся от Грузии Южной Осетии и Абхазии была предоставлена не Путиным, а унаследована им от администраций СССР и России во главе с Михаилом Горбачевым и Борисом Ельциным соответственно. Конфликт в Южной Осетии разразился в 1990 г., в Абхазии — в 1992 г., и в обоих случаях эти конфликты инициировала грузинская сторона.

Что касается моральной оценки позиции России, то западным аналитикам не следует забывать: страны Запада заняли совершенно разные позиции в отношении Южной

Осетии и Абхазии, с одной стороны, и армянской области Нагорный Карабах, провозгласившей независимость от Азербайджана, — с другой, вопреки тому, что с юридической и моральной точки зрения все три ситуации мало различаются. В спорах по нагорно-карабахской проблеме влиятельные армянские лобби на Западе выступили на стороне Армении, и большинство западных стран поддерживали максимально возможную автономию Нагорного Карабаха (вплоть до фактической независимости), дав ему широкие гарантии безопасности. В случаях с Абхазией и Южной Осетией страны Запады, напротив, в большой степени поддерживали стремление Грузии к восстановлению полного суверенитета [См.: Waal; Halbach, Smolnik; Jaksá]. Что бы ни утверждала западная пропаганда, имеющиеся данные ясно демонстрируют, что в августе 2008 г. именно Грузия атаковала Южную Осетию и находившихся там российских военных, а не наоборот [См.: *The Independent... Chivers, Barry*]. Более того, после разгрома грузинской армии в Южной Осетии Россия могла без труда войти в Тбилиси, свергнуть грузинскую власть и поставить на ее место свое марионеточное правительство. Она не стала этого делать. Точно так же весной и в начале лета 2014 г. ничто в военном отношении не могло бы помешать российской армии оккупировать не только Донбасс, но и все русскоязычные области Украины¹. А убийство пророссийских демонстрантов в Одессе в мае 2014 г. украинскими националистами могло послужить хорошим предлогом для таких действий [Amos]. США и НАТО к тому моменту ясно дали понять (как и в случае Грузии в 2008 г.), что они ни при каких обстоятельствах не станут вступать в военный конфликт с Россией из-за Украины [Подробнее о том, как правительство Буша обсуждало возможность вмешательства в военный конфликт на стороне Грузии (этот вариант отвергли единогласно), см. Asmus, pp. 186–8]. Иными словами, если бы Путин был безрассуден (или «безумен», как его описывают некоторые западные обозреватели [См. например: Joffe; Coleman; Traynor, Wintour; Kampfner]), российская армия была бы в Одессе и Харькове, а не в Крыму и части Донбасса под прикрытием (конечно, шитым белыми нитками) добровольческих сепаратистских отрядов.

Осмотрительность России в 2014 г. была, по-видимому, обусловлена тремя факторами: нежеланием идти даже на небольшой риск вмешательства Запада; стремлением избежать любых действий, которые могли бы побудить Германию (которую в Москве до сих пор рассматривают как долгосрочного партнера) вернуться к безоговорочному союзу с США; пониманием того, насколько трудно будет управлять огромным и, в определенной части, глубоко недовольным своим положением украинско-русским населением восточной и южной Украины, в отличие от компактного и в большинстве своем пророссийски настроенного населения Донбасса и Крыма. Следует также подчеркнуть, что Крым был частью России, пока в 1956 г. Никита Хрущев не передал его Украине (бывшей в то время советской социалистической республикой), и что в Крыму расположен Севастополь, исторически являющийся базой российского Черноморского флота. Поэтому аннексия Крыма для предотвращения его возможного перехода под юрисдикцию НАТО рассматривалась, по меньшей мере в России, как сугубо оборонительный шаг, а не акт агрессии [См.: Ливен 2014; Ливен 1999].

1 Сам Путин рассказал об этом во время беседы с Хосе Мануэлем Баррозу [Traynor].

Как при Ельцине, так и при Путине, по крайней мере до 2008 г., Россия стремилась достичь соглашения, суть которого состояла в признании Западом доминирующего (хотя и не исключительного) влияния России на территории бывшего СССР в обмен на российскую поддержку по другим вопросам. Столь виртуозный мастер Realpolitik, как Киссинджер, признавал, что это стремление отражает традиционный взгляд на государственные интересы России в сфере ее исторического влияния — но никак не амбиции, порожденные манией величия [См. Goldberg; Extended... Luce].

Такое стремление также нельзя приравнивать к гитлеровской программе неограниченной международной агрессии и угрозе международному порядку. Путин выстроил систему ограниченного коррумпированного авторитаризма, которая, похоже, знакома ряду союзников США. Беспощадная война, которую Россия вела против этнических сепаратистов в Чечне, например, имеет аналоги в Индии, на Филиппинах, в Турции, Ираке и Саудовской Аравии, то есть в странах, с которыми США поддерживают преимущественно дружеские отношения. Более того, те республики, которые не восставали против России, пользуются широкой культурной и экономической автономией. И хотя несколько российских оппозиционных политиков и журналистов были убиты, подавляющее их большинство, включая главного лидера оппозиции Алексея Навального, были лишь отстранены от выборов и подвергнуты ограниченному судебному преследованию. В этом плане при сравнении со многими союзниками США Россия предстает в весьма благоприятном свете. «Кто из этих союзников США демонстрирует большую толерантность, чем путинская Россия? — отмечал Патрик Бьюкенен. — Филиппины при Родриго Дутерте, Египет при генерале Абдул-Фаттахе ас Сиси, Турция при президенте Эрдогане или Саудовская Аравия при принце Мухаммеде ибн Салмане?» [Buchanan].

Было бы также несправедливо утверждать, что президент Путин представляет этнический русский национализм, не говоря уже о фашизме. (На самом деле этнический национализм гораздо характернее для основного российского оппозиционного движения во главе с Навальным.) Путина же скорее можно квалифицировать как российского государственного националиста, сложившегося под немалым влиянием советской традиции и убежденного в том, что русский народ играет ведущую политическую и культурную роль, но государственные посты должны быть открыты для любого гражданина, лояльного режиму. Министр внутренних дел, дольше всех занимавший свой пост при Путине, генерал Рашид Нургалиев, по национальности татарин, исповедующий ислам; генерал Сергей Шойгу, действующий министр обороны, считающийся наиболее вероятным преемником Путина в случае его внезапной кончины, — тувинский монгол по отцу. Путин никогда не использовал антисемитизм в качестве политической тактики, что весьма примечательно с учетом того, сколько возможностей для этого дает российская политика. Он изгнал или заключил в тюрьму тех евреев-олигархов ельцинской эпохи, которые выступали против него или пытались его контролировать (таких как Михаил Ходорковский и Борис Березовский), но не стал трогать тех, кто признал его правление (таких как Роман Абрамович, Виктор Вексельберг и Петр Авен).

В действительности Путин выступил с открытой критикой русских этнических националистов. Так, в 2012 г. он заявил: «Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной ци-

визации — русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России — под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа». Чтобы в конечном счете — заставить людей своими руками уничтожать собственную Родину. Глубоко убежден, попытки проповедовать идеи построения русского «национального», моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. Более того, это кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности. Да и любой дееспособной, суверенной государственности на нашей земле. ... Самоопределение русского народа — это политическая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» [Putin].

Аналогия с холодной войной не менее ошибочна, чем аналогия с нацизмом, поскольку она подразумевает наличие всестороннего противостояния России и Запада, при котором они занимают противоположные позиции почти по всем локальным проблемам или конфликтам и в каждом случае стремятся ущемить интересы друг друга [За что я считаю разумным и точным анализ российскими учеными международных задач: Лукьянов; Кортунюв; Тимофеев]. Эта картина не соответствует действительности. И не только потому, что Россия является союзницей совокупного Запада в борьбе против исламистского терроризма и экстремизма, который после терактов 11 сентября 2001 г. был назван в Вашингтоне *наиболее* серьезной угрозой безопасности Запада. Россия поддерживала по меньшей мере некоторые страны Запада по всем другим крупным вопросам. Включеваемых случаях она занимала позиции, которые в итоге оказывались правильными, в то время как США и Великобритания ошибались — не только с точки зрения России, но и с точки зрения самих США и других стран Запада. И самое главное, концепцию России о первостепенной важности сохранения эффективных, способных обеспечивать порядок государственных систем (которые часто противопоставляются демократическим системам) разделяет значительная часть американского внешнеполитического и военно-политического истеблишмента.

Будучи противницей вторжения США в Ирак в 2003 г., Россия занимала ту же позицию, что и Германия, Франция, большинство других стран Западной Европы и большинство членов Генеральной Ассамблеи ООН, включая такие демократические государства, как Индия. И они были правы, осуждая это вторжение. Помимо ущерба, нанесенного тогда международному праву (безусловно, не менее серьезного, чем ущерб, нанесенный российской аннексией Крыма), вторжение в Ирак обернулось катастрофой, которая привела к появлению в Ираке сначала «АльКаиды», а затем «Исламского государства» (ИГ). Прямым следствием этого, в свою очередь, стало вторжение ИГ в Сирию и трансформация сирийской революции в сектантскую гражданскую войну. Все это теперь признают даже многие бывшие сторонники войны в Ираке.

Россия также была на стороне многих европейских стран и большей части международного сообщества, когда она выступала против действий США, Великобритании и Франции, превративших «гуманитарную» операцию в Ливии в 2011 г. в кампанию по свержению режима Муаммара Каддафи. И на этот раз российская позиция оказалась

полностью правильной — даже с точки зрения Запада. Как и в Ираке, вмешательство США привело не только к свержению режима, но и к распаду государства. Возникшая в результате анархия способствовала распространению исламистского экстремизма в Северной Африке, привела к утрате Ливией контроля над своими морскими границами и последующим волнам массовой неконтролируемой миграции через Средиземное море. Это, в свою очередь, способствовало победам правых популистских партий в Италии и других странах, что создает экзистенциальную угрозу для Европейского союза.

Относительно Сирии — опасения России, что разрушение баасистского режима приведет к анархии и победе «Исламского государства», нашли понимание у ряда представителей американских и других западных служб безопасности, а их обоснованность подтверждается ходом событий в Ираке и Ливии [Заявление генерала Мартина Демпси в Конгрессе США: Ackerman].

Важно отметить, что позиция России по этим вопросам исходит не только из задачи противодействия вмешательству США и защиты собственных интересов, но также из представлений о международном порядке, разделяемых многими на Западе. Ни Россия, ни Китай не возражали против западного или международного вмешательства в страны, где государственная система уже была разрушена, — такие как Сьерра Леоне. Они выступают против разрушения существующих государств силами, не способными заменить действующие режимы, не имеющими сколько-нибудь четких и практически реализуемых планов, чем их заменить, либо такими, которые не дают оснований считать, что результат замены не окажется хуже имеющейся реальности. Исходя именно из таких соображений некоторые политики в США, включая и президентов, поддерживали разнообразные авторитарные режимы по всему миру, когда те сталкивались с локальными восстаниями, и продолжают делать это поныне.

Что касается нового крупнейшего кризиса на Ближнем Востоке, где США вышли из ядерной сделки с Ираном и существует угроза нападения на Иран со стороны США или Израиля, то позиция России здесь совпадает с позициями не только ведущих европейских государств, но и значительной части американского внешнеполитического и военно-политического истеблишмента (особенно в Пентагоне), не согласной с действиями администрации Трампа.

Безопасный противник

В свете сказанного сложно понять, как трезвый объективный анализ политики России и российско-западных отношений может дать нечто подобное тревожной картине, рисуемой такими официальными лицами, как Скапаротти и Бридлав. Исходя из имеющихся данных, гораздо правильнее видеть в России более или менее нормальную великую державу, преследующую свои собственные интересы. В одних случаях эти интересы соответствуют интересам Запада, в других — нет, при этом, как правило, они совпадают с интересами по меньшей мере некоторых стран Запада. Более того, взгляды российского истеблишмента на международный порядок и национальные интере-

сы не имеют фундаментальных отличий от взглядов наиболее трезвомыслящих представителей соответствующих западных структур.

Тогда откуда вся эта истерия? Почему столько внимания приковано к угрозе со стороны России, в то время как исламистский терроризм и Китай, каждый по-своему, представляют собой куда более серьезные вызовы? Террористы-исламисты убили тысячи американцев и сотни европейцев и постоянно строят планы еще более массовых убийств. Исламистский терроризм, в сочетании с массовой миграцией, играет ключевую роль в развитии правого популизма, разъедающего Европейский союз и НАТО и угрожающего основам американской «мягкой силы». С этой точки зрения, сделанный министерством обороны США в январе 2018 г. вывод, что главной угрозой для США является «соперничество великих держав», а не терроризм, представляется в лучшем случае преждевременным. Он также игнорирует тот факт, что успехи в борьбе с «Исламским государством» в Ираке и Сирии являются в значительной степени заслугой России и Ирана.

В то время как Китай представляет собой равного по мощи конкурента, чья экономика уже переросла экономику США по паритету покупательной способности, экономика России меньше экономики США в пять, а если взять США и ЕС вместе — в 10 раз. Более того, в то время как Россия стремится восстановить свое влияние в регионах, которые были связаны с ней на протяжении столетий, никогда ранее не представляли интереса для США и имеют в целом небольшое экономическое и стратегическое значение, Китай преследует принципиально новые цели. Он бросает вызов Соединенным Штатам в регионе, который был зоной их гегемонии с 1945 г., который является одним из трех центров мировой экономики и на протяжении большей части последних 100 лет рассматривался как крайне важный для национальных и геополитических интересов США. Планы Китая по созданию широкой сети сухопутной инфраструктуры в Евразии, при их успешном осуществлении (перспективы чего, правда, вызывают сомнения), приведут к перераспределению глобального экономического влияния, что будет крайне невыгодным для США и в разы превзойдет любые возможные достижения России. Поэтому попытки США представить Россию как стратегическую угрозу, эквивалентную Китаю, представляются весьма странными, тем более что они неизбежно приведут к российско-китайскому сближению.

Причина этой, казалось бы, нелогичной позиции может заключаться в том, что Россия является для многих западных политиков не только полезным, но и, как ни парадоксально, *безопасным* врагом. СССР (обычно воспринимавшийся на Западе, особенно в США, как просто «Россия») являлся противником, против которого был создан блок НАТО. Блок был сконструирован именно для ведения боевых действий против СССР, которые фактически места не имели. Баланс ядерного устрашения привел к обладанию стратегии сосуществования, а не нападения, и к середине 60-х годов XX в. обе противоборствующие стороны пришли к достаточно четкому пониманию того, где проходят «красные линии» для каждой из сторон.

Сегодня эти границы дозволенного тоже прояснились, начиная по меньшей мере с 2014 г., а возможно и с 2008 г. Есть понимание того, что НАТО не станет защищать ни

одну страну, на которую Россия может напасть, и что Россия не станет нападать ни на одну страну, которую стала бы оборонять НАТО. Это дает обеим сторонам, в отличие от великих держав перед началом Первой мировой войны, свободу использовать конфронтационную риторику без риска развязать катастрофическую войну в реальности. Справедливость такого предположения наглядно подтверждают те ресурсы, которые США и НАТО выделяют на защиту от российской угрозы. За четыре года, прошедшие после украинского кризиса, который, согласно расхожему мнению, ознаменовал начало новой холодной войны, большинство европейских стран-членов НАТО так и не увеличили свои военные расходы, а планы создать новые силы особого назначения численностью в 50 тыс. человек большей частью остались на бумаге. В военном бюджете США на 2018–2019 гг. предусмотрено выделение 6,5 млрд долл. на финансирование Европейской инициативы сдерживания [См.: Judson], что было бы безнадежно мало, если бы перспектива российского нападения действительно рассматривалась как актуальная.

Экономические издержки конфронтации с Россией для стран Запада пока невелики. Торговля между США и Россией всегда была минимальной, а торговля между европейскими странами и Россией мало пострадала от ухудшения российско-западных отношений. Ситуация может измениться, если, следуя пожеланиям президента Трампа, Германия перестанет закупать российский газ; но Германия не собирается этого делать, а Россия не намерена перекрывать вентиль, пока Германия продолжает платить. Со стороны России правдоподобные угрозы прекратить поставки газа странам ЕС могут прозвучать только в случае полномасштабной войны. Прекращение поставок было бы крайне болезненным для ЕС, но также нанесло бы непоправимый ущерб валютным поступлениям в российский бюджет и государственным доходам РФ, а вместе с тем и положению администрации Путина внутри страны. Таким образом, энергетические связи являются не оружием России, а скорее экономическим вариантом гарантии взаимного уничтожения, сохранившей мир во время холодной войны.

В целом Россия представляется совершенно безопасным врагом. Она также является полезным врагом, поскольку дает западным структурам безопасности возможность заниматься тем, для чего они были созданы (и чем занимались, по их мнению успешно, на протяжении четырех десятилетий), и одновременно отвлечь внимание от других угроз, на борьбу с которыми эти структуры не рассчитаны и в противодействии которым, как показывает практика, они крайне неэффективны.

Как отмечали Майкл Клэр и другие, в высшем командовании США никогда не были рады «глобальной войне с терроризмом». В Пентагоне со времен войны во Вьетнаме очень не любят сложно организуемые, трудно завершаемые и потенциально катастрофические операции против повстанцев. Такие конфликты часто отвлекают внимание и финансы от современных и дорогостоящих систем вооружения, столь любимых в любой армии. Клэр писал: «В то время как длительная война с терроризмом стимулировала бурное развитие сил американского спецназа (Special Operations Forces, SOF), продолжающееся по сей день, она неожиданным образом почти не добавила никаких задач или реальной работы для формирований, оснащенных тяжелым вооружением:

танковых бригад, авианосных военно-морских ударных групп, эскадрилий бомбардировщиков и так далее. Правда, военно-воздушные силы США сыграли важную поддерживающую роль при проведении недавних операций в Ираке и Сирии, но в целом легковооруженный спецназ и беспилотники оставили здесь регулярные военные формирования в значительной степени не у дел.

Планам «реальной войны» с «равным соперником» (силы и вооружения которого сходны с нашими) до недавнего времени придавалось значительно меньшее значение, чем нескончаемым конфликтам с участием США на Большом Ближнем Востоке и в Африке. Это настораживало и даже возмущало определенные военные круги, и вот теперь, похоже, настало их время [Klare].

Главные вызовы, с которыми сегодня сталкивается Запад, отличаются от привычных для западных институтов, и это часто приводит к разногласиям среди западных союзников. Главные проблемы мусульманского мира, включая палестино-израильский конфликт, вызвали раскол между европейскими странами и США, а также между самими европейскими государствами. Результаты участия европейских стран-членов НАТО в военных операциях (в форме согласованных миссий НАТО, как в Афганистане, или в форме «добровольных коалиций», как в Ираке и Ливии) оказались либо неудовлетворительными, либо катастрофическими.

Помимо США, в таких кампаниях активнее других участвовала Великобритания. Ее операции как в Басре, так и в Гильменде завершились унижительными неудачами, лишь отчасти компенсированными храбростью и самопожертвованием британских военных. Проводившиеся, чтобы завоевать расположение американцев и впечатлить их, они в конце концов потребовали вмешательства и помощи со стороны разочарованных и смотревших на действия союзников несколько свысока военных США. Британские операции, как и действия военно-воздушных сил Франции и Великобритании в Ливии, выявили серьезные изъяны европейских вооруженных сил, связанные с недостаточностью финансирования, особенно ощутимой после рецессии 2008 г. Разумеется, если бы угроза войны с Россией воспринималась всерьез, членам НАТО пришлось бы заняться реконфигурацией военных потенциалов и повысить военные расходы до политически неприемлемого уровня. Хотя бы поэтому антироссийская риторика Запада по большей части является чистой театральщиной, а не отражением реальной стратегии.

Взаимоотношения с Китаем сулят Западу еще большие трудности и разногласия. Блок НАТО не был создан для борьбы с Китаем, и убедить большинство европейских стран-членов НАТО выделять военные ресурсы для поддержки США и Индии в их противостоянии Китаю — задача политически невыполнимая. Не следует забывать, что даже Великобритания в свое время отклонила просьбы США вступить в войну во Вьетнаме. Огромное и постоянно растущее экономическое значение Китая также не позволяет странам Запада последовать примеру США в конфронтации с ним. Великобритания, как и другие европейские страны, отклонила просьбу администрации Обамы не вступать в китайский Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и, вероятно, будет вместе с ними пытаться заключить контракты в рамках китайского проекта

«Один пояс и один путь», если таковые будут предложены. Более того, после прихода к власти администрации Трампа ведущие европейские страны оказались, подобно Китаю, в состоянии конфронтации с США — как по поводу ядерной сделки с Ираном, так и по вопросам изменения климата и торговли. Мощь Китая отнюдь не способствует сплочению Запада, а работает на его разобщение.

Экзистенциальные угрозы

Чрезмерная сконцентрированность Запада на предполагаемой российской угрозе, возможно, имеет и более глубокие причины. Все основные политические силы Запада, как левоцентристские, так и правые, сталкиваются сейчас с проблемами, которые, если и могут быть решены в принципе, потребуют коренного пересмотра доминирующих идеологических установок.

В США, например, лидеры демократов не имеют реального представления, как вернуть себе поддержку белого рабочего класса, сохранив при этом симпатии расовых и культурных меньшинств и не потеряв связи с Уолл-стрит и ведущими американскими корпорациями. В то же время лидеры республиканцев слабо представляют, как спасти партию от монстра популизма, под влияние которого попала значительная часть их избирателей. Скованные догмой свободного рынка, республиканцы не могут принять социально-экономические меры, необходимые для улучшения экономического положения своих избирателей и укрепления позиций США в экономическом соперничестве с Китаем. В Европе ни традиционные левые, ни традиционные правые не готовы справиться с последствиями мусульманской миграции, в огромной степени стимулирующей рост правого популизма. Для левых недопустима сама мысль о необходимости сокращения числа мигрантов. Для правых — немыслимо признать, что даже в случае значительного снижения миграционного притока высокая рождаемость в среде мигрантов, их браки с единоплеменниками из стран происхождения и воссоединение семей приведут в обозримом будущем к тому, что мусульмане составят значительную часть населения Европы, со всеми вытекающими отсюда принципиальными последствиями для культурной и политической реальности европейских стран и для международных отношений.

В недавней статье, написанной для журнала *Foreign Affairs*, Роберт Кеохэйн и Джефф Колган, анализируя роль исчезновения советской угрозы в подъеме оппозиционного популизма в США и Европе, пишут: «Во времена [холодной войны] советская угроза генерировала не только сильное чувство единения с союзниками Вашингтона, но и приверженность к многосторонним институтам. Социальные психологи доказали значимость образа «другого» в формировании идентичности как на индивидуальном, так и на национальном уровне: отчетливое осознание того, что некто не принадлежит к вашей команде, внутренне спланирует команду. С распадом Советского Союза политическое сознание американцев лишилось главного «другого» и, соответственно, снизилась социальная сплоченность. ... Призрак коммунистического авторитаризма перестал пугать страны Восточной Европы, и их население стало более восприимчиво к популизму и другим формам нелиберальной идеологии. В Европе, как и в Соеди-

ненных Штатах, исчезновение СССР подорвало сплоченность общества и чувство общей цели». Авторы рекомендуют Вашингтону «пестовать уникальную американскую идентичность и национальную идею», для чего «потребуется четко дистанцироваться от авторитарных и нелиберальных стран» [Colgan, Keohane]. Последствия таких рекомендаций для позиций и политики США в отношении России вполне очевидны. Другое дело — соответствует ли такой подход интересам США и как он соотносится с реальными действиями России?

К проблемам, для которых нет традиционных политических решений, можно также отнести: автоматизацию, которая угрожает безработицей не только рабочему, но и среднему классу и может потребовать переосмысления экономических категорий, не менявшихся на протяжении многих поколений; антропогенное изменение климата, предотвратить которое капитализм (по меньшей мере, в его существующей форме) по определению не способен. Нетрудно понять, почему политики, высшие должностные лица и журналисты, столкнувшись с такими проблемами, предпочитают сосредотачиваться на угрозе, не представляющей реальной опасности и в действительности смахивающей на давнего приятеля.

Конечно, реалист может возразить, что преувеличение угрозы со стороны России все равно оправданно, поскольку оно позволяет сохранить единство Запада, в то время как разобщение западных союзников может привести к тяжелым последствиям. Но такое обоснование несостоятельно по нескольким причинам. Во-первых, как указывает Джордж Биб в своей книге, готовящейся к печати, тот факт, что ни Россия, ни НАТО не имеют намерений вступить в вооруженный конфликт друг с другом, не исключает возможности непреднамеренного столкновения [Beebe]. Во-вторых, ненужная враждебность в отношении России препятствует мирному урегулированию конфликта на Украине, оставляя Запад заложником внутренних проблем глубоко коррумпированного, некомпетентного и расколотого украинского правительства. Сходным образом, враждебность Запада к России не позволяет восстановить стабильность и порядок на Ближнем Востоке, препятствуя снижению напряженности в отношениях с Ираном и вынуждая западные страны идти на поводу у Израиля и Саудовской Аравии, что противоречит интересам Запада. В Афганистане также нельзя обойтись без сотрудничества с Россией и Китаем, если США хотят когданибудь выпутаться из конфликта, который в противном случае может продолжаться бесконечно долго.

Все это указывает на несостоятельность текущей внешнеполитической доктрины США, на которой основана их политика в отношении России. Она была сформулирована Полом Вулфовицем и И. Льюисом «Скутером» Либби, которые в 1992 г. подготовили для администрации Буша печально известную записку, где утверждали, что США должны стремиться стать единственным гегемоном во всех регионах мира, по сути распространив доктрину Монро на всю планету [См.: Tyler]. Высмеянный (когда об этом стало известно) как плод мании величия, данный план тем не менее фактически стал стратегическим приоритетом для всех последующих администраций, как республиканских, так и демократических.

Сейчас очевидно, что эта стратегия берет начало в периоде единоличного господства США, оказавшемся очень коротким и продлившимся с 1989 г. до какого-то момента между 2004 г. (когда начались серьезные проблемы при оккупации Ирака) и рецессией 2008 г. США просто не обладают той мощью — экономической, военной и идеологической, — какая необходима для реализации доктрины Вулфовица-Либби. Такой мощью не может обладать ни одна страна. Попытки реализовать эту доктрину не только усугубляют международный беспорядок, но и вынуждают США сотрудничать с «союзниками», интересы которых могут очень сильно отличаться от интересов США, такими как Саудовская Аравия.

Сотрудничество между великими державами будет иметь ключевое значение для регулирования мировых процессов, предотвращения конфликтов и решения глобальных проблем. Такое сотрудничество, как утверждает Хью Уайт в своей книге «Выбор Китая» (*The China Choice*), потребует не только признания жизненно важных интересов других стран, но и признания легитимности их политических систем [White]. Все более очевидные провалы западных демократий в решении возникающих экономических, социальных, демографических и политических проблем должны способствовать такому признанию с их стороны. Вместо того чтобы сосредотачиваться на предполагаемых связях между администрациями Путина и Трампа, аналитикам следовало бы обратить внимание на рост смертности среди мужчин работоспособного возраста, который имел место в России в 90-е годы XX в., а после 2008 г. наблюдается в США, и попытаться понять, насколько подобные тенденции подрывают легитимность либеральной демократии.

Концентрируясь на взаимных разногласиях, а не на явлениях, угрожающих всей современной цивилизации, сегодняшние великие державы рискуют повторить колоссальные ошибки, совершенные европейскими державами и в преддверии Первой мировой войны. Принципиальное отличие нынешней ситуации в том, что сейчас в ситуации высокого риска находятся не одни лишь европейские, а все развитые страны. Им нельзя позволить себе ухудшить положение попытками нанести вред друг другу.

Да, Россию обвиняют как раз в этом, а именно — во вмешательстве в американскую политическую систему. С точки зрения Москвы, это вмешательство (факт которого очевиден, хотя его масштабы и воздействие, возможно, преувеличены) было адекватным ответом на давление США и их пропаганду против России и российских интересов, которые имели место с момента окончания холодной войны, и особенно на то, что рассматривается как попытки разжечь революцию против администрации Путина и дружественных ей режимов на территории бывшего СССР. Скрытый характер действий России действительно выставляет их более зловещими и противоправными, чем большая часть американской тактики в бывшем СССР, что определенно требует жестких ответных мер со стороны США. Но следует отметить, что и там, где российская пропаганда была публичной и открытой, она также воспринималась высшими политическими и медийными кругами США как абсолютно неприемлемая.

Ключевая мысль состоит в том, что любая государственная элита рассматривает легитимность и целостность своей политической системы как жизненно важный инте-

рес, который следует защищать любой ценой, и поэтому невозможно и нелогично рассчитывать на какое-либо серьезное сотрудничество государств, ставящих под вопрос легитимность друг друга. Так, вмешательство России в американские выборы было обоснованно воспринято как угроза жизненно важным интересам США, на которую государство обязано отвечать. В свою очередь, ужасающие последствия смены режима в ряде стран при поддержке Соединенных Штатов, объясняют, почему Россия (а также Китай, Иран и другие страны) видят в подобных действиях США угрозу целостности, единству и даже существованию своих государств и жестко отвечают на такие действия. Точно так же как коррумпированность и репрессивная политика администрации Путина дает США немало возможностей ее дискредитировать, углубляющиеся на Западе внутренние расколы, социальное неравенство и беспомощность западных демократий дают аналогичные возможности России. *Ни одна* из сторон не вправе продолжать эти игры.

Сотрудничество великих держав, безусловно, потребует снижения идеологической и геополитической напряженности. В конечном счете крах коммунизма в СССР был не результатом пропаганды Запада и поддержки им оппозиционных групп, а следствием того, что капиталистические демократии оказались очевидным образом и во всех отношениях эффективнее, чем советская система. Если западная капиталистическая демократия намерена сохранить свое превосходство, ей придется доказывать, что она работает лучше других систем, а для этого определенно потребуются глубокие и болезненные реформы.

* * *

Культивирование страха перед Россией не просто отвлекает внимание от проблем, ослабляющих и разобщающих Запад, но и усугубляет их. Новая холодная война с Россией не поможет ни ограничению числа мигрантов, ни разработке новых стратегий их интеграции. Она не позволит решить проблемы структурной безработицы и частичной занятости, обусловленных деиндустриализацией и прессингом быстро растущей автоматизации. Она ничего не даст ни для решения структурных проблем ЕС и зоны евро, ни для предотвращения нависшей угрозы изменения климата и его последствий.

Возможно, именно поэтому поддержание страха перед Россией является столь популярным занятием в среде западных политиков. По-видимому, это помогает западным элитам, как либеральным, так и консервативным, не думать о проблемах, большинство из которых почти наверняка потребует отказа от ключевых западных стереотипов. Но будущее демократического Запада будет определяться решением именно этих проблем. События в Цхинвали или Донецке имеют куда меньшее значение.

Известно, что общество, столкнувшись с серьезными вызовами, угрожающими положить конец существующему образу жизни, часто обращается к тем или иным формам магического мышления в надежде определенными заклинаниями вернуть уходящее прошлое. Известным примером этого явления был ритуал североамериканских индейцев, названный танцем духов, который практиковался в 70–90-е годы

XIX в. и должен был избавить Северную Америку от белых переселенцев, воскресить мертвых племенных героев и вернуть исчезающие стада бизонов на Великие равнины [Mooney]. В последние годы высказывалось предположение, что современными формами такого типа мышления являются голосование в Великобритании за выход из ЕС и поддержка, которую переживающий нелегкие времена белый средний класс в США оказал Дональду Трампу. Возможно, в своей ностальгии по холодной войне западные элиты точно так же пытаются оживить утешительных духов прошлого, чтобы справиться с пугающим настоящим. Это не помогло племенам сиу и не поможет нам сегодня.

Литература

- Ackerman S.* US Military Intervention in Syria Would Create “Unintended Consequences” // *The Guardian*. 22 July 2013. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jul/22/us-military-intervention-syria> (date of access: 08.10.2018).
- Ali I.* US Military Puts “Great Power Competition” at Heart of Strategy: Mattis // *Reuters*. 19 January 2018. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-military-china-russia/u-s-military-puts-great-power-competition-at-heart-of-strategy-mattis-idUSKBN1F81TR> (date of access: 08.10.2018).
- Amos H.* Ukraine Clashes: Dozens Dead After Odessa Building Fire // *The Guardian*. 2 May 2014. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/may/02/ukraine-dead-odessa-building-fire> (date of access: 08.10.2018).
- Asmus R.D.* *A Little War that Shook the World: Georgia, Russia and the Future of the West*. N.Y. 2009.
- Beebe G.* *The Russia Trap: How Our Gray War with Russia Could Escalate to Nuclear Armageddon (and How to Stop It)* (готовится к печати).
- Biden Joseph R. Jr., Carpenter Michael.* How to Stand Up to the Kremlin // *Foreign Affairs*. January/February. 2018. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-12-05/how-stand-kremlin> (date of access: 08.10.2018).
- Blake A.* All These People Have Compared Putin to Hitler // *The Washington Post*. 5 March 2014. — URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2014/03/05/all-of-these-people-have-compared-vladimir-putin-to-hitler/?utm_term=.d4df8bb81337 (date of access: 08.10.2018).
- Buchanan P.J.* It’s Time to Get over Our Russophobia // *American Conservative*. 9 March 2018. — URL: <https://www.theamericanconservative.com/buchanan/its-time-to-get-over-our-russophobia/> (date of access: 08.10.2018).
- Chivers C.J., Barry E.* Georgian Claims on Russia War Called into Question // *The New York Times*. 6 November 2008. — URL: <https://www.nytimes.com/2008/11/07/world/europe/07georgia.html> (date of access: 08.10.2018).
- Clinton Calls for Act of War Classification for Cyberattacks // *MeriTalk*. 9 October 2017. — URL: <https://www.meritalk.com/articles/clinton-calls-for-act-of-war-classification-for-cyberattacks/> (date of access: 08.10.2018).
- Cohen F.* Stephen Russophobia in the New Cold War // *Nation*. 4 April 2018. — URL: <https://www.thenation.com/article/russophobia-in-the-new-cold-war/> (date of access: 08.10.2018).
- Cohen R.* Of Course, It Could Not Happen Here // *The New York Times*. 29 June 2018. — URL:

- <https://www.nytimes.com/2018/06/29/opinion/europe-immigration-trump-putin-germany.html> (date of access: 08.10.2018).
- Coleman P.D.* Mad with Power? // *Huffington Post*. 29 August 2014. — URL: https://www.huffingtonpost.com/peter-t-coleman-phd/mad-with-power_b_5736728.html (date of access: 08.10.2018).
- Colgan J.D., Keohane R.O.* The Liberal Order Is Rigged: Fix It Now or Watch It Wither // *Foreign Affairs*. May/June 2017. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged> (date of access: 08.10.2018).
- Crooke A.* Will the War Clouds Pass Us By, or Will the Storm Break? // *Sic Semper Tyrannis*. 3 March 2018. — URL: https://turcopolier.typepad.com/sic_semper_tyrannis/2018/03/will-the-war-clouds-pass-us-by-or-will-the-storm-break-by-alastair-crooke.html (date of access: 08.10.2018).
- Elkins C.* Britain's Gulag: The Brutal End of Empire in Kenya. London. 2014.
- EUCOM 2018 Posture Statement'. 8 March 2018. — URL: <http://www.eucom.mil/media-library/article/36269/eucom-2018-posture-statement> (date of access: 08.10.2018).
- Extended Interview: Henry Kissinger // CBS. 'Face the Nation'. 18 December 2016. — URL: <https://www.cbsnews.com/video/extended-interview-henry-kissinger-december-18/> (date of access: 08.10.2018).
- Fischer F., Holborn H. (trans.)*. Germany's Aims in the First World War. N.Y. 2007.
- Friedman Th.L.* Foreign Affairs: Now a Word from Mr X // *The New York Times*. 2 May 1998. — URL: <https://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html> (date of access: 08.10.2018).
- Goldberg J.* World Chaos and World Order: Conversations with Henry Kissinger // *The Atlantic*. 10 November 2016. — URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/kissinger-order-and-chaos/506876/> (date of access: 08.10.2018).
- Halbach U., Smolnik F.* The Nagorno-Karabakh Conflict in Light of the Crisis over Ukraine' // *Fischer S. (ed.) Not Frozen! The Unresolved Conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in Light of the Crisis over Ukraine*. Berlin. 2016. — URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2016RP09_fhs.pdf (date of access: 08.10.2018).
- Hersh S.* The Red Line and the Rat Line // *London Review of Books*. Vol. 36. № 8. 17 April 2014. — URL: <https://www.lrb.co.uk/v36/n08/seymour-m-hersh/the-red-line-and-the-rat-line> (date of access: 08.10.2018).
- Hillary Clinton Says Vladimir Putin's Crimea Occupation Echoes Hitler // *The Guardian*. 6 March 2014. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/06/hillary-clinton-says-vladimir-putins-crimea-occupation-echoes-hitler> (date of access: 08.10.2018).
- The Independent International Fact Finding Mission on the Conflict in Georgia. Report. September 2009. — URL: http://news.bbc.co.uk/1/shared/bsp/hi/pdfs/30_09_09_iiffmgc_report.pdf (date of access: 08.10.2018).
- Jaksa U.* South Caucasus: Nagorno-Karabakh Between a Contested Territory and a Small State // *Centre for Small State Studies, University of Iceland*. 26 May 2015. — URL: <http://ams.hi.is/wp-content/uploads/2014/04/Small-State-Briefs-6.pdf> (date of access: 08.10.2018).
- Jenkins S.* If the Novichok Was Planted by Russia, Where's the Evidence? // *Guardian*. 5 July 2018. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/05/novichok-wiltshire-poisoning-russia-putin-world-cup> (date of access: 08.10.2018).

- Joffe J.* Putin's Press Conference Proved Merkel Right: He's Lost His Mind // *New Republic*. 4 March 2014. — URL: <https://newrepublic.com/article/116852/merkel-was-right-putins-lost-his-mind-press-conference> (date of access: 08.10.2018).
- Judson J.* Funding to Deter Russia Reaches \$6.5 Billion in FY 19 Defense Budget Request // *Defense News*. 12 February 2018. — URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/02/12/funding-to-deter-russia-reaches-65b-in-fy19-defense-budget-request/> (date of access: 08.10.2018).
- Kampfner J.* Putin: A Brilliant Strategist, a Cunning Tactician, or Mad? // *The Telegraph*. 7 February 2015. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/11398324/Putin-a-brilliant-strategist-a-cunning-tactician-or-mad.html> (date of access: 08.10.2018).
- Klare M.T.* The Pentagon Is Planning a Three Front "Long War" Against Russia and China // *Foreign Policy in Focus*. 4 April 2018. — URL: <https://fpif.org/the-pentagon-is-planning-a-three-front-long-war-against-china-and-russia/> (date of access: 08.10.2018).
- Kortunov A.* Russia's Changing Relations with the West: Prospects for a Hybrid System // *Russia in Global Affairs*. 22 January 2018. — URL: <http://eng.globalaffairs.ru/book/Russias-Changing-Relations-with-the-West-Prospects-for-a-New-Hybrid-System-19308> (date of access: 08.10.2018).
- Krastev I., Holmes S.* Russia's Aggressive Isolationism: Putin Is Leveraging Foreign Policy for Domestic Purposes, a Flip Made Possible by a Globalised World // *American Interest*. Vol. 10. № 3. 10 December. 2014. — URL: <https://www.the-american-interest.com/2014/12/10/russias-aggressive-isolationism/> (date of access: 08.10.2018).
- Krugman P.* A Quisling and His Enablers // *The New York Times*. 11 June 2018. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/11/opinion/trump-quisling-enablers.html> (date of access: 08.10.2018).
- Lieven A.* Face-off in Ukraine // *Prospect*. 14 March 2014. — URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/face-off-in-ukraine-pro-russia-vs-crimea> (date of access: 08.10.2018).
- Lieven A.* *Ukraine and Russia: A Fraternal Rivalry*. Washington DC. 1999.
- Luce E.* We Are in a Very, Very Grave Period // *Financial Times*, 20 July 2018. — URL: <https://www.ft.com/content/926a66b0-8b49-11e8-bf9e-8771d5404543> (date of access: 08.10.2018).
- Lukyanov F.* Putin's Foreign Policy. The Quest to Restore Russia's Rightful Place // *Foreign Affairs*. May/June 2016. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2016-04-18/putins-foreign-policy> (date of access: 08.10.2018).
- Mayer A. J.* *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War* N.Y. 1981.
- Mayer A. J.* *The Primacy of Domestic Politics* // Holger Herwig (ed.) *The Outbreak of World War I*. N.Y. 1996.
- McFaul M., Stoner-Weiss K.* Who Lost Russia (This Time)? Vladimir Putin // *Washington Quarterly*. Vol. 38. № 2. 2015. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0163660X.2015.1064716?scroll=top&needAccess=true> (date of access: 08.10.2018).
- Mearsheimer J.J.* Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // *Foreign Affairs*. 20 August 2014. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (date of access: 08.10.2018).
- Mombauer A.* *The Origins of the First World War: Controversies and Consensus*. N.Y. 2002.
- Mommsen W.J.* *Imperial Germany 1867–1918: Politics, Culture and Society in an Authoritarian State*. N.Y. 1995.
- Mooney J.* *The Ghost Dance Religion and Wounded Knee*. Mineola, NY. 2011.
- Morgenthau H. J.* *The Limits of Historical Justice* // *Truth and Power: Essays of a Decade 1960–1970*. N.Y. 1970.

- Moses J.A.* The Politics of Illusion: The Fischer Controversy in German Historiography. N.Y. 1975).
- NATO Commander: Russia Poses “Existential Threat” to West’ // Radio Free Europe / Radio Liberty. 25 February 2016. — URL: <https://www.rferl.org/a/nato-breedloverussia-existential-threat/27574037.html> (date of access: 08.10.2018).
- Nixon J.* Saddam Hussein’s CIA Interrogator: He Should Have Been Left in Power // Time. 16 December 2016. — URL: <http://time.com/4603831/donald-trump-saddam-hussein/> (date of access: 08.10.2018).
- Phillips K.* Cheney Delivers a Statement on Russian Meddling: It’s an “Act of War” // Washington Post. URL: 28 March 2017. — URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/03/28/cheney-is-the-latest-republican-to-call-russias-alleged-meddling-in-u-s-elections-an-act-of-war/?noredirect=on&utm_term=.9f036c5ff8fc (date of access: 08.10.2018).
- Putin V.* Russia: The Ethnicity Issue // Nezavisimaya Gazeta. 23 January 2012. — URL: <http://archive.premier.gov.ru/eng/events/news/17831/> (date of access: 08.10.2018). (На русском см.: Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. — URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 08.10.2018) — ред.)
- Rubin J.* State Department dysfunction reaches new highs // Washington Post. 2 August 2017. — URL: <https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2017/08/02/state-department-dysfunction-reaches-new-highs/> (date of access: 08.10.2018).
- Rubin J.* The Trump — Putin Summit Should Set Off Alarm Bells // The Washington Post. 28 June 2018. — URL: <https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2018/06/28/the-trump-putin-summit-should-set-off-alarm-bells/> (date of access: 08.10.2018).
- Rubin J.* We’re Defenseless Against Russian Sabotage in the Midterm Elections. And Trump’s Not Helping // The Washington Post. 13 February 2018. — URL: https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2018/02/13/were-defenseless-against-russian-sabotage-in-the-midterm-elections-and-trumps-not-helping/?utm_term=.9e8e0e4cdd2c (date of access: 08.10.2018).
- Rubin J.* Will Trump Play the Part of Putin’s Poodle, Again? // The Washington Post. 14 March 2018. — URL: [https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2018/03/14/will-trump-play-the-part-of-putins-poodle-again/\(date%20of%20access%3A%2008.10.2018\)](https://www.washingtonpost.com/blogs/right-turn/wp/2018/03/14/will-trump-play-the-part-of-putins-poodle-again/(date%20of%20access%3A%2008.10.2018)).
- Schleifer Th., Walsh D.Mc.* Russian Cyberintrusions an “Act of War” // CNN. 31 December 2016. — URL: <https://edition.cnn.com/2016/12/30/politics/mccain-cyber-hearing/index.html> (date of access: 08.10.2018).
- Sharkov D.* “Putin Is a Smart, but Truly Evil Man”, Says Madeleine Albright // Newsweek. 20 April 2016. — URL: <https://www.newsweek.com/putin-smart-truly-evil-man-says-madeleine-albright-450332> (date of access: 08.10.2018).
- Sipher J.* Vladimir Putin Isn’t as Russian as He Seems // Foreign Policy. 6 December. 2017. — URL: <https://foreignpolicy.com/2017/12/06/vladimir-putin-isnt-as-russian-as-he-seems/> (date of access: 08.10.2018).
- Timofeev I.* Theses on “Russia’s Foreign Policy and Global Positioning 2017–2024” // Centre for Strategic Research (Moscow). June 2017. — URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/06/Theses_foreign_policy.pdf (date of access: 08.10.2018).
- Traynor I.* Putin Claims Russian Forces Could Capture Ukrainian Capital in Two Weeks // The Guardian, 2 September 2014. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/sep/02/putin-russian-forces-could-conquer-ukraine-capital-kiev-fortnight> (date of access: 08.10.2018).
- Traynor I. Wintour P.* Ukraine Crisis: Vladimir Putin Has Lost the Plot, Says German Chancellor // The

- Guardian. 3 March 2014. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/mar/03/ukraine-vladimir-putin-angela-merkel-russian> (date of access: 08.10.2018).
- Tsygankov A.* Russophobia: Anti-Russian Lobby and US Foreign Policy. N.Y. 2009.
- Tyler P.* US Strategy Plan Calls for Ensuring No Rivals Develop // The New York Times. 8 March 1992. — URL: <https://www.nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html> (date of access: 08.10.2018).
- Waal Th.* De Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War N.Y. 2013.
- White H.* The China Choice: Why We Should Share Power. Oxford. 2013.
- Zenko M.* America's Military Is Nostalgic for Great Power Competition // Chatham House. 21 March 2018. — URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/america-s-military-nostalgic-great-power-competition> (date of access: 08.10.2018).

Перевод с английского Владимира Дедова

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-45-59
УДК 323; 324

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

Ноябрьские выборы 2018 г. в США: референдум по Д. Трампу

Аннотация. В статье анализируется политическая обстановка в США накануне ноябрьских промежуточных выборов в Конгресс. Заключительный этап избирательной кампании проходит под лозунгом «референдум по Д. Трампу», а в широком смысле — «референдум по трампизму». Делается вывод, что в условиях политико-идейной поляризации между Республиканской и Демократической партиями исход выборов 6 ноября 2018 г. может стать логическим продолжением тенденции последних полутора десятилетий. Правящая партия, вначале контролирующая и законодательную, и исполнительную ветви власти, затем сокращает свое представительство в Конгрессе США, утрачивая контроль над одной или двумя его палатами.

Ключевые слова: промежуточные выборы, референдум по трампизму, электорат демократов, раскол республиканцев, исторические закономерности, идеологическая поляризация.

Кампания 2018 г. по выборам в Конгресс США, в ходе которой переизбираются все 435 членов Палаты представителей и 35 сенаторов из 100, а также 39 губернаторов, проходит в условиях беспрецедентной по накалу политической борьбы между кандидатами Республиканской и Демократической партий. Ожесточенность политико-идеологического противостояния обусловлена двумя факторами. Демократы и противники Д. Трампа, во-первых, рассматривают промежуточные выборы 2018 г. с позиций реванша за свое поражение на президентских выборах 2016 г. При этом они не без оснований полагают, что в случае успеха на выборах демократы могут установить контроль над одной из палат Конгресса США, что будет означать практически полную блокировку внутри- и внешнеполитических инициатив республиканской администрации (а при установлении контроля над обеими палатами — окончательный разгром Трампа).

Во-вторых, Конгресс 116-го созыва начнет свою работу в январе 2019 г. Стив Бэннон, главный политтехнолог Д. Трампа, который был руководителем его избирательной кампании на заключительных этапах осенью 2016 г. и которому Д. Трамп фактически обязан своим местом в Овальном кабинете Белого дома, определил центральный мотив промежуточных выборов 2018 г. так: «Общий настрой кампании 2018 г. для меня предельно ясен. Это — референдум по Трампу, голосование “сверху вниз” или наобо-

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривнутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук; travkina.n.m@gmail.com.

рот с целью последующего импичмента Трампа. Демократы имеют мощный побудительный стимул для ведения кампании, и он сводится к тому, что они хотят отрешить Дональда Трампа от власти» [Bannon...].

Фактически промежуточные выборы 2018 г. превратились в продолжение президентской кампании 2016 г., «президентские выборы 2.0». Это подтверждают и опросы общественного мнения, согласно которым предполагаемая активность американских избирателей в ходе текущей кампании примерно соответствует их активности в ходе президентской кампании 2016 г. В выборах президента США в 2016 г. приняли участие примерно 139 млн избирателей, явка составила 60,1% от общего числа зарегистрированных избирателей [UnitedStates Elections Project. 2016...]. Обычно промежуточные выборы заметно уступают по явке президентским. В частности, в 2004–2016 гг. явка американских избирателей на президентские выборы составляла в среднем 60,1%. Явка на промежуточные выборы отставала примерно на 20% и в 2002–2014 гг. составляла в среднем 39,4% [Рассчитано по: United States Elections Project.National...].

Ситуация драматическим образом изменилась в ходе предвыборной кампании 2018 г. Согласно данным социологической организации «Пью Рисерч Сентер», если в ходе первичных промежуточных выборов в 2002–2014 гг. явка составляла в среднем 41,3% от числа зарегистрированных избирателей, то в 2018 г. она увеличилась на 25 процентных пунктов (п.п.) и достигла рекордных 51% [Составлено и рассчитано по: Pew Research Center. Voters ...p. 1]. При этом, согласно опросу той же «Пью Рисерч Сентер», повышенный интерес американских избирателей к исходу промежуточных выборов 2018 г. объясняется в основном сугубо политическими факторами. Избиратели собираются 6 ноября проголосовать прежде всего за кандидатов своей партии, с тем чтобы обеспечить ей победу и контроль над обеими палатами Конгресса США. 73% опрошенных демократов заявили о том, что именно в этом состоит их главный интерес к ноябрьским выборам. Среди республиканских избирателей доля аналогично настроенных респондентов несколько меньше, но также внушительна — 70%. [Ibidem] В целом, в среднем 68% всеохрошенных американских избирателей воспринимают предстоящие выборы в Конгресс как своеобразный рыцарский поединок двух политических противников, одному из которых достанется Капитолийский холм. В прошлые годы таких было меньше на 10 п.п. — 58% всех опрошенных.

Одновременно больше половины американских избирателей уверенно заявили, что их голос в поддержку конгрессмена или сенатора-однопартийца является прежде всего голосом в поддержку или против Д. Трампа. Так, 61% опрошенных демократов именно этим объяснили свое участие в промежуточных выборах 2018 г. Хотя среди республиканцев таких несколько меньше — 52%, эта цифра показывает, что не только противники, но и сторонники действующего президента рассматривают выборы 6 ноября в качестве «референдума по Д. Трампу».

Специфика промежуточных выборов как референдума способствует еще большей поляризации американского электората. Американцы начинают воспринимать политические процессы, происходящие в стране, в черно-белых красках, без промежуточных

оттенков. По состоянию на июнь 2018 г. доля избирателей с таким восприятием выборной кампании составила рекордные 60%, причем 34% высказались против Трампа, а 26% безоговорочно поддержали действующего президента. Для сравнения можно указать, что в ходе промежуточных выборов 2006 г. фигура действовавшего на тот момент президента (Дж. Буша-мл.) была определяющей для участия в выборах 53% избирателей, а в ходе промежуточных выборов 2010 и 2014 г. фигура Б. Обамы — для 51% и 48% избирателей соответственно [ibid., p. 2].

История как предсказатель

Большую роль в современной политической системе США играют традиции. На протяжении десятилетий американские избиратели рассматривают промежуточные выборы как наиболее действенную форму коррекции внутривнутриполитического и отчасти внешнеполитического курса стоящей у руля партии. Эта коррекция, как правило, производится после того, как в результате президентских выборов в Вашингтоне устанавливается безраздельное господство одной партии над обеими (исполнительной и законодательной) ветвями власти. В результате президентская партия теряет депутатские места как в Палате представителей, так и в Сенате, что нередко ведет и к потере контроля над одной или даже двумя палатами Конгресса.

Что касается Палаты представителей, в период с 1900 г. по настоящее время в США состоялось 29 промежуточных выборов, 26 из которых (около 90%) партия, контролирующая исполнительную власть, проиграла. Исключениями стали промежуточные выборы 1934, 1998 и 2002 г. Победа демократов на промежуточных выборах в Палату представителей в 1934 г. объясняется колоссальным кредитом доверия, который «Новый курс» Ф. Рузвельта получил у американского народа на президентских выборах 1932 г. На промежуточных выборах 1998 г., несмотря на шедший полным ходом осенью процесс импичмента президента У. Клинтона, решающую роль в победе демократов сыграл мощный экономический подъем США во второй половине 1990-х годов, ассоциируемый с политикой администрации. В 2002 г. единственным фактором победы республиканцев на промежуточных выборах стал небывалый патриотический подъем американской нации в ответ на террористический акт 11 сентября 2001 г.

Таким образом, история промежуточных выборов в Палату представителей на протяжении последних 100 с лишним лет показывает, что только три фактора могут изменить устоявшуюся историческую закономерность: 1) тяжелейший экономический кризис, требующий для своего преодоления объединенных усилий всей нации; 2) беспрецедентный рост экономики; 3) серьезное осложнение международной обстановки — по существу, втягивание США в военные действия.

В ходе 17 промежуточных выборов, имевших место в США с 1950 г., средние потери президентской партии в Палате представителей составили 24 места. Растущая поляризация американского общества и углубление идеологического раскола между демократами и республиканцами влияли и на количество мест, теряемых контролирующей Белый дом партией. Так, если в период с 1950 по 1982 г. средняя величина потерь

правящей партии в Палате представителей составляла 17 мест, то в 1986–2014 гг. она увеличилась до 27 мест. Этот рост объясняется тем, что партийно-идеологическая поляризация уменьшила число «флюидных мест», которые могут переходить от одной партии к другой в результате изменений в идейных настроениях американских избирателей, но зато они увеличили число мест, политическая судьба которых зависит от изменений в социально-экономической конъюнктуре. Поэтому, согласно прогностической оценке видного американского политолога Дж. Кэмпбелла, исход промежуточных выборов в Палату представителей зависит не от того, какая партия одержит верх в ноябре 2018 г., а «будет ли количество мест, полученных Демократической партией, большим или незначительным» [Campbell].

Исторические закономерности голосования во время промежуточных выборов в Сенат США демонстрируют большую вариабельность. В течение 100 лет, с 1916 по 2016 г., состоялось 25 промежуточных выборов. Принятие промежуточных выборов 1918 г. в качестве исходных объясняется тем, что в 1913 г. была принята 17-я поправка к Конституции США, в соответствии с которой сенаторы стали избираться прямым «народным» голосованием. Как показывает статистика, президентской партии удавалось сохранить или получить контроль над Сенатом в 60% случаев [Skelley]. Это объясняется тем, что в ходе промежуточных выборов переизбирается, как правило, только 1/3 состава Сената, при этом заметно варьируется соотношение мест, контролируемых на момент выборов той или другой партией. Так, в ходе текущих промежуточных выборов 2018 г. будут переизбираться 36 сенатских мест, из которых 26 (72%) контролирует Демократическая партия и только 10 (28%) — Республиканская [Ibidem].

Большую роль в ходе промежуточных выборов в Сенат играет и фактор «открытости» сенатского места, то есть переизбирается ли действующий сенатор, или же он по тем или иным причинам не участвует в избирательной кампании. В последнем случае сенатское место считается «свободным». Результаты промежуточных выборов за столетний период 1914–2014 гг. по параметру «открытости» сенатского места суммированы в таблице 1.

Таблица 1

**Результаты промежуточных выборов в 1914–2014 гг.
по параметру «открытости» сенатского места**

Переизбирающиеся сенаторы президентской партии				Переизбирающиеся сенаторы оппозиционной партии			
число выборов	победы	поражения	победы (%)	число выборов	победы	поражения	победы (%)
391	291	100	74	314	286	28	91
Выборы на «открытое» место, занимавшееся сенатором президентской партии				Выборы на «открытое» место, занимавшееся сенатором оппозиционной партии			
число выборов	победы	поражения	победы (%)	число выборов	победы	поражения	победы (%)
134	82	52	61	76	57	19	75

Skelley G. Senate Observations: Placing 2018 in the Context of Upper Chamber Elections Since 1913. – «Sabato Crystall Ball», August 2nd, 2018 (crystalball.centerforpolitics.org/crystalball/articles/senate-observations-placing-2018-in-th....)

В целом исторический анализ показывает, что партия, контролирующая на момент президентских выборов Белый дом, имеет сравнительно неплохие шансы (в пределах от 61% до 74%), сохранить свое представительство в Сенате США. Однако шансы оппозиционной партии на удержание прежних или даже завоевание новых мест являются более высокими и лежат в пределах от 75% до 91%. В такой форме и проявляется тенденция к «коррекции» внутри- и внешнеполитического курса правящей партии на выборах в Сенат США в ходе промежуточных выборов.

Прогностическая оценка исхода предстоящих в ноябре выборов, основанная на долгосрочных исторических тенденциях промежуточных выборов в Сенат, дана в таблице 2.

Таблица 2

Вероятностная оценка результатов промежуточных выборов 2018 г. в Сенат США

Республиканская партия			Демократическая партия		
число мест с переизбирающимися сенаторами	число «открытых» мест	вероятное число мест по итогам выборов	число мест с переизбирающимися сенаторами	число «открытых» мест	вероятное число мест по итогам выборов
6,0	4,0	8,6	26	0	23,7
Прогностический исход выборов в Сенат на основе вероятностных показателей за период 1914–2014 гг.:					
Республиканская партия: $10 - 8,6 = 1,4$					
Демократическая партия: $26 - 23,7 = 2,3$					
Республиканская партия: $1,4 - 2,3 = + 0,9$					

Skelley G. Senate Observations: Placing 2018 in the Context of Upper Chamber Elections Since 1913. – «Sabato Crystall Ball», August 2nd, 2018 (crystalball.centerforpolitics.org/crystalball/articles/senate-observations-placing-2018-in-th...).

Таким образом, основываясь на вероятностных значениях исхода промежуточных выборов в Сенат США за период 1914–2014 гг., можно ожидать, что Республиканская партия способна увеличить свое представительство в Сенате Конгресса 116 созыва на 1 место.

Помимо долгосрочных исторических тенденций, важны и результаты последних трех промежуточных выборов (2006, 2010 и 2014 г.), отражающие специфические особенности расстановки политических сил в США в XXI в. и усиление идейно-идеологической поляризации. Согласно их результатам, правящая партия устойчиво теряла свое представительство в обеих палатах Конгресса США, при этом в каждом избирательном цикле она лишалась, как минимум, контроля над одной из палат. Потери партии, контролирующей исполнительную ветвь власти, в ходе промежуточных выборов в Конгресс США суммированы в таблице 3.

Таким образом, в ходе последних трех промежуточных выборов, президентская партия в среднем теряла 35 мест в Палате представителей и 7 мест в Сенате США. По мнению американских политологов, в настоящее время принципиально важную роль

для исхода промежуточных выборов имеет степень общественной поддержки (популярности) действующего президента. С этой точки зрения весьма показательно, что в самый канун промежуточных выборов (в конце октября) популярность и Дж. Буша-мл., и Б. Обамы опускалась ниже критически важного уровня в 50%. При этом падение степени общественной поддержки Дж. Буша-мл. ниже 40% в 2006 г. «гарантированно» лишило Республиканскую партию контроля над обеими палатами Конгресса. На момент начала заключительного этапа избирательной кампании 2018 г. степень общественной поддержки Д. Трампа едва превышала 40% [RealClearPolitics. RCP PollAverage. President...].

Таблица 3

**Потери президентской партии на промежуточных выборах
в Конгресс США в 2006, 2010 и 2014 г.**

Год, президент	Потери в Палате представителей, мест	Потери в Сенате, мест	Степень общественной поддержки действующего президента, %
2006, Дж. Буш-мл.	– 30		
(потеря контроля над палатой)	– 6		
(потеря контроля над Сенатом)	37		
2010, Б. Обама	– 63		
(потеря контроля над палатой)	– 6	45	
2014, Б. Обама	– 13	– 9	
(потеря контроля над Сенатом)	41		

The American Presidency Project. Seats in Congress Gained/Lost by the President's Party in Mid-Term Elections. F. Roosevelt – Trump. – presidency.ucsb.edu/data/mid-term_elections.php.

Идейно-политические составляющие «синего цунами»

К заключительному этапу выборной кампании 2018 г. Демократическая партия и ее кандидаты подошли полные оптимизма и уверенности в реванше за унижительное поражение на президентских выборах 2016 г. Еще в начале 2018 г. аналитики заговорили о формировании в американской политике «синей волны», можно даже сказать — мощного политического цунами, которое сметет республиканцев не только в Палате представителей, но, возможно, и в Сенате. Согласно различным прогнозам, демократы могут рассчитывать на получение от 12 до почти 70 мест в Палате представителей [Bernstein]. В настоящее время республиканцы располагают там большинством в 47 голосов — 241 республиканцу противостоят 194 демократа. Чтобы завоевать большинство в Палате представителей, демократам необходимо иметь 218 голосов, то есть победить в 24 избирательных округах.

Вероятность того, что на выборах в Сенат демократы получат необходимые им 3 места равняется 30%, что позволит им обеспечить контроль над Сенатом в соотношении голосов 51 к 49 [Election 2018...].

Оптимизм демократов в отношении исхода промежуточных выборов в Конгресс строится на усредненных результатах опросов общественного мнения (безотносительно к конкретным избирательным округам или штатам). На всем протяжении 2018 г. демократы устойчиво опережали республиканцев в среднем на 8% (48% — 40%) в ответах на вопрос, кандидатам какой партии готовы отдать голоса респонденты [RealClearPolitics. RCP PollAverage. 2018...].

Оптимизм и уверенность демократов в победном для них исходе промежуточных выборов переросли в самоуверенность. В начале сентября 2018 г. лидер демократического меньшинства в Палате представителей Н. Пелоси обратилась к своим коллегам по фракции с меморандумом, претенциозно озаглавленном «Будьте готовы!» Смысл ее обращения был незамысловат: «По мере того, как приближается к концу работа Конгресса нынешнего созыва, будьте готовы к перспективе работы во фракции демократического большинства, когда в январе следующего года соберется Конгресс нового созыва» [USCongress...]. В своем обращении Н. Пелоси дала поручения руководителям комитетов и подкомитетов от Демократической партии разработать основные положения законопроектов, направленных на: 1) снижение издержек медицинского обслуживания и цен на рецептурные лекарства; 2) повышение зарплат и должностных окладов американских трудящихся на основе высоких темпов экономического роста; 3) снижение размеров коррупции в федеральном правительстве. Помимо этого, должны быть разработаны новые варианты законопроектов по защите детей и подростков незаконных иммигрантов и по уменьшению оборота оружия.

Стратегию завоевания большинства в Палате представителей демократы построили на «трех китах» — кандидатах-женщинах, представителях этнических меньшинств и новичках в политической жизни Америки. Всего демократы выдвинули 187 женщин [Center for American...], побив прежний рекорд президентских выборов 2016 г., когда на заключительном этапе участвовало 120 кандидатов-женщин от Демократической партии, 133 представителя этнических меньшинств и 158 кандидатов, решивших впервые участвовать в политических избирательных кампаниях [Schneider]. Демократы извлекли уроки из поражения на президентских выборах 2016 г., встав на путь коренного обновления партийного актива, выдвигая на авансцену политической борьбы тех, кто в состоянии мобилизовать максимально возможное количество американских избирателей разных сегментов электората, традиционно ориентирующихся на поддержку Демократической партии.

Феномен Д. Трампа был «творчески осмыслен» демократами. Они осознали потенциально значимую роль политических новичков, решившихся впервые выставить свою кандидатуру на выборную должность. По заключению американских политологов, кандидаты-новички, приходящие «из неполитических и нетрадиционных структур, ведут принципиально отличные избирательные кампании. Когда член законодательного собрания какого-либо штата пытается избраться в Конгресс, он ведет свою кампанию по хорошо известным правилам. Но когда в политику приходят медсестра, домохозяйка — мать семейства или молодой ветеран, их кампании заметно отличаются от при-

вычных шаблонов, как это и имеет место в избирательной кампании 2018 г., и именно данное обстоятельство привлекает избирателей» [Ibidem].

В этом плане большой резонанс в США вызвала победа на первичных выборах в Демократической партии в шт. Нью-Йорк 29-летней Александрии Окасио-Кортес, дочери выходцев из Пуэрто-Рико. По своим убеждениям она принадлежит к крайне левому крылу Демократической партии, являясь одновременно членом организации «Демократические социалисты Америки». Она активно участвовала в политической кампании Б. Сандерса на президентских выборах 2016 г. В конце июня с.г. на первичных выборах в Бронксе (один из районов г. Нью-Йорка) она победила Дж. Кроули — профессионального политика, который на протяжении 10 сроков подряд представлял различные районы Нью-Йорка. В Конгрессе 115 созыва (2017–2019 гг.) Кроули является одним из лидеров фракции Демократической партии в Палате представителей (занимал четвертую позицию в списке ее руководителей), будучи председателем Собрания демократической фракции в Палате, ответственным за избрание руководящего состава фракции. Отрыв числа поданных за А. Окасио-Кортес голосов составил внушительные 15% — 57,5% против 42,5% голосов, поданных за Дж. Кроули [2018 New York...].

Американские обозреватели назвали победу А. Окасио-Кортес «самым большим потрясением избирательной кампании 2018 г.» Свою кампанию А. Окасио-Кортес построила на том, что «направила острие растущего недовольства на истеблишмент Демократической партии в штате Нью-Йорк. Она умело связала Кроули с Уолл-стритом и крупным бизнесом, занимающимся операциями с недвижимостью (довольно справедливо), и неустанно говорила о том, что пришло время, чтобы избирательный округ, в котором проживает преимущественно небелое население, был представлен выходцем из Пуэрто-Рико, к числу которых принадлежит и она сама» [Murphy]. Политическому успеху А. Окасио-Кортес безусловно способствовало то, что 70% жителей ее избирательного округа относятся к небелому населению и никогда не имели собственного представителя в Конгрессе; помимо этого, 50 % населения округа являются иммигрантами [Hess].

Победа А. Окасио-Кортес явилась тем более феноменальной, что на свою кампанию она потратила примерно в 7 раз меньше средств, чем Дж. Кроули, — всего 0,5 млн долл. против его 3,4 млн долл. [«New York District 14 2018 Race»]. На этапе первичных выборов Дж. Кроули поддержало все руководство демократов шт. Нью-Йорк: губернатор штата А. Куомо, мэр Нью-Йорка У. де Блазио, два сенатора-демократа от штата — Ч. Шумер (лидер демократического меньшинства в Сенате) и К. Гилибранд, 11 конгрессменов-демократов, лидеры профсоюзов [U.S. House of Representatives. Congressman...]. Итоги первичных выборов в Бронксе подвел Б. Сандерс, написавший в своем твите, что А. Окасио-Кортес «уверенно победила всю местную верхушку Демократической партии, вновь продемонстрировав, на что способны прогрессивные политики из народа» [Rep. Joe Crowley...].

Феномен А. Окасио-Кортес отражает важнейший процесс, идущий в Демократической партии США. Партия, встав на путь решительного обновления своего политически

активного ядра, начинает заметно сдвигаться влево. Этот сдвиг напоминает многим американским политологам формирование «Чайной партии», что предопределило политический успех республиканцев в ходе промежуточных выборов 2010 г. В тот период основным катализатором «чайного движения» выступил первый чернокожий президент США Б. Обама. В избирательной кампании 2018 г. роль такого катализатора играет Д. Трамп.

Как указывает политический обозреватель Д. Грэм, прогрессивные кандидаты «могут толкнуть Демократическую партию влево на долгие годы» [Graham]. Их политические лозунги содержат требования повышения минимальной заработной платы, введения оплачиваемого отпуска для всей семьи, оплачиваемого отпуска по болезни, расширение системы доступного социального жилья и ужесточение мер по контролю над оборотом оружия.

Выдвижение демократами женщин, представителей этнических меньшинств и нового поколения молодых политических деятелей призвано активизировать электорат Демократической партии, в том числе те группы населения, которые традиционно проявляют сравнительно небольшой интерес к промежуточным выборам. Опросы общественного мнения показывают, что в кампании 2018 г. сторонники демократов проявляют большую активность по сравнению со сторонниками Республиканской партии. По данным социологической службы «Пью Рисерч Сентер», 22% респондентов — сторонников Демократической партии против 8% сторонников Республиканской партии участвовали в предвыборных митингах кандидатов; 23% против 18% были склонны вносить денежные пожертвования в предвыборные фонды своих кандидатов; почти в два раза (в соотношении 9% к 5%) демократы опережали республиканцев в волонтерской поддержке кандидатов [Pew Research Center. As Midterms...].

Важнейшим фактором любой выборной кампании в США, в том числе и кампании 2018 г., являются финансовые вливания и взносы основных спонсоров Демократической и Республиканской партий. Финансовое обеспечение избирательных кампаний является своеобразным тотализатором: спонсоры делают своего рода «ставки» на возможную победу кандидатов той или иной партии. По состоянию на конец лета 2018 г. 50 основных спонсоров Демократической партии внесли в предвыборные фонды кандидатов около 520 млн долл., в то время как 50 основных спонсоров республиканцев — немногим более 400 млн долл [Рассчитано по: OpenSecrets.org]. Финансовые потоки в избирательной кампании, получается, также «голосуют» за Демократическую партию, а спонсоры рассматривают ее кандидатов как более надежный политический актив для долгосрочных «инвестиций» по сравнению с их республиканскими конкурентами.

Самоубийство Республиканской партии

Можно без преувеличения сказать, что успех Республиканской партии на президентских выборах 2016 г. явился пирровой победой, поскольку президентство Д. Трампа раскололо республиканцев. Грызня в их рядах во время избирательной кампании 2016

г. плавно перетекла в достаточно острую конфронтацию в период 2017–2018 гг. Вместо того чтобы, по хорошо устоявшейся традиции, объединиться вокруг президента-республиканца и начать последовательно выполнять заявленную в ходе президентской кампании программу внутри- и внешнеполитических преобразований, немалая часть влиятельных республиканцев в Конгрессе, тайно или явно блокируясь с демократами, саботировали деятельность администрации Д. Трампа на законодательном фронте и немало сделали для дезавуирования личности 45-ого президента США в глазах прореспубликански настроенной части избирателей. В Палате представителей в числе открытых противников Д. Трампа оказалось по меньшей мере 30 конгрессменов, в том числе и влиятельных руководителей комитетов палаты; в Сенате против Трампа выступили по меньшей мере 12 сенаторов, в том числе такие политические «тяжеловесы», как Дж. Маккейн, Л. Грэм, Р. Кокер Дж. Флейк, Р. Портмен, К. Гарднер, С. Коллинз и ряд других.

В качестве примера можно привести антитрамповскую деятельность сенатора от шт. Аризона Дж. Флейка. В октябре 2016 г. он открыто призвал Трампа снять свою кандидатуру с президентской гонки, заявив при этом, что «Америка заслуживает лучшего президента, чем @реальныйДональдТрамп». (@realDonaldTrump — это Трамп в Твиттере; демарш сенатора был вызван скандалом, разразившимся в связи с давними (2005 г.) высказываниями Трампа о женщинах.) [Yuhas] В августе 2017 г. Флейк публикует книгу «Совесть консерватора. Отрицание деструктивной политики и возвращение к принципиальности», которую расценили как республиканский манифест против трампизма. В ней автор, в частности, писал, что базовые принципы консерватизма, на которых неизменно стояла Республиканская партия со времен бывшего сенатора от Аризоны Б. Голдуотера, «оказались полностью скомпрометированными другими мощными тенденциями — национализмом, популизмом, ксенофобией, крайней формой партийности, даже всеобщей известностью, и это является частичным объяснением того, почему республиканцы потеряли свои политические ориентиры» [Flake, p. XI].

В своей книге Флейк открыто обвинил действующего президента-республиканца в разрушении Республиканской партии. Трамп, со своей стороны, начал кампанию по поиску альтернативных Флейку политиков среди республиканцев Аризоны, поскольку в 2018 г. ему предстояли перевыборы, и даже пообещал выделить 10 млн долл. из собственных средств, чтобы «выбить» Флейка из сенатской гонки [Isenstadt]. Трамп также заявил, что не будет поддерживать Флейка на этапе первичных выборов среди республиканцев в 2018 г.

В этих условиях 24 октября 2017 г. Флейк выступил с большой речью в Сенате США, объявив, что не будет добиваться своего переизбрания на пост сенатора от Аризоны на второй срок. Его речь стала «громогласным обвинением, выдвинутым против Республиканской партии, ее президента и политической культуры страны в целом». [Coppins] В своей речи Флейк, в частности, заявил: «Мы никогда не должны считать “нормальным” систематический и целенаправленный подрыв наших демократических норм и идеалов. Мы никогда не должны смиренно принимать ежедневные издевки над нашей страной — личные нападки, угрозы принципам, свободам и институтам, во-

пиющее пренебрежение к правде или порядочности, безрассудные провокации, чаще всего по самым мелким и личным причинам, не имеющим ничего общего с судьбами тех, кого люди избрали для служения нашей стране» [Nowicki].

Из-за растущих идейных разногласий между значительной частью республиканцев, представленных в Сенате и Палате представителей, и Белым домом в преддверии ноябрьских выборов 2018 г. начался массовый исход республиканцев из Конгресса США. Кроме Флейка о своем неучастии в выборной кампании заявили еще два сенатора — Р. Кокер от шт. Теннесси, который был впервые избран в Сенат в 2006 г., и О. Хэтч от шт. Юта, впервые избранный сенатором в 1976 г. (Заметим, что все 26 переизбирающихся сенаторов-демократов решили участвовать в промежуточных выборах 2018 г.) Помимо этого, республиканская фракция в Сенате потеряла еще двух сенаторов — Дж. Сешнса, который был назначен Трампом в начале 2017 г. министром юстиции, и Т. Кохрана (1937 г. рождения), заявившего в марте 2018 г., что покидает Сенат «по состоянию здоровья». А первым серьезным звонком для республиканцев стало избрание на дополнительных выборах в Сенат в декабре 2017 г. на место, освобожденное Сешнсом, демократа Д. Джонса, в результате чего республиканское большинство уменьшилось с 52 до 51 сенатора.

О своем неучастии в выборной кампании 2018 г. заявили также 38 конгрессменов-республиканцев. Помимо этого, ранее по разным причинам Палату представителей покинули еще 12 республиканцев, в том числе М. Помпео, М. Малвейни, Р. Зинке, Т. Прайс и Дж. Брайденстайн, назначенные Трампом на различные должности в его администрации. Для сравнения: 50 республиканцам, досрочно покинувшим ряды законодателей или решившим не участвовать в выборах в 2018 г., «противостоят» всего 22 демократа, оставляющих места в Конгрессе по аналогичным причинам.

Американские наблюдатели указывают, что многие отставки (в частности, сенатора Д. Флейка) являются следствием далеко идущих политических расчетов вновь вернуться в большую политику в 2020 г., когда Республиканская партия и американские избиратели будут всерьез озабочены проблемой адаптации к «эпохе после Д. Трампа». Так, Д. Флейк активно начал подготовку к президентским выборам 2020 г., уже посетив шт. Нью-Гэмпшир, в котором стартует этап первичных выборов будущей президентской кампании [Debenedetti].

Итого в общей сложности в 2017–2018 гг. 55 республиканцев освободили занимаемые ими места в обеих палатах Конгресса США, что является аномально высоким показателем за последние 4 избирательные кампании, начиная с 2012 г. В частности, в 2016 г. таких отставок среди республиканцев было 27, в кампании 2014 г. — 35 и в кампании 2012 г. — 24 [Ballotpedia...]. По мнению многих американских политологов, добровольные отставки десятков республиканских политиков и их нежелание участвовать в выборах 2018 г. вызваны осознанием того факта, что партия, во главе которой стоит Д. Трамп, обречена на политическое поражение «по определению».

В начале осени эту фундаментальную особенность выборной кампании 2018 г. поняла и верхушка Республиканской партии: «Рейтинги одобрения деятельности Дональда

Трампа на посту президента США внезапно заставили республиканцев считаться с возможностью наихудших сценариев исхода промежуточных выборов» [Harwood]. В конечном итоге, промежуточные выборы во время первого срока пребывания у власти нового президента всегда являлись в американской истории «референдумом по действующему президенту». Как отметил обозреватель телекомпании «ЭнБиСи» Д. Харвуд, «история промежуточных выборов отчетливо и недвусмысленно показывает решающую роль фактора общественной поддержки действующего президента. В каждой из трех последних выборных кампаний 80% избирателей, одобрявших деятельность президента, голосовали за кандидатов его партии, и те же 80% отрицательно относившихся к деятельности президента голосовали против его партии» [ibidem].

Республиканские фракции в обеих палатах Конгресса США сыграли огромную роль в падении рейтинга Д. Трампа, всячески поддерживая работу комиссии Р. Мюллера по расследованию «российского вмешательства» в американские президентские выборы 2016 г. Эта комиссия была создана в мае 2017 г. по распоряжению заместителя министра юстиции США Р. Розенштейна, подчиненного Д. Сешнса. В марте 2017 г. Сешнс взял самоотвод от разбирательства «сговора» предвыборного штаба Трампа с российскими властями [Berenson], и в принципе Трамп мог одним росчерком пера «прихлопнуть» комиссию Мюллера, однако этому воспротивились влиятельные республиканцы на Капитолийском холме. Действуя в союзе с демократами, они пообещали назначить специального прокурора для продолжения расследования «российского следа» в американских выборах в том случае, если по линии исполнительной власти будет принято решение о прекращении работы комиссии.

В результате американская печать на протяжении почти полутора лет смаковала все подробности «изысканий» комиссии Мюллера, что внесло немалый вклад в подкрепление в массовом общественном сознании факта «сговора Трампа и Путина». Повышенный интерес американской общественности к работе комиссии Мюллера демонстрируют, в частности, результаты опроса общественного мнения, проведенного телекомпанией «СиЭнЭн» в начале сентября 2018 г. Респондентам задавался вопрос, в какой степени работу комиссии следует считать «серьезным делом», а в какой — формой «дискредитации Д. Трампа». Большая часть опрошенных — 61% — заявили, что работа комиссии Мюллера является «серьезным делом», и только 33% отнесли ее работу к разряду пиар-кампаний по дискредитации Трампа [CNN...]. Иными словами, факт сговора между «Трампом и Россией» в ходе президентских выборов в глазах большей части респондентов можно считать вполне доказанным, а отсюда — возможность выдвижения обвинений в «государственной измене» и дорога к импичменту Трампа, за который в ходе того же опроса высказалось 47% респондентов (48% его не поддержали).

В новейшей американской истории трудно припомнить случай, когда собственная партия президента была бы заинтересована в его дискредитации не меньше, чем оппозиционная, соревнуясь с ней в разнузданной антипрезидентской кампании в прозрачной надежде на то, что «политическая беспристрастность» может принести дивиденды в виде голосов благодарных избирателей.

P. S.

Возможно ли в США возникновение «нештатной» политической ситуации в канун выборов 6 ноября или сразу после них? Показательно, что эта проблема обсуждалась в американской печати в связи с возможным переносом выборов из-за внешнего вмешательства. При этом было отмечено, что вся политическая традиция Америки дает однозначно отрицательный ответ на этот вопрос. Вместе с тем было указано, что «Конституция не дает четкой трактовки этой проблемы. Согласно результатам некоторых исследований, Конгресс теоретически может перенести выборы на более поздний срок в случае возникновения в стране чрезвычайной ситуации» [Buttal]. 19 сентября 2018 г. Д. Трамп продлил на год режим чрезвычайной ситуации, введенный еще 23 сентября 2001 г. в связи с возможными терактами на территории США [Presidential Documents...].

Литература

2018 New York Election Results. — «PoliticoElections», June 29, 2018. — URL: politico.com/election-results/2018/new-york/ (date of access: 28.09.2018).

Ballotpedia. List of U.S. Congress incumbents who are not running for re-election in 2018. — URL: ballotpedia.org/List_of_U.S._Congress_incumbents_who_are_not_running_for_re-election_in_2018 (date of access: 28.09.2018).

Bannon mounts last-ditch effort to save the House for Trump // Politico. 08.15.2018. — URL: politico.com/story/2018/08/15/bannon-comeback-midterms-trump-impeachment-779225 (date of access: 28.09.2018).

Berenson T. Jeff Sessions Is Recusing Himself. What Does That Mean? // Time. March 3, 2017. — URL: time.com/4689877/recuses-meaning-jeff-sessions-donald-trump/ (date of access: 28.09.2018).

Bernstein J. All the Crystal Balls Say Democrats Will Gain in Midterms. Whatever your prediction method of choice, from this moment the main question is whether Democrats gain 12 seats or closer to 70 // Bloomberg Opinion. August 20, 2018. — URL: bloomberg.com/view/articles/2018-08-20/midterm-predictions-all-models-favor-the-democrats-jl29v0hh (date of access: 28.09.2018).

Buttal J. Can Trump «postpone» the 2018 midterm elections because of the threat of Russian interference? // Quora. Mar 6, 2018. — URL: quora.com/Can-Trump-postpone-the-2018-midterm-elections-because-of-the-threat-of-Russian-interference (date of access: 28.09.2018).

Campbell J. Introduction: The 2018 Midterm Election Forecasts // Sabato Crystall Ball. September 13th, 2018. — URL: crystalball.centerforpolitics.org/crystalball/articles/introduction-the-2018-midterm-election-forecasts/ (date of access: 28.09.2018).

Center for American Women and Politics. CAWP. Election Watch. 2018 Summary of Women Candidates. 09.24.18). — URL: cawp.rutgers.edu/potential-candidate-summary-2018 (date of access: 28.09.2018).

CNN Politics. CNN Poll: More approve of Mueller than of Trump. September 12, 2018. — URL: edition.cnn.com/2018/09/12/politics/cnn-poll-mueller-trump-approval-gap/index.html (date of access: 28.09.2018).

Coppins M. The Tragedy of Jeff Flake. The Arizona senator gambled that voters would choose civility and responsible governance over Trump. On Tuesday, he folded // The Atlantic. Oct. 25, 2017. —

- URL: theatlantic.com/politics/archive/2017/10/jeff-flake-interview/543912/ (date of access: 28.09.2018).
- Debenedetti G.* Another Problem for Trump: A 2020 Primary Challenge Is Growing More Likely // New York Magazine. Sept. 9, 2018. — URL: nymag.com/daily/intelligencer/2018/09/will-donald-trump-face-a-primary-challenge-in-2020.html (date of access: 28.09.2018).
- Election 2018. FiveThirtyEight. Election 2018. Forecasting the race for the Senate. Updated Sep. 30, 2018. — URL: projects.fivethirtyeight.com/2018-midterm-election-forecast/senate/?ex_cid=midterms-header (date of access: 28.09.2018).
- Flake J.* Conscience of a Conservative: A Rejection of Destructive Politics and a Return to Principle. N.Y. 2017. Pp.XI + 142.
- Graham D.* How a Blue Wave Could Crash Far Beyond Washington. Hundreds of progressive, state-level candidates running in 2018 could pull the Democratic Party leftward for years to come // The Atlantic. Aug. 9, 2018. — URL: theatlantic.com/politics/archive/2018/08/a-wave-of-progressive-candidates-could-reshape-the-democratic-party/566999/ (date of access: 28.09.2018).
- Harwood J.* Trump's sagging approval ratings have GOP staring at worst-case scenarios for midterm elections // CNBC. 11 Sept 2018. — URL: cnbc.com/2018/09/11/trumps-sagging-approval-ratings-have-gop-staring-at-worst-case-midterm-scenarios.html (date of access: 28.09.2018).
- Hess A.* Meet Alexandria Ocasio-Cortez, the 28-year-old poised to become the youngest woman in Congress // CNBS. 27 June 2018. — URL: cnbc.com/2018/06/27/alexandria-ocasio-cortez-could-be-youngest-woman-elected-to-congress.html (date of access: 28.09.2018).
- Isenstadt A.* President Trump's enemies list. The president remembers every political slight — and the politicians who abandoned him during the 'Access Hollywood' scandal // Politico. 07.10.2017. — URL: politico.com/story/2017/07/10/president-trump-enemies-list-240344 (date of access: 28.09.2018).
- Murphy T.* A Progressive Insurgent Just Pulled Off the Biggest Democratic Primary Upset in Years. Meet Alexandria Ocasio-Cortez // Mother Jones. June 26, 2018. — URL: motherjones.com/politics/2018/06/alexandria-ocasio-cortez-joe-crowley-primary-new-york/ (date of access: 28.09.2018).
- «New York District 14 2018 Race». Summary Data. Alexandria Ocasio-Cortez (D) // OpenSecrets.org. Center for Responsive politics. — URL: opensecrets.org/races/summary?cycle=2018&id=NY14 (date of access: 28.09.2018).
- Nowicki D.* Arizona's Jeff Flake announces he will not seek re-election to U.S. Senate // AZCENTRAL. Oct. 25, 2017. — URL: eu.azcentral.com/story/news/2017/10/24/republican-senator-jeff-flake-announces-not-running-senate-reelection-gop-primary-ward-trump/793952001/ (date of access: 28.09.2018).
- OpenSecrets.org. Center for Responsible Politics. Politicians & Elections / Expenditures / Top Vendors. 2018. — URL: opensecrets.org/expends/vendors.php?year=2018&type=repub (date of access: 28.09.2018).
- Pew Research Center. As Midterms Near, Democrats Are More Politically Active Than Republicans. August 16, 2018. P.1. — URL: people-press.org/2018/08/16/as-midterms-near-democrats-are-more-politically-active-than-republicans.pdf (date of access: 28.09.2018).
- Pew Research Center. Voters More Focused on Control of Congress — and the President — Than in Past Midterms. GOP leads on economy, Democrats on health care, immigration. June 20, 2018.

- P. 1. — URL: people-press.org/2018/06/20/voters-more-focused-on-control-of-congress-and-the-president-than-in-past-midterms.pdf (date of access: 28.09.2018).
- RealClearPolitics. RCP Poll Average. 2018 Generic Congressional Vote. — URL: realclearpolitics.com/epolls/other/2018_generic_congressional_vote-6185.html (date of access: 28.09.2018).
- RealClearPolitics. RCP Poll Average. President Trump Job Approval. — URL: realclearpolitics.com/epolls/other/president_trump_job_approval-6179.html (date of access: 28.09.2018).
- Rep. Joe Crowley loses primary to 28-year-old newcomer Alexandria Ocasio-Cortez. Ocasio-Cortez, a 28-year-old Bernie Sanders campaign organizer with no electoral experience, upset a top-ranking Democrat with eyes on the House speakership // NBC News. Jun. 27, 2018. — URL: nbcnews.com/politics/elections/rep-joe-crowley-loses-28-year-old-newcomer-alexandria-ocasio-n886851 (date of access: 28.09.2018).
- Presidential Documents. Notice of September 19, 2018. Continuation of the National Emergency With Respect to Persons Who Commit, Threaten To Commit, or Support Terrorism // Federal Register. Vol. 83, No. 183. Thursday, September 20. 2018. P. 47799.
- Schneider E.* 'Something has actually changed': Women, minorities, first-time candidates drive Democratic House hopes. White men are in the minority among Democratic House nominees // Politico. 09.11.2018. — URL: politico.com/story/2018/09/11/white-men-democratic-house-candidates-813717 (date of access: 28.09.2018).
- Skelley G.* Senate Observations: Placing 2018 in the Context of Upper Chamber Elections Since 1913 // Sabato Crystall Ball. August 2nd, 2018. — URL: crystalball.centerforpolitics.org/crystalball/articles/senate-observations-placing-2018-in-the-context-of-upper-chamber-elections-since-1913/ (date of access: 28.09.2018).
- US Congress. House of Representatives. Nancy Pelosi. Democratic Leader. Dear Colleague: Be Ready! Press Releases. 09.04.18. — URL: democraticleader.gov/newsroom/9418/ (date of access: 28.09.2018).
- U.S. House of Representatives. Congressman Joe Crowley*Democrat. Endorsements. — URL: crowleyforcongress.com/?page_id=467 (date of access: 28.09.2018).
- United States Elections Project. 2016 November General Election Turnout Rates. Last updated: 09.05.2018. — URL: electproject.org/2016g (date of access: 28.09.2018).
- United States Elections Project. National General Election VEP Turnout Rates, 1789-Present. — URL: electproject.org/national-1789-present (date of access: 28.09.2018).
- Yuhas A.* The growing list of Republicans withdrawing support for Donald Trump. High-profile Republicans have rejected the businessman following the release of his remarks on groping women, while others condemn the comments. Interactive: the new Republican center of gravity // The Guardian. 9 Oct 2016. — URL: theguardian.com/us-news/2016/oct/08/donald-trump-list-of-republicans-reject-support-endorsement (date of access: 28.09.2018).

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-60-70

УДК 323; 327; 355; 366,636

Татьяна ШАКЛЕИНА

Внутриполитическая ситуация в Вашингтоне. Роль СМИ и российско-американские отношения

Аннотация. *Отношения России и США после окончания холодной войны прошли разные этапы и к 2018 г., по оценкам многих российских и особенно американских политологов, вступили в новую холодную войну, суть которой объясняют по-разному. Можно ли было избежать ее или она была запрограммирована историческими парадигмами? Избежать войны можно: многое, если не все, зависит от устремлений правящей элиты. Американский политический мейнстрим действует в рамках традиционной внешнеполитической парадигмы — воинственной, непримиримой, подпитываемой мощной информационно-идеологической кампанией, одна из целей которой — отвлечь американцев от кризисной внутриполитической ситуации, найдя внешнего врага в лице России.*

Ключевые слова: *Россия, США, СМИ, Д. Трамп, правящие партии, выборы 2016 г., холодная война, свобода слова, утечки информации.*

Происходящие в Вашингтоне события объясняются не только неудовлетворенностью части политической элиты результатами президентских выборов 2016 г. Кризисное состояние американской политической системы зреет давно, и прошедшие выборы лишь еще более обнажили существующие проблемы, прежде всего неудовлетворенность населения правящими партиями и их лидерами, избирательной системой, социально-экономической ситуацией. Рядовые американцы, особенно молодежь, начали высказывать опасения и сомнения относительно того, как реализуются демократические принципы и как действуют демократические институты в стране. Сложившуюся в Вашингтоне ситуацию можно было бы охарактеризовать как «политический спазм»¹.

1 Впервые термин «спазм» был использован А.Д. Богатуровым, который так охарактеризовал общемировую ситуацию после экономического кризиса 2008 г. Закончился ли этот спазм в мировой экономике, сказать трудно, так как Соединенные Штаты, контролирующие созданную на основе американского доллара в либерально-рыночном формате финансово-экономическую систему, держат мировую экономику в спазматическом состоянии, не желая радикально ее реформировать, стремясь сохранить свое доминирование и преимущество, добавив санкционную политику и торговую войну как средство сохранения существующего порядка. Отдельные страны пытаются вырваться из этого состояния, но результаты таких попыток, предпринимаемых Китаем, Россией, Турцией и рядом других стран, пока трудно предсказать, учитывая потенциал США и тех западных экономик, которые их поддерживают [См.: Богатуров].

Сведения об авторе: ШАКЛЕИНА Татьяна Алексеевна — заведующая Кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор политических наук; shakleina-tania@yandex.ru.

Решение внутривполитических проблем — дело самих американцев, и можно было бы не так внимательно за этим следить. Однако все, что происходит в Вашингтоне, оказывает прямое влияние на поведение США в мире и на политику в отношении России. Особая роль во всех разворачивающихся в США процессах принадлежит СМИ, которые нагнетают страсти не только в Америке, но и за ее пределами. (В этом от американских СМИ не отстают и британские.)

Хотя в глаза бросается своего рода разлад между действующей администрацией США и значительной частью американской политической элиты, основы внешнеполитического курса остаются неизменными: стремление к закреплению либерального мирового порядка с Америкой-центром сохраняется и лишь приобретает еще более жесткую форму [См.: Шаклеина 2018].

Американские политики не хотят мириться с тем, что в своем эволюционном развитии США испытывают трудности, через которые пришлось пройти многим державам, и так называемая исключительность Америки и ее несомненные преимущества не гарантируют ей «особого исключительного пути». Американцы не желают отказываться от своей исключительности, признавать себя членом мирового сообщества, где интересы и проблемы разных стран взаимосвязаны, а при решении как общих, так и национальных проблем необходимо учитывать интересы других.

Анализ ситуации в Вашингтоне не дает поводов для оптимизма, так как в том, что там происходит, нет пока намека на хотя бы минимальный отход от идеологии гегемонии во внешней политике, разного рода войн до победы, поиска врагов, перманентно угрожающих Америке [Bacevich 2010; 2013; Layne; Hendrickson]. На вопрос «Кто виноват?» и демократы, и республиканцы, и пресса, и политологи из ведущих «мозговых центров» дружно отвечают: недемократические внешние силы (прежде всего Россия). Большинство из них не хотят даже обсуждать внутренние факторы: серьезные социальные проблемы, вызвавшие столь глубокий раскол на выборах 2016 г.; изъяны политической системы; кризис обеих партий; состояние прессы, ее поведение и методы действия (соответствие 1-й поправке Конституции); заметный кризис в реализации международной стратегии и ряд других. Америка, полагают в Вашингтоне, по-прежнему незыблема и совершенна, появление такого деятеля, как Д. Трамп, случайность и происки внешних сил, непримиримость и жесткость в отношении несогласных внутри и за рубежом должны сохраняться.

События 2016–2018 гг. сравнивают с громкими разоблачениями и межпартийными столкновениями 1970-х годов. Это было время, когда в отношениях СССР и США происходила «разрядка». Начался хельсинкский процесс, завершившийся в 1975 г. подписанием Хельсинкского акта, который ознаменовал важный прорыв в двусторонних отношениях и в Холодной войне. Разразившиеся в то время в США политические скандалы были сконцентрированы на внутренних проблемах и обошли стороной отношения с СССР. Конфликтующие стороны — правительство и СМИ, Демократическая и Республиканская партии — видели угрозу прежде всего в несовершенстве американских политических институтов и в нарушениях конституции.

С тех пор на протяжении почти сорока лет исполнительная власть методично старалась защитить себя от разного рода «вторжений» со стороны прессы, а пресса все больше встраивалась в правительство, сживалась, сливалась с ним, становясь «придатком» правящей партии, а не институтом, стоящим над правительством. Это прежде всего касается сферы национальной безопасности. Но и в вопросах внутренней политики пресса оказывалась под влиянием партий и различных групп интересов (или открыто примыкала к ним, в зависимости от того, каких политических убеждений придерживались владельцы новостных корпораций и ведущих СМИ).

Еще в 1973 г. Д. Уайз, один из самых последовательных журналистов-аналитиков, занимавшихся проблемами взаимоотношений правительства и прессы, писал: «Американскую прессу часто называют «четвертой ветвью» власти, и этот термин отражает как ее необычайную важность, так и ее главную слабость. Ведь пресса *не является* ветвью власти, и степень забывчивости журналистов, или отождествление себя с правительством не позволяют им выполнять возложенную на них функцию служения обществу» [Wise, p. 25]. Сегодня пресса по-прежнему пытается олицетворять себя с «четвертой ветвью» власти.

Весьма актуально, на наш взгляд, еще одно точное замечание Д. Уайза, высказанное 45 лет назад. «Обман со стороны американского правительства, — писал он, — носит симптоматичный характер, а рост могущества Америки и превращение ее в мировую державу после Второй мировой войны усилили соблазн и возможности для правительства обманывать народ». Создание системы жесткого контроля над информацией, обращал внимание журналист, привело к тому, что сложилась своего рода «система институционального обмана». Д. Уайз все-таки надеялся, что правительство осознает преимущества более правдивого информирования американцев и это положит конец политике обмана [Wise, p. 500–501, 505–506].

Эти слова стоит взять на заметку. Ведь политика обмана продолжается, а пресса поддерживает такую политику, участвует в ней, и лишь немногие из журналистов озабочены проблемой более или менее адекватного информирования общества, чтобы «обмануть врага», по-прежнему обманывают американцев, многие из которых действительно мало что знают о происходящем в мире и не всегда могут разобраться в том, что происходит в их собственной стране¹. А чтобы отвлечь внимание от внутреннего социально-политического кризиса, мейнстримные политики и журналисты объединяют усилия для создания «официальных» врагов и разработки «адекватных мер» по их нейтрализации.

Стоит ли удивляться аналогиям между тем, о чем писал Уайз, и тем, что происходит в наше время, или развитие американского государства в таком направлении было

¹ Д. Уайз писал: «Очень часто политики, находящиеся у власти, оправдывают рост секретности и обман общественности тем, что иногда надо вводить в заблуждение американцев, чтобы обмануть врага. Такое объяснение неприемлемо ни с моральной, ни с философской точек зрения, и чаще всего это просто неправда. Чаще всего “враг” хорошо осведомлен о том, что происходит на самом деле, а вот американцы не знают ничего» [См.: Wise, p 501].

предсказуемо? Все без исключения администрации проводили линию на ужесточение контроля над доступом к правительственной информации, и это привело к почти полной зависимости прессы от правительства в получении сведений, особенно если речь шла о внешней политике. Время от времени «утечки» все-таки осуществлялись, как это происходит и сейчас в ходе политической борьбы в Вашингтоне [См.: Frank, Weisband; O'Brien; Reston; Schorr]. Но при такой технологии добывания информации журналистами вряд ли можно говорить о свободной американской прессе. Технология «утечек» и не всегда законные методы получения информации часто не позволяют проверить обнародованные журналистами факты, что только усложняет ситуацию. Но, может быть, как раз это и нужно политикам?

В 1990-е годы американский истеблишмент не видел серьезных препятствий для реализации поставленных задач по преобразованию мира, поэтому не было острой необходимости мобилизовывать СМИ и «мозговые центры» для поиска и «оформления» нового врага. Главными скандалами были внутрисполитические, такие как коснувшееся демократов дело Моники Левински и другие скандальные сюжеты, традиционно сопровождавшие выборы, когда под огнем журналистов оказывались обе партии и их кандидаты.

В 2000–2010-е годы ситуация изменилась. Реализация планов США по строительству мирового порядка столкнулась с препятствиями. На авансцену вышли Россия и Китай, реальные оппоненты американской политики [Emerging Powers... Challenge and Change... Шаклеина 2017, р. 66–177]. Пресса быстро воодушевилась новой возможностью расширить свое участие в политике, освещая операции США в разных уголках мира. Когда же были четко определены новые враги Америки, действия прессы стали напоминать пропагандистские кампании времен Холодной войны, только уже с новыми техническими возможностями и в более широком масштабе. Как отмечал американский политолог Д. Хендриксон, Америка неохотно признает наличие национальных интересов у других держав и оценивает международную ситуацию, исходя из собственных представлений, собственной политической культуры, а не на основе объективной оценки происходящего. Коллективное самомнение американцев, писал политолог, их способность видеть во всем опасность и врагов с незапамятных времен делают политику Америки нацеленной прежде всего на борьбу «со злом». В этих условиях значительная часть прессы наделяется правом обвинять и выносить приговор той или иной стране. Получается, что «Америка нуждается во врагах, без них она потеряет свою идентичность» [Hendrickson, р. 58–59; Баталов, Журавлева, Хозинская; Баталов 2010; Баталов 2015].

Пресса — это часть Америки, ее политической системы, она действует в той же парадигме, что и правящая администрация. Поэтому, во-первых, она информирует американцев и остальной мир о том и в той степени, что и как допускается политическим мейнстримом (исключения существуют, но они немногочисленны), а во-вторых — занимается пропагандой официальной линии или интересов тех политических и экономических групп, с которыми ее связывают договоренности, нередко линия определяется владельцем той или иной новостной кампании или издания.

«Утечки» информации были и остаются в массе своей контролируруемыми. Количество не контролируемых президентом «утечек» увеличивается в периоды кризисных внутриполитических ситуаций. Именно такую переживает сегодня Вашингтон. Пресса в этой политической игре выступает не как независимый наблюдатель, а как ангажированный участник от разных политических партий и группировок. Есть заказ на создание образа внешнего врага, на которого можно свалить всю политическую неразбериху, назвав его к тому же угрозой американской демократии — заказ принят. И большинство СМИ (особенно либеральных) на этот заказ работает, надо сказать, с упоением. [Dionne, Ornstein, Mann, p. 97–99].

Иначе не понять, почему так быстро журналисты ухватились за российскую тему: Америке нужен реальный враг, и он есть, привычный и знакомый, — правда, с новым лицом. Не понять иначе, почему американские журналисты не озаботились по-настоящему правдивым информированием американцев во время таких событий, как военная операция в Ираке, а затем в Сирии. Во время первой на ведущих телеканалах шли лишь победные репортажи о действиях американских военных, всему миру показали казнь Саддама Хусейна, но ничего не было сказано о жертвах среди мирного населения, которые исчислялись сотнями тысяч. Появились лишь немногие публикации на эту тему, но вопрос быстро закрыли. Во время бомбардировок Сирии в апреле 2018 г. звучали победные заявления президента на фоне довольно сомнительных картинок о последствиях бомбардировок. Зато подробно показывали постановочные репортажи о последствиях использования химического оружия армией Б. Асада, а также постановочные репортажи из почти безлюдных лагерей беженцев. При этом — ничего из документальной хроники о реальном положении вещей в Сирии и о реальных действиях российских военных.

Что еще характерно для прессы США в XXI в., так это неверное выделение фокуса проблем американского общества и мира в целом. В 1960–1970-е годы было четко определено и заявлено, что угроза свободе слова и печати кроется внутри американской политической системы, прежде всего — в администрации, пытавшейся проводить тайные операции за рубежом и утаивать важную информацию об этом [См., например: Fulbright]. Нарастал разрыв между обществом, прессой и правительством. Недовольство американцев смыкалось со стремлением разоблачительной прессы узнать правду о Вьетнаме, о кулуарных играх во время выборов, о незаконных поставках оружия и незаконном расходовании средств.

А что же происходит сейчас? Чего добивается пресса? Вместо того чтобы разобраться с кризисом во внутриполитическом истеблишменте, в деятельности обеих партий, в поведении кандидатов (а не только Д. Трампа), в изъянах проведения избирательных кампаний, пресса активно ищет внешнего врага, называя Россию угрозой американской демократии, хотя политическая система США подрывается изнутри. Журналисты и либеральных, и консервативных СМИ стараются перецеголять друг друга в добывании скандальной информации, но от этого ситуация не меняется. Проблема кризисного «спазма» политической системы остается нерешенной.

Потерпев поражение в 2016 г. вместе с кандидатом демократов, либеральная пресса «обиделась» на консервативную прессу, которая нарушила монополию либералов и опередила их технически, обрушилась на консервативные масс-медиа и обвинила их во всех бедах Америки [Dionne, Ornstein, Mann]. Но затем и те и другие СМИ сконцентрировались на внешнем враге, оперируя непроверенными и недоказанными фактами. В результате многие американцы перестали смотреть ведущие телеканалы и читать печатные издания, так как невозможно разобраться в истинных событиях в Вашингтоне и в мире, включая российско-американские отношения. И все-таки значительная часть американцев смотрит и читает, и на них СМИ оказывает такой информационный эффект, который сродни полному отсутствию информированности. Это очень опасно. Ситуация напоминает американскую комедию 1966 г. «Русские идут!» (Russians are coming!), в которой авторы с юмором показали, до какого абсурда дошли страхи простых американцев в результате нагнетания и подачи искаженной информации об СССР¹.

После выборов 2016 г. вопрос о прессе, ее роли, взаимодействии с партиями вновь стал предметом обсуждений. Большую активность проявляли сами журналисты и комментаторы, пытаясь имитировать действия журналистов 1970-х годов. Но при этом они заботились не о восстановлении престижа и объективности СМИ, прежде всего разоблачительной журналистики. Как и в прошлом, чтобы отвлечь общество от реальных проблем в деятельности американского руководства и СМИ, начались раскручивание внешней угрозы, поиски и демонизация внешнего врага, следствием чего стали и рост военного бюджета, и «спектакль» с бомбардировками в Сирии.

Справедливости ради надо сказать, что началось это не при Д. Трампе: закрепил «врага» в официальных документах Б. Обама [National Security...Mann; Layne; Lieven]. Но он был либералом, «своим» для основных новостных корпораций, ориентированных на демократов. Поэтому именно при президенте-республиканце — особенно таком противоречивом в своих заявлениях и действиях, как Д. Трамп — наступил момент, когда оказалось возможным одновременно отвлечь внимание от того, что «наделали» до Трампа, и обрушить один мощный удар и на президента, и на его команду, и на прессу и журналистов, не работающих на Демократическую партию, и на Россию, выставив ее угрозой американской демократии [Russia and the United States... p. 5–11, 12–57; Shakleina 2016].

¹ На проходившей в 1979 г. в США выставке «Советская женщина» американцы поражались всему: одежде, прическам, поведению. У них было странное представление о советских женщинах — как об угнетенных существах, ходящих в телогрейках и валенках, ничего не знающих о моде. На выставке был представлен в том числе Московский дом моделей, проходили показы, американцы с удовольствием выстраивались в очередь, чтобы пригласить участников выставки к себе домой, хотели узнать больше обо всем: школах, книгах, быте и т.д. Советских людей это удивляло, они были хорошо осведомлены о международных отношениях, о политике США, отношениях между двумя странами, хотя конечно, не знали жизни обычных американцев в деталях. В 2010-х годах американцы снова стали задавать странные вопросы о том, не страшно ли жить в России, работает ли там отопление, нет ли голода и т.д. Родители стали бояться отпускать детей в Россию учиться, на чемпионат мира по футболу. Такое положение сложилось из-за тех материалов, которые публиковались в СМИ и показывались по телевидению.

Интересно, как оценивают сложившуюся политическую и социально-экономическую ситуацию либеральные авторы, как они трактуют поражение либеральной прессы. Они сетуют на то, что после администрации Р. Никсона антагонизм между либеральной и консервативной прессой углублялся, что развитие информационных технологий и интернета лишило безраздельно господствовавшие печатные органы и телеканалы либерального направления их доминирующих позиций в формировании общественного мнения и политической жизни страны. Главный упрек адресуется республиканцам, прежде всего Р. Рейгану, и состоит в том, что это они объявили войну мейнстримной прессе. Но это была не столько война, сколько целенаправленная деятельность, характерная для всех администраций, включая демократические, по формированию жесткой системы контроля над правительственной информацией и упорядочению системы «утечек». Антагонизм между властью и прессой в той или иной степени существовал всегда. Вопрос в том, кто контролирует основные СМИ, какие группы интересов за ними стоят, насколько совпадают интересы данных групп, включая владельцев новостных корпораций и печатных органов, и правящей администрации¹.

Хотя согласно Конституции США пресса должна отвечать интересам народа и информировать его, партийная ориентация в той или иной степени в СМИ присутствует. Есть она и у «мозговых центров», хотя они это отрицают. Она довольно легко просматривается в содержании материалов СМИ, в комментариях, тональности подачи новостей или аналитической информации, в выборе вопросов, даже в манере проведения новостных передач или ток-шоу, в подборе приглашенных экспертов и политиков. И дело здесь не в том, какие это СМИ, консервативные или либеральные, а в том, что они используют сходные технологии. Конкуренция между разными СМИ стала неотъемлемой частью политической системы и с каждым годом только усиливается.

То, что либеральные СМИ, господствовавшие в XX столетии, оказались обойденными, сильно разозлило либералов. Они обвинили консервативные СМИ в том, что те более активно использовали интернет и другие передовые политические и информационные технологии. Действительно, произошли колоссальные изменения, как сугу-

¹ Иногда в качестве примеров «доверительных» отношений президента и прессы приводят администрации Ф.Д. Рузвельта и Дж. Ф. Кеннеди. Представляется, что большую роль в этих случаях играла харизматичность обоих лидеров, сохранявшаяся определенная степень доверия правительству и осторожность в обращении с внешнеполитической информацией, чему был положен конец расцветом разоблачительной журналистики с последующим ее превращением в погоню за скандальной информацией, которую можно было выгодно «продать» заинтересованным сторонам в нужный момент. Последний пример тому — поведение бывшей сотрудницы аппарата Белого Дома Омаросы Маниголт-Ньюман, обнаружившей разоблачительную информацию на Д. Трампа. Она заявила, что это была не вся информация, записанная ею на магнитофон за все время работы, и остальную часть информации она обнаружит тогда, когда наступит «нужный», на ее взгляд, момент. Не отрицая важность разоблачительной журналистики, следует отметить, что практика тайного подслушивания и записей с последующим обнаружением информации (в том числе, сугубо личного характера), которой пользуются не только журналисты, но и служащие разных ведомств и компаний, наводит на мысль о ситуации, которую описал Дж. Оруэлл в романе «1984».

бо технические, так и политические, которые сильно изменили новостной ландшафт. А поскольку американское общество живет по законам рыночной экономики (как утверждают американские политики), то и конкуренция довольно жесткая. Происходящие в информационной сфере необратимые процессы сказались на печатных органах, крупнейших газетах и журналах, пострадали и ведущие телеканалы. Как отмечали аналитики, если в 1980 г., когда начала работу компания Си-Эн-Эн, 75% телевизоров были настроены на один из трех ведущих телеканалов: Эй-Би-Си, Эн-Би-Си, Си-Би-Эс, то в 2003 г. таких стало только 40%. В 1980 г. смотрели вечерние новости по одному из этих трех телеканалов 52,1 млн американцев, а в 2017 г. таковых было только 25 млн. «Три гиганта» (Big Three), контролировавшие информационное пространство, утратили этот контроль, так как стали появляться другие новостные каналы, имевшие большее финансирование и более активно пользовавшиеся новейшими техническими возможностями.

Особенно печальная судьба постигла газеты, многие из которых исчезали, лишившись дополнительного финансирования, поступавшего от партий или штатов и не выдерживая конкуренции с телевидением. Их число уменьшалось также в связи с крахом связанных с местными газетами сетевых универмагов, на смену которым пришли торговые центры (моллы), взаимодействовавшие с покупателями напрямую по телефону и электронной почте, использовавшие для рекламы интернет. Число журналистов-газетчиков сократилось с 457800 в 1990 г. до 183200 в 2016 г. За это же время число сотрудников, работающих в интернет-изданиях и на радио, выросло с 29700 до 197800 [Dionne, Ornstein, Mann, p. 53–57].

«Мозговые центры» тоже существенно изменили формы деятельности. Сократилось число крупных аналитических работ, большая часть аналитической информации стала подаваться в виде коротких комментариев и высказываний в блогах и твиттерах [McGann]. Требование к использованию таких форм взаимодействия с аудиторией стало обязательным для аналитиков. Это гораздо дешевле и проще подготовки всесторонних и детальных работ по той или иной проблеме. «Журнализм мнений» или «аналитика мнений» существовали и раньше, однако они не имели такой значимости. Известный в 1970-е годы журналист Д. Мойнихем писал, что «каждый может придерживаться своего собственного мнения, но не своих собственных фактов». Имелось в виду, что журнализм, основанный на мнениях, только тогда может считаться журналистикой, если основывается на достоверных (проверенных) фактах. Проблема в том, что не всегда журналисты оперируют достоверными фактами и подают их в полном объеме, а проверить это не так просто. Как заметила одна из журналистов «Нью-Йорк таймс» М. Какутани, «старым понятиям “правда” и “знание” угрожает закрепление новых понятий — “мнение” и “восприятие”», и впереди нас ожидает «мир, в котором “правда” будет заменена “мнением»» [Dionne, Ornstein, Mann, p. 58–59].

Фактор личного мнения аналитика или комментатора, как его собственного, так и сопряженного с каким-либо коллективным мнением (партии, группы, редакции, руководства фонда и т.п.), приобретает все большую значимость. Это общая тенденция,

характерная не только для американских СМИ. Произойдет ли поворот к росту и большей востребованности серьезной аналитики и серьезных комментариев с опорой на реальные факты, а не на нераскрываемые «источники информации», трудно сказать. Обвиняя консервативную прессу в наступлении на прессу либеральную с использованием всех новых технических средств, либеральные критики обеспокоены прежде всего утратой собственных доминирующих позиций в новостной сфере. Они хотят вернуть себе преобладание. Но разве в этом заключается главная дилемма политической жизни Америки? Она, как представляется, в другом: как сделать СМИ более объективными, как вывести их из партийной зависимости (если это возможно), как остановить рост пропаганды в деятельности масс-медиа, превращающей их в средство нагнетания мнимых страхов и игнорирования истинных угроз. Дискуссия о правде и лжи в СМИ, начатая в связи с выборами 2016 г., не всегда идет в адекватном русле. Концентрируя дискуссию вокруг личности президента Трампа, бросившего вызов прессе и не посетившего официальный ужин Ассоциации корреспондентов Белого Дома, журналисты и политологи в массе своей уходят от сути проблемы: почему так много неверной информации появляется на телевидении и в СМИ в целом? Почему пресса выступает в роли прокурора, обвиняя, в частности, Россию в недоказанных действиях, не дает полной и правдивой информации о том, что происходит в странах, где проводили свои операции США и НАТО? Об этом пишут авторы, которых волнует судьба Америки и судьба американской журналистики, имеющей богатую историю разоблачительной деятельности.

Сам факт появления на политическом небосклоне и победы Д. Трампа свидетельствует о том, что в американском обществе накопились и дали о себе знать процессы и проблемы, которые переживали и продолжают переживать многие страны. Это межэтнические и межрасовые отношения; миграция законная и незаконная; усложнение социально-экономической ситуации; сбои функционирования политической системы, включая кризис обеих правящих партий; сложности в электоральной системе и многое другое [Drezner; Anderson; Pillar]. Все это важные, требующие внимания проблемы. Имеет место дефицит лидеров на партийном уровне, существует необходимость менять избирательную систему, есть недовольство исполнительной властью и той политикой, которую она проводит. Никто извне эти проблемы для Америки не создавал. Поиск внешних причин их не решит, ситуация может только усложниться.

Многие страны немало позаимствовали у Америки, она долгое время рассматривалась как своего рода эталон для подражания. Сохранилось ли такое же отношение к ней сейчас? Сомнительно. Хотя по-прежнему многим Америка видится как страна возможностей, мало кому импонирует американская непримиримость, доведенная до степени открытой воинственности и нетерпимости. Когда слушаешь или читаешь отдельных американских авторов, поражает степень их НЕтолерантности. Даже в академической, научной среде вполне откровенно подавляются мнения, не совпадающие с общепринятыми. Молодому специалисту-международнику трудно отстаивать свои позиции, только недостижимо авторитетным независимо мыслящим специалистам удается выдерживать критику и напор.

* * *

Американцам есть чем заняться дома, поэтому им вряд ли стоит все время поучать остальных, искать повсюду врагов и шокировать остальной мир заоблачными военными расходами. «Остальные», если захотят, сами позаимствуют у Америки то, что их привлекает. Но то, что весь мир видел во время и после выборов 2016 г., малопривлекательно, не говоря уже о действиях США в экономической сфере и в сфере безопасности. Учиться этому не стоит. От таких проявлений «авторитарного либерализма» следует уклоняться и все-таки сдерживать их. Для этого у ведущих стран мирового сообщества есть силы и возможности. И может быть, нынешним американским политикам и экспертам-международникам нужно внимательней и серьезней прислушаться к тому, что писали о миссии Америки Дж. Кеннан, У. Фулбрайт, С. Хантингтон, а сейчас, несмотря ни на что, говорят Э. Басевич, Дж. Миршаймер, А. Ливен, К. Лэйн и другие умные и честные политологи, не только заботящиеся о своей стране, но также думающие о будущем других стран, которым нужны мир и стабильность и не нужны никакие войны.

Литература

- Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М. 2015.
- Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М. 2010.
- Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К. В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007 гг. М. 2009.
- Богатуров А.Д. Политический спазм в глобальном масштабе // Международные процессы. Том 8. Номер 3(24). Сентябрь–декабрь 2010.
- Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? // Международные процессы. Т. 16. № 1. 2018. С. 40–52.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. Изд. 2-ое, испр. и доп. М. 2017.
- Anderson C. White Rage. The Unspoken Truth of Our Racial Divide. N.Y. 2017.
- Bacevich A. Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y. 2010.
- Bacevich A. Breach of Trust. How Americans Failed Their Soldiers and Their Country. N.Y. 2013.
- Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries / ed. by V. Nadkarni and N. Noonan. N.Y. 2013.
- Challenge and Change. Global Threats and the State in Twenty-First Century International Politics / ed. by N. Noonan and V. Nadkarni. N.Y. 2016.
- Dionne E.J., Jr., Ornstein N.J., & Mann Th.E. One Nation after Trump. A Guide for the Perplexed, the Disillusioned, the Desperate, and the Not-Yet Departed. N.Y. 2017.
- Drezner D.W. The Ideas Industry. N.Y. 2017.
- Frank Th., Weisband E. (eds.) Secrecy and Foreign Policy. N.Y. 1974.
- Fulbright J. W. The Arrogance of Power. N.Y. 1966.
- Hendrickson D. Republic in Peril. American Empire and the Liberal Tradition. N.Y. 2018.
- Huntington S. Dead Souls. The Denationalization of the American Elite // The National Interest. 2004. No. 75. Pp. 5–18.
- Layne Ch. The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca. 2006.
- Lieven A. America Wright or Wrong. An Anatomy of American Nationalism. 2nd ed. N.Y. 2012.
- Mann J. Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. N.Y. 2012.

- McGann J.* The Fifth Estate. Think Tanks, Public Policy, and Governance. Wash., D.C. 2016.
- Mearsheimer J.J., Walt S.M.* The Case of Offshore Balancing. A superior U.S. Strategy // Foreign Affairs. Vol. 95. No. 4 (July/August 2016). Pp. 70–84.
- National Security Strategy of the United States of America. 2015. — URL: whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (date of access: 13.09.2018).
- O'Brien M.* The Public's Right to Know. Supreme Court and the First Amendment. N.Y. 1981.
- Pillar P.L.* Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception. N.Y. 2016.
- Reston J.* The Artillery of the Press. Its Influence on American Foreign Policy. N.Y. 1967.
- Russia and the United States in the Evolving World Order / ed. by A. Torkunov, N. Noonan, T. Shakleina. M. 2018.
- Shakleina T.* Common Traits and Differences in Russian-American Relations / T.A.Shakleina // International Trends (Almanac 2016). Volume 2. №3 (4). Pp. 23–33.
- Shakleina T.* Cold War as Part of American Global Strategy // International Trends. 2016. Vol. 14. № 1. P. 39–46.
- Schorr D.* Clearing the Air. N.Y. 1978.
- Wise D.* The Politics of Lying. Government Deception. Secrecy, and Power. N.Y. 1973.

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-71-85

УДК 327; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

НАФТА 2.0: торговый эквивалент геополитических трансформаций

Аннотация. Одним из магистральных направлений внешнеэкономической деятельности президента Д. Трампа стали переговоры с Канадой и Мексикой о пересмотре условий взаимодействия в рамках Договора о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). Эти переговоры следует рассматривать не только в связке с другими инициативами Вашингтона в сфере международной торговли, но и в контексте его общей линии на изменение геоэкономического и геополитического ландшафта в пользу США, путем ослабления позиций других глобальных и региональных игроков. Реформирование НАФТА — звено в цепи главных стратегических решений, принятых Д. Трампом и нацеленных на слом сложившегося глобального политико-экономического порядка.

Ключевые слова: США, Канада, Мексика, НАФТА, переговоры, торговые войны, геополитические факторы.

Вопрос о будущем Договора о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) привлек пристальное внимание не только в странах-участницах данного международного соглашения (США, Канаде и Мексике), но и далеко за пределами Северной Америки. Политики и бизнесмены, эксперты и работники средств массовой информации постоянно следили и продолжают следить за ходом напряженных трехсторонних переговоров о реформировании условий договора, почти четверть века определявшего характер торгово-экономических отношений между североамериканскими государствами. Это и понятно, поскольку речь идет об одном из крупнейших (а по ряду показателей — крупнейшем) интеграционных объединений, члены которого играют видную роль в глобальной экономике и мировой торговле, активно воздействуют на развитие мирохозяйственных связей.

НАФТА интересна и с той точки зрения, что в этой региональной торгово-экономической группировке «под одной крышей» оказались две высокоразвитые державы (США и Канада) и страна с формирующимся рынком (Мексика). И, конечно, международное внимание к НАФТА подогревается тем немаловажным обстоятельством, что она оказалась в фокусе острой критики Белого дома и многочисленных откровенных пропагандистских «наездов» со стороны президента Д. Трампа, сделавшего реформирование

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

условий данного объединения по собственным лекалам одной из главных целей своей внешнеэкономической политики [Яковлев, «Эффект»...с. 102–105].

НАФТА в мировой экономике и торговле

Интеграционные процессы, развивающиеся в Северной Америке, имеют сравнительно давнюю историю, они начались задолго до подписания и вступления в силу договора НАФТА. Примером могут служить американско-канадские торгово-экономические связи. Сразу после Второй мировой войны, в 1947 г. был принят и впоследствии реализован так называемый «план Эббота» (по имени канадского министра финансов Дугласа Эббота), который предусматривал стимулирование инвестиций американских промышленных корпораций в предприятия ряда ведущих секторов экономики Канады. Это стало политическим ответом на стратегические устремления и прямые требования бизнес-сообществ, послужило отправной точкой хозяйственного сближения двух стран. В 1959 г. Вашингтон и Оттава заключили соглашение о совместном производстве военной техники, которое способствовало внедрению американских технико-технологических стандартов в канадское производство оборонной продукции [Azzi].

Этапное значение имело американско-канадское соглашение 1965 г. о либерализации взаимной торговли продукцией автомобилестроения — ключевой отрасли обеих экономик. Выполнение достигнутой договоренности в силу межотраслевой кооперации охватило многие другие экономические секторы и ускорило процесс формирования разветвленной системы интеграционных производственных и коммерческих связей. По существу, на пространстве Северной Америки создавался региональный хозяйственный комплекс, отражавший интересы влиятельных сегментов предпринимательских кругов соседних государств. Вполне понятно, что со временем развитие указанных трендов (особенно на фоне объединительных процессов в Западной Европе, Латинской Америке и других районах мира) поставило на повестку дня вопрос об институционализации американско-канадского экономического сближения. В результате 2 января 1988 г. после трех лет напряженных переговоров было подписано американско-канадское соглашение о свободной торговле (ФТА), согласно которому в течение десяти лет США и Канада должны были устранить большинство барьеров в двусторонней торговле и предпринять дополнительные усилия для поощрения взаимных инвестиций [The Canada...].

Правы те эксперты, которые считают, что в отличие от европейского интеграционного проекта, начинавшегося по большей части «сверху» благодаря политической воле руководителей западноевропейских стран, формирование североамериканского хозяйственного комплекса осуществлялось преимущественно «снизу», на корпоративном уровне. Иначе говоря, движущей силой интеграционных процессов на пространстве Северной Америки выступили транснациональные корпорации (ТНК), преимущественно американские, которые стремились превратить весь регион в единую производственную и торговую площадку. Что касается правительств североамериканских государств, то они подключались к объединительным проектам с целью выработки и утверждения системных норм и правил региональной экономической игры, а так-

же, при необходимости, для защиты коммерческих и финансовых интересов «своих» ТНК [Комкова, с.17].

Создание ФТА явилось важным шагом на пути складывания более широкого интеграционного объединения с участием Мексики, без которой формирование экономической системы Северной Америки оставалось незавершенным.

Особую остроту и актуальность вопрос расширения границ североамериканской интеграции приобрел в начале 1990-х гг. в условиях резко возросшей конкуренции со стороны Европейского союза, стремительно растущего Китая и других азиатских государств. Под нажимом конкурентов американские ТНК усилили проникновение на рынки соседних стран и потребовали от Вашингтона международно-политической поддержки. Специальный интерес для США стала представлять Мексика, имевшая значительный потенциал превращения в крупную производственную площадку американского бизнеса. В пользу такого сценария говорили сравнительно емкий мексиканский внутренний рынок (более 100 млн населения), достаточно развитая инфраструктура и наличие многочисленной дешевой рабочей силы. Стратегический план американских ТНК сводился к организации на пространстве Северной Америки моноцентричной системы торгово-экономических связей в рамках модели «*hub and spoke*» (центр гравитационного притяжения — Соединенные Штаты и периферийные зоны — Канада и Мексика [McBride]).

В свою очередь мексиканские политические и деловые круги надеялись, что интеграция с США и Канадой станет решающим фактором комплексной модернизации страны и поможет решить накопившиеся острейшие социально-экономические проблемы. В их числе: структурная и технологическая отсталость национального хозяйственного организма, низкий уровень производственных инвестиций, незначительный (по масштабам страны) объем внешней торговли, огромный государственный долг, нехватка квалифицированных рабочих мест, высокая безработица, бедность и нищета, разгул преступности, подрывающий национальную безопасность трансграничный наркотрафик, массовая эмиграция [Яковлев, Мексика...].

Отношение в правящих сферах и бизнес-сообществе Канады к возможному присоединению Мексики к региональным интеграционным процессам было в целом положительным. В Оттаве не без оснований полагали, что такой шаг откроет перспективы расширения торгово-экономических отношений не только с Мексикой, но и с другими латиноамериканскими государствами и тем самым будет способствовать диверсификации канадских внешнеэкономических связей, односторонне ориентированных на американские рынки. Кроме того, мексиканская сторона в определенных обстоятельствах могла стать союзником Канады в торгово-экономических спорах с США [The NAFTA...].

Таким образом, все три государства Северной Америки (каждое по своим соображениям) были заинтересованы в развитии интеграционных процессов в регионе. Благодаря этому начавшиеся в 1991 г. трехсторонние переговоры завершились в декабре

1992 г. подписанием Договора о североамериканской зоне свободной торговли, который вступил в силу с 1 января 1994 года.

Учредив региональное торгово-экономическое объединение, североамериканские страны открыли путь к формированию крупнейшего в мире интеграционного пространства, на долю которого приходится 14,6% земной суши, 6,6% мирового населения, 28% глобального ВВП и 7% международной торговли товарами и услугами (см. таблицу 1).

Таблица 1

Страны НАФТА: макроэкономические показатели

Показатель	США		Канада		Мексика	
	1994	2017	1994	2017	1994	2017
Население (млн чел.)	263	327	29	36	93	129
Территория (тыс. км ²)	9827	9827	9985	9985	1964	1964
Номинальный ВВП (млрд долл.)	7309	19371	548	1627	508	1148
ВВП по ППС (млрд долл.)	7309	19371	654	1671	790	2372
Номинальный душевой ВВП (долл.)	27777	59332	19914	44415	5499	8890
Душевой ВВП по ППС (долл.)	27777	59332	22531	45639	8555	18370
Экспорт товаров и услуг (млрд долл.)	730	2344	181	504	71	436
Экспорт в % ВВП	10	12	33	31	14	38
Импорт товаров и услуг (млрд долл.)	804	2915	175	553	91	448
Импорт в % ВВП	11	15	32	34	18	39

Источник: Congressional Research Service. – fas.org/sgp/crs/row/R44981.pdf

Разумеется, на протяжении двух с лишним десятилетий в функционировании НАФТА было немало проблем и сложностей, что стало следствием как зачастую противоположных бизнес-интересов предприятий стран-участниц, так и изменений конъюнктурного и долговременного характера. В частности, острые разногласия периодически возникали по торговле так называемыми «чувствительными» товарами, имевшими особо важное значение для национальных производителей и потребителей. К числу этих товаров относилось, главным образом, продовольствие: мясомолочная продукция, свежие фрукты и овощи, сахар. Кроме того, предметом споров являлись национальные системы трудовых отношений, трансграничная миграция рабочей силы, а также правовые аспекты инвестиционной деятельности [The Economic...].

Однако вплоть до прихода в Белый дом Д. Трампа никто из участников НАФТА не ставил вопрос о коренном пересмотре условий договора. В крайнем случае речь могла идти о дополнении действующего соглашения разделами, отражающими новые торгово-экономические реалии, или о придании договору более гибкого характера с тем,

чтобы повысить инвестиционную привлекательность НАФТА, привлечь в североамериканский регион капиталы европейских и азиатских корпораций.

Все изменилось после победы на выборах кандидата-республиканца, который поместил НАФТА в фокус прямых нападок и неоднократно угрожал выходом Соединенных Штатов из объединения. Создавалось впечатление, что Д. Трамп не устраивало абсолютно все. При этом его упреки не отличались оригинальностью. Партнерам по НАФТА инкриминировалось «перетягивание» на свою территорию американских производственных мощностей, деиндустриализация американской экономики и наращивание активного сальдо в торговле с США. Правда, в отличие от ситуации в американо-китайских отношениях, хозяин Белого дома не обвинял Канаду и Мексику в «нечестных торговых практиках», но твердо настаивал на реформировании договора о североамериканской интеграции [Яковлев. Глобальный...]. Под нажимом Вашингтона у Мехико и Оттавы на осталось другого варианта, как согласиться на переговоры о реформе НАФТА.

Эффекты интеграции

В потоке критики, которую Д. Трамп обрушил на НАФТА, «растворились» положительные для экономики трех стран, включая Соединенные Штаты, последствия их торгово-экономического объединения. Выделим главные позитивные моменты, ставшие (прямо или косвенно) следствием североамериканской интеграции.

Первое. В период 1993–2017 гг. объем торговли между членами НАФТА вырос в четыре раза: с 297 до 1170 млрд долл., что привело к росту производства, занятости, доходов корпораций и налоговых поступлений в бюджеты США, Мексики и Канады. В указанный период американский товарный экспорт в адрес соседей вырос со 142 до 525 млрд долл., а импорт из этих стран — со 151 до 614 млрд. Действительно, дефицит Вашингтона в торговле с партнерами по НАФТА вырос, но его увеличение было значительно меньшим, нежели повышение отрицательного сальдо в торговле США с остальным миром (см. таблицу 2).

Таблица 2

Баланс внешней торговли США (товары, млрд долл.)

Страна	2001	2010	2015	2017
Всего	-411,8	-690,2	-811,6	-862,8
Канада	-52,8	-31,2	-21,4	-24,7
Мексика	-30,0	-68,6	-63,4	-63,0
НАФТА	-82,8	-99,8	-84,8	-87,7
Доля НАФТА (%)	20,1	14,5	10,5	10,2

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?vpm=1|842|124|TOTAL||2|1|1|3|2|1|1|1|1

Второе. Уменьшение (или полная отмена) импортных пошлин в рамках НАФТА привело к снижению стоимости ввозимых товаров, что способствовало сдерживанию ин-

фляционных процессов и позволило Федеральной резервной системе (ФРС) Соединенных Штатов и Центральным банкам Канады и Мексики сохранять ключевые ставки на сравнительно невысоком уровне. Для США особое значение имело удешевление импорта мексиканской и канадской нефти, поскольку американский рынок критически зависел от закупок «черного золота» за рубежом. Похожим образом (благодаря более интенсивным внутризональным обменам) североамериканская интеграция помогла несколько снизить цены на многие продовольственные товары, включая мясную продукцию, свежие овощи и фрукты.

Третье. По подсчетам экспертов, участие в НАФТА «прибавляло» США 0,5 процентного пункта ВВП в год [Amadeo]. При этом главными бенефициарами стали предприятия автомобильной промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. В частности, снижение традиционно высоких мексиканских пошлин на импорт продовольствия позволило американским фермерам существенно нарастить поставки на мексиканский рынок мяса, риса, продуктов сои, яблок, кукурузы, растительного масла и т.д. В результате Мексика и Канада стали главными покупателями товаров сельхозпроизводителей США. Одновременно интеграция североамериканских рынков в решающей степени способствовала модернизации американского автомобилестроения, которое в 1980–1990-х гг. заметно проигрывало в конкурентной борьбе с японскими и западноевропейскими автопроизводителями. В рамках НАФТА (от канадской провинции Онтарио через американский Детройт и до северных штатов Мексики) сложилась конкурентоспособная производственная цепочка североамериканского автомобилестроения, предприятия которого технологически тесно связаны между собой. Например, кроссовер HONDA CR-V, который собирают на заводе в мексиканском штате Халиско, на 70% состоит из деталей и компонентов, выпущенных на предприятиях в США и Канаде [The Economic...].

Четвертое. В противоположность тому, что утверждал и утверждает Д. Трамп, участие в НАФТА в целом оказало благоприятное воздействие на американский рынок рабочей силы. Рост производства, ориентированного на экспорт в Канаду и Мексику, привел к появлению в Соединенных Штатах 5 млн новых рабочих мест. Порядка 43% всех американских компаний-экспортеров (свыше 130 тыс. предприятий) поставляют свою продукцию на мексиканский и канадский рынки. Даже импорт из этих стран способствовал росту занятости США, поскольку 40% товаров, закупаемых в Мексике, изобретены и разработаны в американских лабораториях и дизайн-центрах [NAFTA...]. (В скобках заметим, что канадские официальные представители также весьма положительно оценивали воздействие НАФТА на рынок труда. По их данным, порядка 9 млн американских рабочих мест зависят от поставок товаров и услуг на рынок Канады) [Statement...].

Пятое. Созданный соглашением по НАФТА режим гарантий для частных иностранных капиталовложений круто изменил ситуацию в этой области. Если прежде мексиканские и канадские власти, опасаясь внешнего контроля за национальной экономикой, ограничивали приток инвестиций американских корпораций, то теперь Мексика и Канада устранили практически все барьеры на пути транснационального капитала.

В результате американские ТНК получили почти полную свободу рук, благодаря чему накопленный объем их прямых инвестиций в соседних странах в период 1993–2016 гг. вырос в 5,3 раза: с 85,1 до 451,5 млрд долл., или с 8 до 16% совокупного ВВП двух названных государств за соответствующие годы [Villarreal].

Наличие значимых положительных эффектов давало повод рассчитывать на пролонгацию НАФТА, хотя, следует признать, многие не сомневались в необходимости модернизации соглашения, которое по ряду параметров отстало от жизни. В частности, оно не учитывало некоторые новые явления (например, электронную торговлю), возникшие в последние десятилетия и оказывающие растущее воздействие на развитие глобальной экономики. Большого внимания требовали и некоторые другие актуальные сюжеты: защита интеллектуальной собственности, сохранение окружающей среды, сотрудничество в сфере энергетики, состояние рынка рабочей силы и т.д. Кроме того, политические и деловые круги США, Мексики и Канады беспокоила резко возросшая конкуренция на глобальных рынках (включая и рынки самих этих стран) со стороны азиатских государств, в первую очередь Китая. В данной связи перед реформой НАФТА ставилась задача создания максимально благоприятных условий для повышения международной конкурентоспособности североамериканских экономик.

Позиции сторон на старте диалога

Готовясь к переговорам о модернизации договора о североамериканской интеграции, стороны обнародовали свои исходные позиции. Первыми это сделали мексиканцы, которые уже из громких и провокационных предвыборных заявлений Д. Трампа извлекли соответствующие выводы. Когда республиканский кандидат победил, в Мехико поняли, что пересмотр условий НАФТА неизбежен, и президент страны Энрике Пенья Ньето 23 января 2017 г. (практически сразу после инаугурации Д. Трампа) сформулировал свою переговорную повестку, озаглавленную «С Соединенными Штатами: ни конфронтация, ни подчинение. Решение проблем — диалог и договоренность» и включавшую пять общих принципов и десять конкретных задач (целей) [Con Estados Unidos...].

В числе заявленных принципов фигурировали: защита национального суверенитета, уважение правового государства, поиск взаимной выгоды (модель взаимодействия партнеров — «выигрыш-выигрыш»), приверженность идее североамериканской интеграции, стремление к интегральному характеру договоренностей. Что касается целей, то мексиканское руководство акцентировало внимание на ряде ключевых вопросов, часть которых не имели непосредственной связи с проблематикой НАФТА, но затрагивали наиболее болезненные аспекты взаимоотношений соседних стран. В частности, три пункта мексиканской повестки были посвящены положению в США мигрантов, необходимости соблюдения их прав, включая свободу денежных переводов в Мексику. Еще один пункт нацеливал на совместные действия Мехико и Вашингтона по содействию социально-экономическому развитию стран Центральной Америки — главного источника незаконной миграции и переброски наркотических средств в Соединенные Штаты. Пятый пункт затрагивал тему нелегального поступления из США оружия, которое использовалось мексиканскими криминальными структурами.

Наконец, пять задач переговорной повестки мексиканской делегации напрямую относились к реформированию НАФТА. В том числе:

- поддерживать режим свободной торговли в системе экономических отношений между Соединенными Штатами, Мексикой и Канадой; увеличить мексиканский экспорт в США и Канаду на основе здоровой конкуренции;
- в целях модернизации НАФТА включить в соглашение новые секторы экономики: телекоммуникации, энергетику, электронную торговлю;
- добиваться того, чтобы в модернизированный текст договора были внесены положения, способствующие повышению заработной платы мексиканских рабочих; конкурентным преимуществом Мексики, подчеркивал Э. Пенья Ньето, должна стать не низкая стоимость рабочей силы, а высокая продуктивность;
- защищать и стимулировать национальные и иностранные капиталовложения в мексиканскую экономику; заключать соглашения, внушающие доверие международным инвесторам;
- обеспечить утверждение принципов добрососедства в отношениях с США; в этой связи мексиканский президент призвал «не строить стены, а наводить мосты», явно намекая на скандальное предвыборное обещание Д. Трампа возвести стену на границе с южным соседом [Яковлев. «Трампономика» ...].

Таким образом, делегация Мексики была ориентирована на борьбу за достаточно широкий подход к дальнейшему развитию североамериканской интеграции и готовилась противостоять попыткам вашингтонской администрации свернуть торгово-экономическое взаимодействие трех соседних государств. Вместе с тем мексиканцы, критически заинтересованные в сохранении зоны свободной торговли, были настроены договариваться и искать взаимоприемлемые, компромиссные решения спорных вопросов.

18 мая 2017 г. Д. Трамп направил в конгресс записку, содержащую информацию о намерении администрации добиваться пересмотра договора об условиях торговли с Канадой и Мексикой [NAFTA Modernization...]. (По закону, Белый дом должен уведомить конгресс минимум за 90 дней до начала торговых переговоров с зарубежными странами). В июле того же года Соединенные Штаты обнародовали свою платформу ведения переговоров о реформировании НАФТА, а затем уточнили ее в ноябре того же года, когда переговорный процесс был уже запущен. Размещенный на сайте торгового представителя США, этот пространственный документ, насчитывавший 22 раздела и порядка 100 пунктов, отражал преимущественно критический взгляд на результаты функционирования НАФТА для американской экономики. Как отмечалось в преамбуле документа, «президент (Д. Трамп — П.Я.) считает, что НАФТА не была выгодной сделкой для многих американских рабочих и бизнесов» [Summary...]. С учетом такого подхода главы государства и формулировались задачи делегации США.

Следует отметить, что позиция Вашингтона не являлась чем-то неизменным, а периодически корректировалась и дополнялась по ходу переговоров и по мере ее обсуждения многочисленными членами американского политического истеблишмента, экономическими и юридическими экспертами, лоббистами и представителями бизне-

са. Если суммировать основные требования Соединенных Штатов к партнерам по триаде (помимо ставшего уже банальным призыва сбалансировать внутризональную торговлю путем снижения американского дефицита), то можно выделить следующие моменты:

- сохранить режим свободного доступа большинства американских промышленных товаров на мексиканский и канадский рынки и при этом защитить интересы США в тех секторах, которые являются «чувствительными» для американских компаний;
- продвигать в соседние страны сельскохозяйственную продукцию США и добиваться отмены ограничений на импорт в Канаду молочных товаров и мяса птицы; требовать снятия дискриминационных барьеров, препятствующих экспорту американского зерна и алкогольной продукции;
- актуализировать и усилить требования к «североамериканскому содержанию» (части добавленной стоимости изделия, произведенной в странах–членах НАФТА) товаров, пользующихся правом беспошлинного ввоза в США, Канаду и Мексику, в частности, ставилась задача увеличить долю «североамериканских» узлов и компонентов в стоимости автомобилей с 62,5 до 85%;
- особое внимание уделить сотрудничеству в сфере энергетики с целью обеспечения энергетической безопасности и независимости североамериканских государств; путем наращивания инвестиций стремиться к увеличению производства энергоносителей;
- добиваться смягчения режимов доступа американских предприятий к государственным закупкам в Канаде и Мексике; расширения возможностей телекоммуникационных компаний США свободно конкурировать на рынках этих стран;
- требовать приведения канадских и мексиканских национальных законодательств к американскому «общему знаменателю» в вопросах «адекватной и эффективной» защиты прав интеллектуальной собственности;
- добиваться принятия правил, которые уменьшают или полностью элиминируют сохраняющиеся секторальные и другие ограничения на деятельность американских инвесторов в Канаде и Мексике;
- реформировать содержащийся в соглашении о североамериканской зоне свободной торговли механизм разрешения споров между странами–участницами НАФТА (предлагалось расширить практику предварительных консультаций с тем, чтобы на ранних этапах находить взаимоприемлемые решения);
- включить в новое соглашение так называемую «лимитирующую оговорку» (*sunset clause*), предусматривающую автоматическое прекращение его действия через пять лет, если все три участника не заявят о пролонгации на следующий пятилетний период (тем самым США хотели сохранить за собой право выхода из договора);
- оставить за рамками модернизированного соглашения вопросы, связанные с практикой реализации концепции «Покупай американское» («*Buy America*»).

Очевидно, что именно выдвинутые американской делегацией предварительные требования в силу особой роли Соединенных Штатов в НАФТА в решающей степени определили содержание дискуссий и весь ход переговоров. Более того, обнародование переговорной платформы США оказало воздействие на окончательное формирование

позиции Канады, которая последней из трех стран огласила свой подход к проблеме реформирования североамериканского торгового договора, сделав это буквально за пару дней до начала первого раунда переговоров.

Как справедливо отмечала российский исследователь Е.Г. Комкова, главным в позиции канадской делегации было сохранение неизменными некоторых выгодных Канаде положений, зафиксированных в первоначальном соглашении НАФТА. В том числе: исключение из сферы действия договора продукции канадских «культурных отраслей» (книгоиздание, радио- и телевидение и др.) и существующей в этой стране сравнительно жесткой системы государственного регулирования рынков мясо-молочной продукции. Кроме того, канадские переговорщики получили указание настаивать на уменьшении бюрократических нагрузок на бизнес, гармонизации касающихся предпринимательства норм и правил, действующих в США, Канаде и Мексике, а также включить в текст нового соглашения специальных разделов, посвященных экологическим вопросам, правам коренных народов, гендерным и трудовым отношениям. Тем самым канадское руководство, по его мнению, придавало договору НАФТА дополнительные «прогрессивные» черты [Комкова, с. 9].

Сформулировав свои исходные позиции, делегации трех стран в целом основательно подготовились к решению задач реформирования соглашения о североамериканской зоне свободной торговли. Вокруг будущего триалога воцарилась атмосфера тревожного ожидания, что определялось особой важностью поиска компромисса для Мексики и Канады, внешнеэкономические связи которых в решающей мере ориентированы на рынки Соединенных Штатов.

Переговорный марафон

Переговоры о пересмотре условий североамериканской интеграции стартовали 16 августа 2017 г. (ровно через 90 дней после того, как Белый дом известил конгресс о их подготовке). Д. Трамп назначил главой американской делегации торгового представителя Роберта Лайтхайзера, с мексиканской стороны главным переговорщиком был министр экономики Ильдефонсо Гуахардо, а с канадской — министр иностранных дел Христя Фридланд. Всего в переговорах участвовали сотни специалистов, сформировавших три десятка рабочих групп. Несмотря на неоднократные резкие заявления хозяина Белого дома в адрес партнеров по НАФТА, во всех делегациях на начальном этапе бытовало мнение, что трехсторонняя договоренность могла быть достигнута до конца 2017 года. Однако реальность очень скоро опрокинула эти чересчур оптимистические надежды и расчеты. Процесс оказался долгим и сложным, обернулся настоящим переговорным марафоном, в ходе которого позитивные ожидания неоднократно сменялись унынием и впечатлением неминуемого провала.

Большая часть трудностей, с которыми столкнулись участники переговоров, была связана с двумя обстоятельствами. Одно из них носило объективный характер и сводилось к тому, что переговорщикам предстояло внести изменения в большинство статей соглашения, часть которых необходимо было подвергнуть глубокому пересмотру,

а также подготовить и согласовать новые разделы. Другое обстоятельство относилось к разряду субъективных и диктовалось настойчивым стремлением Д. Трампа поместить во главу угла исключительно интересы США, что, вполне понятно, серьезно затрудняло достижение взаимоприемлемых договоренностей.

Вместе с тем сложность для американской делегации заключалась в том, что по ряду дискуссионных вопросов Мексика и Канада выступали если и не единым фронтом, то с очень близких позиций, пытаясь противостоять политическому давлению и нажиму Вашингтона. В ответ хозяин Белого дома вновь и вновь брал партнеров «на испуг» и угрожал односторонним выходом США из НАФТА (например, в интервью газете «*The Wall Street Journal*» в январе 2018 г.) [Transcript...], вызывая крайнее недовольство значительной части предпринимательских кругов трех стран, кровно заинтересованных в сохранении режима свободной торговли. Заметим, что еще до начала переговоров американские и мексиканские предприниматели, входящие в Торговую палату США — Мексика, «сомкнули ряды» в защиту интеграции и представили свои предложения по содержанию модернизированного договора делегациям двух стран [USMCOС...]. Впоследствии бизнес не оставлял попыток влиять на процесс подготовки новой версии трехстороннего соглашения.

5 марта 2018 г. завершился седьмой раунд трехсторонних переговоров, но договоренность по всем ключевым пунктам повестки так и не была достигнута. Ситуацию еще больше осложнил Д. Трамп, который с 31 мая ввел повышенные тарифы на импорт стали и алюминия (соответственно, 25 и 10%). В числе пострадавших оказались мексиканские и канадские металлургические компании, для которых рынок США является приоритетным. В ответ премьер-министр Канады Джастин Трюдо распорядился прибегнуть к ответным мерам и санкционировал введение пошлин на американские товары стоимостью 16,6 млрд долларов [Canada Imposes...].

Создалось впечатление, что переговоры зашли в тупик. Тогда Д. Трамп прибег к испытанному методу «разделяй и властвуй» и предложил (для упрощения ситуации) заключить двустороннее американо-мексиканское соглашение. Для этого Белый дом использовал результат президентских выборов в Мексике, состоявшихся 1 июля 2018 года. На них уверенную победу одержал оппозиционный политик левого толка Андрес Мануэль Лопес Обрадор, который был заинтересован «закрыть» вопрос с НАФТА до своего вступления в должность 1 декабря 2018 г., а потому позитивно воспринял идею американского лидера. Как заметил Д. Трамп, ему оказалось легче договориться с «леваком» А.М. Лопесом Обрадором, чем с «капиталистом» Э. Пенья Ньето [Cоnоzса...]. Впрочем, и действующему мексиканскому президенту было выгодно завершить свое правление подписанием важного международного договора, а потому путь к сепаратной, по существу, сделке был открыт.

Менее чем за два месяца делегации США и Мексики «расширили» все узкие места переговорной повестки. При этом мексиканцы «сдали» некоторые позиции, важные для Оттавы. В частности, это касалось статьи 19 соглашения, положения которой канадцы использовали для поддержки национальных экспортеров древесины. В любом случае

американский президент добился своего и перевел многосторонние переговоры в режим двусторонних договоренностей.

Геополитический прессинг

27 августа 2018 г. Д. Трамп объявил о том, что представители Соединенных Штатов и Мексики на переговорах по пересмотру условий Североамериканского договора о свободной торговле (НАФТА) урегулировали все спорные вопросы и подготовили предварительный текст нового двустороннего соглашения. «Америка...наконец перевернула страницу десятилетий несправедливой торговли, которой приносилось в жертву наше процветание, и которая уничтожала наши компании, рабочие места и богатство нашей нации», — подчеркнул хозяин Белого дома [President...].

Данное заявление было знаковым по ряду причин. Во-первых, завершился 13-месячный переговорный марафон, в ходе которого подписанный 17 декабря 1992 г. лидерами США, Мексики и Канады и вступивший в силу 1 января 1994 г. первоначальный договор подвергся основательному пересмотру. Во-вторых, на завершающем этапе из переговорного процесса, не преодолев «полосу препятствий», «выпала» Канада, с которой контакты были возобновлены уже после достижения двусторонней американо-мексиканской договоренности. В-третьих, Д. Трамп, назвавший НАФТА «самым плохим торговым договором», подписанным Вашингтоном, специально отметил, что новое американо-мексиканское соглашение отвечает интересам промышленности и сельского хозяйства США. Тем самым декларировалось достижение цели, поставленной президентом на старте переговоров.

В середине сентября Д. Трамп вновь затронул тему переговоров о реформе североамериканской интеграции и подтвердил намерение отказаться от названия НАФТА и впредь именовать ее «пакт США, Мексика, Канада» (СШМК — *USMC*). При этом хозяин Белого дома допустил возможность редукции состава этого объединения до двух участников — США и Мексики (СШМ — *USM*) [Bender].

Известный экономист и финансист, главный экономический консультант корпорации *Allianz* и колумнист агентства *Bloomberg* Мохамед Эль-Эриан поместил американо-мексиканское соглашение в общий контекст внешнеэкономической политики Д. Трампа. По мнению аналитика, договоренность с Мексикой следует рассматривать в связке с попыткой снизить градус напряжения в торговых спорах с Европейским союзом и стратегической линией Белого дома на формирование единого атлантического торгово-экономического и финансового фронта против Китая. М. Эль-Эриан считает, что лучшим методологическим подходом к оценке политики Д. Трампа может служить «теория игр», где под игрой понимается процесс, в котором участвуют стороны, ведущие борьбу за реализацию своих интересов. Ученый утверждает, что Д. Трамп в отношениях с партнерами применяет различные стратегии, но всякий раз стремится добиться от них уступок в пользу США. Альтернативной стратегией может стать (если Пекин в конечном счете уступит давлению Вашингтона и согласится на роль ведомого) достижение всеобъемлющей американо-китайской договоренности, которая способ-

на радикально изменить глобальный торгово-экономический ландшафт. В этом плане действия нынешнего американского лидера определенно претендуют на повторение «момента Рейгана» — достижения геополитической трансформации на основе ослабления Советского Союза. В нынешних условиях речь может идти о «торговом моменте Трампа» (экономическом эквиваленте геополитического перелома) [El-Erian].

Сравнение с временами Р. Рейгана помогает точнее оценить перспективы североамериканской интеграции. С подписанием американо-мексиканского двустороннего соглашения и с выраженной готовностью Оттавы, не забывая о национальных интересах, достичь договоренности с Вашингтоном, завершился сложный этап реформирования НАФТА. Он стал во многом поучительным и органично вписался в общий тренд, характеризующий глубокую трансформацию глобальной экономики и международной торговли, а в более общем плане — всего мироустройства.

Попытка Д. Трампа «смешать и пересдать североамериканские интеграционные карты» — составная часть его стратегии «Мир через силу» («*Peace Through Strength*»), направленной на получение Соединенными Штатами существенных торгово-экономических и политических преимуществ, о чем президент недвусмысленно заявил с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2018 года [President Trump...]. Все дело в том, что развитие глобализационных процессов не только открыло перед американскими ТНК беспрецедентные возможности освоения мировых рынков, но и стимулировало возникновение новых региональных и глобальных игроков, способных успешно конкурировать с Вашингтоном за экономическое и политическое влияние. С особенно сильной конкуренцией США сталкиваются на товарных площадках, где американские компании уже не первое десятилетие вынуждены сдавать одну позицию за другой. Свежий пример — мощный спурт российских экспортеров пшеницы, потеснивших американских фермеров.

Потери в торговле оборачиваются утратой политических позиций. Поэтому Д. Трамп переходит от торговых споров к торговым войнам, торпедирует многосторонние соглашения, шантажирует Европейский союз, входит в клинч в отношениях с Китаем, раскручивает спираль санкций против России, Ирана, Венесуэлы. Геополитические соображения властно вторгаются в экономическую сферу. В результате ситуация в мире становится все более нестабильной и труднопредсказуемой. И в этих турбулентных условиях решается судьба интеграции на пространстве Северной Америки.

По-видимому, НАФТА 2.0 (в том или ином виде) состоится, поскольку в североамериканском регионе сосредоточены жизненно важные интересы США, но это объединение, оказавшееся под сильным геополитическим прессом, уже никогда не будет прежним.

Литература

- Комкова Е.Г. Перспективы НАФТА // США * Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 2. С. 5–19.
- Яковлев П.П. Глобальный мир на пороге торговых войн // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 1. С. 6–20. — URL:http://perspektivy.info/upload/iblock/cb5/1_2018.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

- Яковлев П.П. Мексика: геополитический ракурс структурных реформ (портрет страны-лидера группы МИНТ) // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 1. С. 79–95. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/32d/1_2015.pdf (дата обращения: 20.09.2018).
- Яковлев П.П. «Трампономика» и параметры глобальной нестабильности // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1. С. 5–19. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/b15/1_2017.pdf (дата обращения: 20.09.2018).
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017. С. 102–105.
- Amadeo K. Six Advantages of NAFTA. The Hidden Benefits of NAFTA. February 21, 2018. — URL: thebalance.com/advantages-of-nafta-3306271 (date of access: 20.09.2018).
- Azzi S. Reconcilable Differences: A History of Canada-US Relations. Oxford University Press. 2014.
- Bender M. Trump Plans to Rebrand Nafta, Warns Canada // The Wall Street Journal. New York. 13.09.2018.
- Canada Imposes Retaliatory Tariffs on US Goods. July 1, 2018. — URL: voanews.com/a/canada-imposes-retaliatory-tariffs-us-goods/4462035.html (date of access: 22.09.2018).
- Con Estados Unidos ni confrontación ni sumisión; la solución es el dialogo y la negociación: Enrique Peña Nieto. 23 de enero de 2017. — URL: gob.mex/presidencia/prensa/ (date of access: 13.09.2018).
- Conozca como Trump dividió a México y Canadá en renegociación del TLCAN. 25 de Septiembre de 2018. — URL: americaeconomia.com/ (date of access: 25.09.2018).
- El-Erian M.A. A Reagan moment for international trade. July 16, 2018. — URL: financialexpress.com/opinion/a-reagan-moment-for-international-trade/1245965/ (date of access: 20.09.2018).
- McBride J., Aly Sergie M. NAFTA's Economic Impact. October 4, 2017. — URL: cfr.org/backgrounders/naftas-economis-impact (date of access: 12.09.2018).
- NAFTA Modernization. Key Dates Prior to Commencement of Negotiations. — URL: ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/FTA/nafta/NAFTA.pdf (date of access: 10.09.2018).
- NAFTA, 20 Years Later: Do the Benefits Outweigh the Costs? Feb 19, 2014. — URL: knowledge.wharton.upenn.edu/article/nafta-20-years-later-benefits-outweigh-costs/ (date of access: 20.09.2018).
- President Donald J. Trump is Keeping His Promise to Renegotiate NAFTA. August 27, 2018. — URL: whitehouse.gov/briefings-statements/ (date of access: 22.09.2018).
- President Trump Returns to the U.N. — with a Mountain of Evidence for 'Peace Through Strength'. September 25, 2018. — URL: whitehouse.gov/articles/president-trump-returns-u-n-mountain-evidence-peace-strehgth/ (date of access: 26.09.2018).
- Statement by Foreign Affairs Minister on NAFTA. May 18, 2017. — URL: canada.ca/en/global-affairs/news/2017/05/statement_by_foreignaffairsministeronnafta.html (date of access: 20.09.2018).
- Summary of Objectives for the NAFTA Renegotiation. Office of the United States Trade Representative. Executive Office of the President. November 2017. — URL: ustr.gov/sites/default/files/files/Press/Releases/Nov%20Objectives%20Update.pdf (date of access: 15.09.2018).
- The Canada — U.S. Free Trade Agreement (FTA). — URL: international.gc.ca/trade-agreements-accords-commercaux/assets/pdfs/cusfta-e.pdf (date of access: 12.09.2018).
- “The Economic Relationship Between the United States, Canada, and Mexico”: Earl Anthony Wayne Testifies before the U.S. Senate Committee on Foreign Relations January 30, 2018. — URL: uschnews.com/the-economic-relationship-between-the-united-states-canada-and-mexico-earl-anthony-wayne-testifies-before-the-u-s-senate-committee-on-foreign-relations/ (date of access: 16.09.2018).

- The NAFTA: Canada, Mexico And The USA. May 8, 2017. — URL: ukessays.com/essays/economics/the-nafta-has-produced-net-benefits-for-business-in-canada-mexico-and-the-usa-economics-essay.php(date of access: 20.09.2018).
- Transcript of Donald Trump Interview With The Wall Street Journal. — URL: wsj.com/articles/transcript-of-donald-trump-interview-with-the-wall-street-journal-1515715481 (date of access: 17.09.2018).
- USMCOC submits comments to the U.S. trade representative on negotiating objectives regarding modernization of NAFTA. June 8, 2017. — URL: usmcoc.org/ (date of access: 20.09.2018).
- Villarreal M.A., Fergusson I.F.* NAFTA Renegotiation and Modernization. July 26, 2018. — URL: fas.org/sgp/crs/row/R44981.pdf (date of access: 23.09.2018).

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-86-99
УДК 327

Борис ДОЛГОВ

Сирийский конфликт на новом этапе: международное измерение

Аннотация. *Новый этап сирийского конфликта характеризуется, с одной стороны, подавлением, в большой степени, «Исламского государства» (ИГИЛ, организация запрещена в РФ), а с другой стороны, активизацией действий внешних акторов и усилением влияния курдского фактора. В статье анализируется политика США, Израиля, монархий Персидского залива, Турции, стремящихся использовать сирийский конфликт для реализации своих внешнеполитических интересов. Раскрывается роль России в борьбе с радикальным исламизмом и разрешении сирийского кризиса.*

Ключевые слова: сирийский конфликт, подавление ИГ, внешние акторы, радикальный исламизм, роль России.

Сирийский кризис, начавшийся в марте 2011 г., приобрел характер глобального конфликта, в котором столкнулись интересы как государств, представляющих собой региональные центры силы, так и великих держав.

Чтобы лучше понять природу сирийского кризиса, следует обратиться к событиям Арабской весны, отдельной частью которой он стал. В таких странах, как Тунис, Египет, Йемен или Бахрейн, она начиналась с социальных протестов, обусловленных внутренними факторами: социально-экономическим кризисом, коррупцией, произволом и nepотизмом правившей десятки лет властной элиты, отсутствием реальных демократических свобод при показной «фасадной демократии». В Сирии (как и в Ливии) при наличии схожих проблем внутренняя ситуация по многим параметрам отличалась в лучшую сторону и не могла сама по себе вызвать масштабный внутренний конфликт и вооруженное противостояние.

Так, в 2010 г. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (GDP per capita) составлял в Сирии 5260 долл., что выше показателей многих арабских стран. Уровень безработицы, хотя и повысился с 8,4% в 2010 г. до 14% в 2011 г. [Central Bureau...], был ниже, чем в Тунисе и Египте, где безработица (особенно среди молодых людей до 30 лет) достигала 50%, и даже ниже, чем в ряде стран ЕС (Испании, Греции, Португалии), где он в то время вырос до 24%. Процент безработных дипломированных специалистов в Сирии также был гораздо ниже, чем в Египте и, особенно, в Тунисе. Инфляция колебалась в 2010 г. в пределах 4% [Central Bureau...]. Качественные пока-

Сведения об авторе: ДОЛГОВ Борис Васильевич — ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук; dolgov.boris@list.ru.

затели сирийского общества отличались в лучшую сторону: доля грамотных среди лиц старше 15 лет на 2010 г. достигала 86% (для мужчин) и 73,6% (для женщин). Продолжительность жизни составляла 70 лет (для сравнения: в РФ, согласно рейтингу ООН по качеству жизни, этот показатель равнялся 66,5 года). Таким образом, ситуацию в Сирии перед началом внутреннего конфликта нельзя было определить как социально-экономический кризис, как это имело место в Тунисе и Египте.

Можно еще напомнить, что после прихода к власти в 1970 г. левого крыла Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), в соответствии с доктриной построения «арабского социализма», в Сирии проводились мероприятия, направленные на улучшение социально-экономической ситуации. Было введено бесплатное образование и медицинское обслуживание. Провели аграрную реформу, в результате которой возрос материальный достаток сирийских граждан (особенно это касалось крестьян, составлявших в тот период большинство населения). Установили приемлемый для большинства сирийских граждан уровень цен на продукты питания и предметы первой необходимости...

Профессор политологии Дамасского университета, видный член партии ПАСВ, депутат парламента Сирии Бассам Абу Абдалла в беседе с автором этих строк рассказывал, что он родился в бедной многодетной крестьянской семье. Только благодаря социально-экономическим реформам ПАСВ, изменившим жизнь в Сирии, он «прошел путь от крестьянина до парламентария»¹.

Нельзя согласиться и с достаточно распространенным мнением, будто в сирийском руководстве и сирийской элите полностью доминируют представители алавитской² общины. Это не так.

Сам Башар Хафез аль-Асад, действующий президент Сирийской арабской республики (САР), действительно происходит из известного алавитского рода Кальбийя³. Од-

1 Беседа с профессором Бассамом Абу Абдаллой 6 января 2012 г. в Дамаске. (Архив автора.)

2 Алавиты (нусайриты) — течение в шиитском направлении ислама, возникшее в X в. Оно представляет собой эклектическое смешение элементов шиитского вероучения, гностического христианства и домусульманских культов и верований. Алавиты отвергают многие предписания ислама, почитают Иисуса Христа и ряд христианских святых, отмечают некоторые христианские праздники (Ислам. Энциклопедический словарь. М. 1991).

3 Башар Хафез аль-Асад родился 11.09.1965 г. в семье тогда еще бригадного генерала Хафеза аль-Асада, командующего ВВС и ПВО САР. В семье кроме Башара было четверо детей — старший брат Басиль, младшие — Махер и Маджид и их сестра Бушра. Закончив в 1982 г. элитный сирийско-французский лицей Хуррия и получив степень бакалавра, Башар Асад поступил на медицинский факультет Дамасского университета. Закончив его с красным дипломом врача-офтальмолога, он затем в течение двух лет стажировался в Англии в офтальмологическом центре Western Eye Hospital в Лондоне. Причем здесь он находился инкогнито, взяв себе псевдоним. В период стажировки Башар участвовал в научных медицинских симпозиумах, в том числе международных — наряду с арабским он владеет английским и французским языками. Свободное время Башар проводил в кругу сирийских интеллектуалов, находившихся в Англии. В Лондоне он встретился со

нако Асма Асад, супруга президента Башара Асада, исповедует суннитский толк ислама¹. Она происходит из известной суннитской семьи врачей-кардиологов из г. Хомса, которые имели дружеские связи с семьей Асадов. Многие сирийские предприниматели, в частности, в районе г. Алеппо, являлись представителями суннитской, а также армянской христианской общин². В сирийский офицерский корпус был открыт доступ представителям всех конфессий. Ярким примером этого был министр обороны генерал Дауд Раджха (погибший в результате теракта 18.07.12 в Дамаске), являвшийся христианином. Сирийская интеллигенция, в том числе работники СМИ, также представлены различными национальностями и конфессиями. Например, нынешний руководитель корпункта САНА (Сирийского агентства новостей) в Москве является курдом, заместитель председателя Союза писателей Сирии — палестинец-христианин. Сирия истори-

своей будущей женой Асмой, которая имела двойное гражданство — сирийское и британское. Асма впоследствии рассказывала, что у них «с Башаром был тот случай, когда детская дружба перешла в любовь». У супругов Асадов родилось трое детей: двое сыновей — Хафез (род. в 2001 г.), Карим (род. в 2004 г.) и дочь Зейн (род. в 2003 г.). В 1994 г. Б. Асад возвращается в Сирию в связи с трагической гибелью в автомобильной катастрофе его старшего брата Басиля, которого их отец Хафез Асад, ставший с 1970 г. президентом САР, готовил себе в преемники. Теперь эту миссию предстояло взять на себя Башару. Он поступает в Военную Академию в г. Хомсе и после завершения курса обучения командует танковым батальоном в звании капитана. Затем, уже в чине полковника, он возглавил сирийскую Республиканскую гвардию. В 2000 г., после кончины Хафеза Асада, Башар становится Верховным главнокомандующим в звании генерал-лейтенанта и избирается Генеральным секретарем правящей ПАСВ. Затем, в июле 2000 г., в соответствии с конституцией САР, Башар Асад выдвигается ПАСВ кандидатом на пост президента страны и становится им в итоге всенародного референдума с результатом 97,29% голосов. Башар Асад по свойствам характера отличался от своего отца Хафеза Асада — волевого, решительного и в соответствующих моментах жесткого лидера, которого называли «арабским Сталиным». Тем не менее Башар унаследовал от отца аналитический ум и талант политика, целеустремленность в сочетании с политической гибкостью, умение мыслить перспективно и определять главные цели. В 2007 г. он был переизбран на второй президентский мандат. В июне 2014 г. в результате президентских выборов, проходивших по конституции с принятыми на всенародном референдуме поправками, вводившими многопартийную систему и отменявшими руководящую роль ПАСВ (в них участвовали кроме него еще два кандидата), Башар Асад был избран на третий мандат.

1 Суннизм и шиизм — два основных направления в исламе. Большинство мусульман мира исповедуют суннизм. В области теологии главное отличие суннизма от шиизма состоит в разном толковании понятия «имамат» (мусульманское религиозное сообщество) и его руководителя — имама или халифа. В то время как для суннитов имам есть духовный и светский глава, избираемый или назначаемый мусульманской общиной, для шиитов имамом является только потомок рода Али ибн Аби Талиба, зятя и двоюродного брата Пророка Мухаммеда, последнего из четырех «праведных халифов» VII в. (Абу Бакр, Омар, Осман, Али). Шиитские имамы олицетворяют принцип наследственной духовной власти и непрерывности мусульманского пророчества. В свою очередь, существуют четыре мазхаба (направления) суннизма и целый ряд направлений шиизма.

2 По конфессиональному составу население Сирии представлено следующим образом: мусульмане — 85%, из них сунниты — ок. 70%, шииты — 14%, христиане — 10% (православные, католики, армяне-грегориане, марониты и др.), друзы, езиды и др. — ок. 3%. По национальному составу свыше 85% населения Сирии составляют сирийцы-арабы, ок. 12% — курды, остальные 3% — туркмены, армяне, черкесы и др. (Страны мира. Современный справочник. Дом славянской книги. Москва 2010. С. 261.)

чески сложилась как своеобразный перекресток цивилизаций и многоконфессиональная страна. После прихода к власти партии ПАСВ она фактически являлась светским государством, в котором всем конфессиям были предоставлены равные права.

В 2000-е годы сирийское руководство стремилось решать назревающие в обществе проблемы. Это касалось прежде всего мер по демократизации экономической и общественно-политической жизни, получивших название «сирийская весна». По инициативе президента была провозглашена политика «открытости и гласности». Предпринимались усилия по развитию рыночной экономики, которые способствовали расширению участия частного бизнеса в экономической и финансово-банковской сфере. Однако стимулирование свободного рынка наряду с определенным положительным эффектом имело негативные результаты. Рост безработицы (в связи с сокращением рабочих мест в результате приватизации предприятий и повышения их рентабельности), повышение цен и, как следствие, увеличение числа неимущих в процессе расслоения общества привели к усилению социальной напряженности.

Тем не менее главными причинами кризиса в Сирии стали внешние факторы. Это поддержка сирийской вооруженной оппозиции со стороны США и их союзников по НАТО, включая Турцию и монархии Персидского залива, которые пытались использовать сирийский конфликт для реализации своих стратегических целей.

К 2015 г. в Сирии действовали, по информации сирийских властей, более тысячи вооруженных антиправительственных групп, в некоторых насчитывалось до нескольких тысяч боевиков. Общее число вооруженных исламистов составляло, по сирийским данным, от 50 до 70 тыс., причем значительная часть их была представлена иностранными наемниками из более чем 80 стран мира¹. Самые крупные силы сосредоточены в исламистских группировках «Джабхат ан-Нусра» (сменила название на «Джабхат фатх аш-Шам» — Фронт освобождения Сирии, затем на «Хайат тахрир аш-Шам» — Организация освобождения Сирии), аффилированной с «Аль-Каидой», «Джейш аль-фатх» (Армия победы), «Ахрар аш-Шам» (Освободители Сирии), «Джейш аль-ислам» (Армия ислама), «Джабхат аш-Шам» (Сирийский фронт), а также «Аль-джейш аль-хурр ас-сурий» (Свободная сирийская армия — ССА). США и их союзники, в том числе Турция, провозглашали ССА и ряд других вооруженных группировок «умеренной оппозицией» и оказывали им поддержку². Это способствовало формированию так называемого Исламского государства (ИГИЛ — «Исламское государство» Ирака и Леванта³, по-арабски — Даиш, Дауля исламийя ли-ль-ирак ва ш-шам, запрещено в России) и его экспансии в регионе.

1 Беседа с г-ном Хилялем, помощником Генерального секретаря ПАСВ. Дамаск. 20.10.2016 г. (Архив автора.)

2 Во время встречи автора 19.11.2015 г. с руководством и студентами Дамасского университета студенты рассказывали о том, что несколько их товарищей погибли или получили ранения в результате террористических акций боевиков ССА, и задавали вопрос: «Как можно считать «умеренной оппозицией» бандитов, обстреливающих из минометов Дамасский университет?».

3 Левант — латинский перевод арабского термина *аш-Шам*, названия региона, охватывавшего территорию современных Сирии, Палестины, Ливана, части Иордании и Ирака.

В 2015–2018 гг. в сирийском кризисе наступает новый этап, характеризующийся выдвиганием на первый план действий внешних акторов, прежде всего США, Турции, Израиля, усилением влияния курдского фактора, а также возрастанием роли России. США и их союзники по НАТО воспринимают руководство Сирии во главе с президентом Б. Асадом как враждебное — в силу его союзнических отношений с Ираном и поддержки им ливанского шиитского движения «Хизбалла». Сирия противостоит Израилю, стратегическому союзнику США. Обе страны не раз обвиняли руководство Сирии в поддержке «международного терроризма», а именно — палестинских организаций, борющихся за создание независимого палестинского государства [Долгов, с. 117]. С Ираном Сирия имеет давние, со времен ирано-иракской войны 1980–1988 гг., союзнические связи, в том числе на конфессиональной основе. В то же время Израиль и США рассматривают Иран как враждебное государство, также обвиняя его в поддержке террористических организаций. В свою очередь, Иран обвиняет Израиль, который он называет «сионистским образованием», в агрессивных действиях против палестинцев. (Тегеран предлагает решить палестинскую проблему путем создания на всей территории Палестины (Израиля, Палестинской национальной администрации и Сектора Газа) единого палестино-израильского государства на основе всеобщих демократических выборов, в которых участвовали бы все проживающие на этой территории, как израильтяне, так и палестинские арабы.)

Для США и Израиля ослабление Ирана и его влияния в регионе являются стратегическими целями. Премьер-министр Израиля в 2018 г. представил в СБ ООН объемное досье, составленное на основе информации израильской разведки, которое, по его мнению, подтверждало разработку Ираном ядерного оружия. США сразу же признали эти обвинения правомерными. Тем не менее международные эксперты не нашли в данном досье каких-либо конкретных доказательств и определили его как компиляцию уже ранее представлявшихся Израилем документов. Действия США, направленные на ослабление Ирана и попытку его дестабилизации, проявлялись и в заявлениях в поддержку протестных манифестаций в Иране в начале 2018 г., обусловленных внутренними экономическими проблемами в стране. США заявили, что могут оказать практическую поддержку протестующим. Затем последовали выход США из соглашения по ядерной программе Ирана, подписанного предыдущей американской администрацией и всеми членами международной группы шести держав (Группы 5+1), и наложение новых санкций на Иран. Эти санкции распространяются на все компании, включая европейских союзников США, которые реализовывали деловые связи с Ираном.

Поэтому смена режима в Сирии или ее расчленение на несколько квазигосударств отвечают интересам США и их союзников. Кроме того, такой сценарий способствовал бы сохранению контроля со стороны Израиля над стратегически важной в военном отношении сирийской территорией Голанских высот (оккупированной Израилем со времен войны 1967 г.), которую по решению ООН он обязан вернуть Сирии.

Примерно такую же позицию занимают суннитские монархии Персидского залива, противостоящие шиитскому Ирану и видящие в нем потенциальную угрозу со времен иранской исламской революции 1979 г. Противостояние их с Ираном усилилось после

начала конфликта в Йемене в 2015 г., а также после казни в Королевстве Саудовской Аравии (КСА) в начале 2016 г. видного шиитского богослова шейха Нимра и 46 представителей шиитского меньшинства.

КСА и Катар, обладая сейчас значительным влиянием в Лиге арабских государств (ЛАГ), всячески поддерживают различные (в силу политико-идеологического противостояния между самими этими странами) группировки сирийской суннитской исламистской оппозиции. Катар, поддерживаемый Турцией, оказывал помощь исламистским группам, разделявшим доктрину «Братьев-мусульман». КСА поддерживало группировки, которые продвигали ее политические интересы и исповедовали близкие саудовскому ваххабизму исламские течения. Зачастую исламистские группировки, поддерживаемые КСА, входили в Сирии в вооруженное столкновение с группировками, поддерживаемыми Катаром.

Можно добавить, что поддержка Катаром движения «Братьев-мусульман» и других радикальных исламистских групп, которые развивали террористическую активность в КСА, ОАЕ, Бахрейне, Египте, спровоцировала в 2018 г. конфликт между Катаром и этими странами. В июне 2018 г. КСА, Бахрейн, ОАЭ, Египет прервали дипломатические отношения с Катаром, объявили о введении против него экономической блокады и ультимативно предъявили ряд требований, среди которых — прекращение поддержки террористических организаций, отказ от имевшего места, по мнению данных стран, сотрудничества с Ираном, прекращение строительства турецкой военной базы в Катаре, закрытие финансируемого Катаром телеканала «Аль-Джазира».

Тем не менее в Сирии цели у КСА и Катара совпали — приведение исламистской оппозиции к власти и устранение таким образом руководства Б. Асада. В этом отношении интересы монархий Персидского залива совпали и с интересами ведущих стран НАТО и Израиля. В то же время такие страны-члены ЛАГ, как Алжир, Египет, Ливан, поддерживали сирийское руководство, хотя и не выражали этого достаточно решительно.

Сирийский исследователь Усман аль-Усман выделяет Израиль, Турцию и Катар как основных инициаторов «призывов к свержению сирийского правительства и разрушению сирийского государства» [Усман аль-Усман, с. 6].

Турция, являясь членом НАТО, имеет свои интересы в отношении Сирии. Во-первых, поддержка турецким руководством сирийских суннитских исламистских группировок, часть которых составляют боевики сирийских «Братьев-мусульман», обусловлена тем, что нынешнее турецкое руководство, представленное Партией справедливости и развития (ПСР), является умеренно исламистским, идеологически близким «Братьям-мусульманам». Президент Турции Р. Эрдоган в молодые годы входил в руководство двух исламистских партий, а в период военных режимов отбывал тюремное заключение за публично высказываемую приверженность исламистским идеям. Во-вторых, турецкие руководители, проводя политику неоосманизма, стремятся продвигать влияние Турции во все регионы, когда-то входившие в состав Османской империи. Турция претендует также на роль лидера мусульманского суннитского мира, каковым была Осман-

ская империя¹, в состав которой на протяжении 400 лет (XVI — начало XX вв.) входила Сирия.

Район Сирии, расположенный вдоль сирийско-турецкой границы (где в основном проживает сирийское туркоязычное население — туркоманы), фактически оккупирован Турцией. Здесь действуют вооруженные исламистские группировки, воюющие против сирийской правительственной армии; как утверждает французский исследователь Мишель Рембо, их негласно поддерживают турецкие спецслужбы [Raimbaud, с. 550]. Таким образом, расчленение Сирии и аннексия части ее территории, что вполне возможно в случае гипотетического падения руководства Асада, отвечают интересам турецкой верхушки. При этом турецкий проправительственный истеблишмент оправдывает поддержку сирийской вооруженной оппозиции заявлениями о том, что в Сирии якобы имеет место «народная революция, являющаяся продолжением революций в Восточной Европе конца 1980-х — начала 1990-х годов»².

Необходимо подчеркнуть, что, при всем различии позиций России и Турции в сирийском конфликте, Москва и Анкара, как справедливо отмечает видный российский исследователь А.М. Васильев, «предпочитали договариваться и действовать в рамках широких общих интересов и отодвигать на второй план разногласия, даже серьезные» [Васильев, с. 600].

Что касается действий США и созданной ими будто бы для борьбы с ИГИЛ коалиции из более чем 40 государств, то они ограничивались ударами ВВС по позициям ИГИЛ и не привели к его подавлению. Подлинной целью США в регионе являлось устранение руководства Асада, для чего использовались все оппозиционные ему силы, включая радикальные исламистские движения. Реализация этих целей давала возможность США решить стратегические задачи: ослабить Иран, в том числе его влияние в Ираке и Ливане, и выдавить Россию с Ближнего Востока.

Между Россией и Сирией исторически сложились отношения дружбы и сотрудничества в экономической, военно-политической, культурной и гуманитарной областях. Сирия в настоящее время является единственным реальным союзником РФ на Ближнем Востоке. В конце сентября 2015 г., в соответствии с официальной просьбой сирийского правительства, российские Воздушно-космические силы (ВКС) и соединения ВМФ начали наносить ракетно-бомбовые удары по позициям боевиков ИГИЛ и аффилированных с ним группировкам в Сирии. Одновременно сирийская правительственная армия приступила к наступательным операциям по освобождению от исламистских боевиков районов Пальмиры, Хомса, Хамы и второго по величине и стратегически важного горо-

1 Один из участников встречи сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. рассказывал автору этих строк, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Р. Эрдогана называют «Амир аль-мууминин» (Повелитель правоверных — титул халифа).

2 Такую риторику автор слышал в выступлениях турецких историков на международном коллоквиуме «Политика Турции, Ирана, Китая и России в отношении кризиса в Сирии» в Турецком государственном университете в Анкаре 9 марта 2012 г.

да — Алеппо. По инициативе российской стороны в Багдаде был создан Центр для координации действий российских, иракских и американских сил в борьбе против ИГИЛ.

В противостоянии с ИГИЛ Россия защищает также и свои национально-государственные интересы. Сирия для России является передним краем обороны против радикального исламизма, так как очевидно, что в случае гипотетического прихода к власти в Сирии исламистов следующий удар террористического «джихада» будет направлен в том числе против России, о чем открыто заявляли лидеры ИГИЛ.

В свою очередь, Иран и ливанское шиитское движение Хизбалла также оказывали Сирии значительную помощь в борьбе против радикальной вооруженной оппозиции. Иран поддерживал иракскую армию в ее борьбе против ИГИЛ. Руководство Ирана заявляло, что не допустит на своих границах создания какой-либо террористической структуры ИГИЛ, поэтому стабилизация ситуации в Ираке и Сирии является одним из приоритетов иранской внешней политики. Политическую и дипломатическую поддержку сирийскому правительству, в том числе в рамках ООН, на протяжении всего сирийского кризиса оказывал Китай.

В 2017 г. сирийская армия при поддержке российских ВКС провела ряд успешных операций против боевиков ИГИЛ в провинции Дейр эз-Зор, важной в экономическом отношении (здесь расположены крупные нефтяные месторождения). Российские ВКС, поддерживая действия сирийской армии, наносили по позициям ИГИЛ удары крылатыми ракетами «Калибр», в результате чего были уничтожены ряд военных объектов и более 1200 боевиков. Сирийская правительственная армия освободила более 60 населенных пунктов данной провинции, а также большую часть центральных провинций в районе городов Хомс и Хама и территорий на севере Сирии.

В ходе визита в Сирию российской делегации во главе с заместителем премьера РФ и переговоров с представителями правительства САР были подтверждены планы российско-сирийского сотрудничества в различных областях и послевоенного восстановления разрушенных объектов промышленной инфраструктуры.

В то же время курдские подразделения и союзные им силы, объединенные в Сирийские демократические силы (СДС), при поддержке возглавлявшейся США Международной коалиции блокировали и после длительных бомбардировок взяли город Ракку, провозглашенный ИГИЛ столицей «исламского государства».

Таким образом, в основном в результате успешных действий российских ВКС и сирийской правительственной армии, в 2017 г. практически вся сирийская территория, контролировавшаяся ИГИЛ, была освобождена и само «Исламское государство»¹ разгромлено. Но на территории Сирии продолжали действовать вооруженные (в основном исламистские) группировки, оппозиционные правительству, которые насчитывали десятки тысяч боевиков. США и их союзники поддерживали данные группировки,

1 «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) запрещено в России.

заявляя, что они являются «умеренной оппозицией». Несмотря на то, что разгром ИГИЛ предоставлял возможность начать политическое урегулирование сирийского конфликта, США и союзные им страны, по всей видимости, продолжали рассматривать в качестве главной цели устранение от власти руководства Б. Асада и реализацию своих внешнеполитических интересов.

Согласно заявлению американского министра обороны, США не собирались выводить свои воинские формирования из Сирии — по крайней мере, до позитивного, с точки зрения США, завершения переговоров в Женеве, то есть до смены режима. При этом политика США в сирийском конфликте стала более агрессивной. По приказу президента Д. Трампа в апреле 2017 г. корабли американских ВМС нанесли удар крылатыми ракетами по сирийской военно-воздушной базе — под надуманным предлогом, что с этой базы самолеты сирийских ВВС атаковали химическими боеприпасами населенный пункт в районе Идлиба. Единственным доказательством якобы имевшей место химической атаки стали видеоклипы западных информационных агентств, на которых члены «Белых касок» (организации, созданной спецслужбами США и Англии в качестве «гуманитарной») несут тела пострадавших от химической атаки. Причем сами члены «Белых касок» на этих кадрах не пользуются ни противогазами, и ни другими средствами химзащиты. Совместная комиссия представителей ООН и ОЗХО подтвердила, что воздействие отравляющих веществ не было результатом воздушной атаки.

В 2018 г. западными странами был нанесен еще один удар по объектам в Сирии, где якобы производилось химическое оружие. На этот раз бомбардировку осуществляли как США, так и их союзники по НАТО — Великобритания и Франция. Эти действия сопровождалось обвинениями в адрес как Сирии, так и России, которая, по заявлениям США и их союзников, «поощряет преступные действия Дамаска». Сирийское правительство отвергло эти обвинения, заявив, что сирийская армия не располагает химическим оружием, все его запасы были выведены с территории Сирии в результате соглашений между США, РФ и САР в 2013 г. (это подтверждено международной Организацией по запрещению химического оружия — ОЗХО). Россия осудила агрессивную военную акцию США и наряду с руководством Сирии предложила создать международную комиссию экспертов для расследования данного инцидента на месте, что не было принято США и их союзниками. Последние внесли в СБ ООН проект резолюции, осуждавший сирийское руководство и требовавший принятия международных санкций против него. Однако данный проект был заблокирован вето, наложенным Россией.

В 2017 г. в Женеве проходили шестой, седьмой и восьмой раунды межсирийских переговоров под эгидой специального представителя ООН Стефана Де Мистуры. Несмотря на согласие в целом участников переговоров с основанным на резолюции ООН № 2254 документом по продвижению политического урегулирования, предложенным Де Мистурой и состоявшим из 12 пунктов, общего соглашения достичь не удалось. Оставались разногласия между представителями правительства САР и делегацией сирийской оппозиции, большинство в которой составляли члены так называемой Эр-Риядской группы, спонсировавшейся Саудовской Аравией. Эта группа выставила предварительным условием уход Б. Асада с поста президента САР и его неучастие в дальнейшем пе-

реходном процессе. Это было абсолютно неприемлемо для делегации правительства САР и фактически привело к срыву 8-го раунда переговоров.

Наряду с этим в начале мая 2017 г. прошли переговоры в Астане, участникам которых удалось достичь определенного консенсуса. Результатом стал меморандум по Сирии, подписанный Россией, Турцией и Ираном, являющимися гарантами ранее заключенных соглашений о прекращении огня между сирийской правительственной армией и частью вооруженной оппозиции. Меморандум, одобренный также руководством Сирии, предполагал создание четырех зон безопасности — в провинции Идлиб, Восточной Гуте (предместье Дамаска), районе Хомса и на юге Сирии, где имели место наиболее активные боевые действия. В этих районах прекращались вооруженные столкновения и вводилась бесполетная зона, в которой могли действовать только российские ВКС. Данное соглашение не распространялось на оставшиеся группы ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусру» и аффилированные с ними группировки, признанные террористическими, борьба с которыми должна была продолжаться.

Чтобы дать импульс политическому урегулированию сирийского конфликта, Россия выступила с инициативой проведения Конгресса сирийского народа — национального диалога, который прошел 30 января 2018 года в Сочи. В результате встреч и переговоров, в которых участвовали около 1400 представителей различных политических, конфессиональных, национальных и региональных организаций Сирии, был создан рабочий орган по выработке проекта изменения сирийской конституции с учетом предложений, высказанных участниками Конгресса.

Однако разрешение сирийского кризиса фактически блокируется действиями США и их союзников. Так, США, по сирийским официальным данным, создали в Сирии более 20 опорных пунктов. На некоторых из них оборудованы аэродромы, которые может использовать военная авиация. На этих пунктах дислоцируются части американского спецназа и их союзников и действуют тренировочные лагеря по подготовке боевиков — для борьбы (по заявлениям самих США) как с ИГИЛ, так и с сирийской правительственной армией.

Например, в одном из таких пунктов в районе города Ат-Танфа американскими военными формируется так называемая Новая сирийская армия, в основном предназначенная для борьбы с сирийской правительственной армией. В нее входят в том числе боевики из оставшихся отрядов ИГИЛ. По сообщениям Би-би-си, в ходе освобождения от ИГИЛ Ракки курдскими вооруженными подразделениями СДС при поддержке возглавляемой США Международной коалиции было заключено негласное соглашение между руководством СДС и ИГИЛ, в результате которого из Ракки через позиции СДС свободно вышли и передислоцировались в другие районы Сирии более трех тысяч боевиков ИГИЛ со всем вооружением. Среди боевиков, по свидетельствам перевозивших их сирийских водителей, было много иностранцев, в том числе из Франции (они намеревались вернуться домой и продолжать действовать в «час мести»).

Аналогичная ситуация имела место в районе Абу-Кемаля вблизи сирийско-ирак-

ской границы в ноябре 2017 г.: там Международная коалиция, возглавляемая США, согласно заявлению Министерства обороны РФ, не наносила удары по отступавшим формированиям ИГИЛ, в составе которых были десятки автомашин и единиц бронетехники, — предоставляя им возможность перегруппироваться на территории, подконтрольной СДС, и нанести контрудар по сирийским правительственным войскам. Более того, американские военные помешали российским ВКС разгромить данные формирования. В связи с этим министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что «ситуация в Абу-Кемале — далеко не первый случай, когда США спасают террористов в Сирии»¹.

Видимо, рассчитывая использовать для достижения своих целей «курдский фактор», США поддерживали СДС и другие курдские вооруженные формирования, которые контролируют районы на севере Сирии. В 2017 г. при поддержке США СДС взяли под контроль также часть провинции Дейр эз-Зор, где расположены нефтяные месторождения, — несмотря на то, что в этом районе нет компактного проживания курдов.

Руководство курдских военно-политических сил в Сирии стремилось создать на контролируемых ими территориях зону с широкой автономией и в перспективе — независимое курдское государство. (На «круглом столе», организованном 17.02.2017 г. в Москве МИА «Россия сегодня», представители ряда курдских организаций, в том числе наиболее влиятельной «Партии демократического союза» (PYD), выступали за федерализацию и децентрализацию Сирии и признание созданных на контролируемых ими сирийских территориях местных властей.) Этому активно противодействовала Турция, проводя военную операцию по взятию под контроль сирийской территории вдоль сирийско-турецкой границы. В ответ сирийские власти заявили «решительный протест в связи с турецкой агрессией», подчеркнув, что курды в Сирии являются «частью сирийского народа»².

Руководство Турции мотивировало свои действия необходимостью обезопасить турецкую территорию от проникновения боевиков СДС. Анкара считает СДС террористической организацией, связанной с Курдской рабочей партией, совершающей в Турции вооруженные акции. При этом Турция входила в противостояние с США, поддерживавшими СДС. Тем не менее в 2018 г. США пошли на соглашение с Турцией и подписали «дорожную карту», согласно которой турецкие войска продолжали операции по взятию под контроль данной территории, включая стратегически важный район города Манбиджа.

Необходимо отметить, что курдское национальное движение в Сирии не является единым. В нем, наряду с СДС, действуют леводемократические силы, поддерживающие сирийское руководство, а также силы, вошедшие в сирийскую Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил (НКОРС) и группу «Координационные комитеты», готовую к диалогу с сирийскими властями.

1 Телевизионная информационная программа «Вести», 14.11.2017 г.

2 Беседа с г-ном Имраном аз-Зааби, заместителем председателя Национального прогрессивного фронта Сирийской Арабской Республики. 21.10.2016 г. (Архив автора.)

В начале 2018 г. сирийская правительственная армия провела успешную операцию по подавлению признанного ООН террористическим исламистского формирования «Джабхат ан-Нусра» и аффилированных с ним группировок в районе Восточной Гуты, пригороде Дамаска. Данные группировки на протяжении почти трех лет периодически обстреливали Дамаск и осуществляли в городе террористические акты.

В июне-июле 2018 г. сирийская правительственная армия вела наступательные операции на юго-западе Сирии в районе городов Эс-Сувейда и Дараа, прилегающем к сирийско-иорданской границе, а также города Кунейтра вблизи Голанских высот. В результате от боевиков был освобожден важный участок сирийско-иорданской границы и возобновлено сообщение по трассе, связывающей Дамаск с Амманом, столицей Иордании. Это позволило тысячам сирийских беженцев вернуться в места их проживания. Ряд подразделений боевиков, действовавших здесь наряду с «Джабхат ан-Нусрой», — группировки так называемой Свободной сирийской армии, — перешли на сторону сирийских правительственных войск; другая часть по соглашению с сирийскими властями была эвакуирована в район Идлиба, контролируемого вооруженной оппозицией.

В районе Голанских высот сирийская правительственная армия совместно с формированиями, поддерживаемыми Ираном, вышла к границе с Израилем. Израильские ВВС, неоднократно совершавшие акты агрессии против Сирии, нанесли ряд ударов по сирийским позициям, что привело к обострению конфликтной ситуации. В результате переговоров при посредничестве России удалось найти компромисс по проблеме присутствия в данном районе проиранских сил и снизить накал противостояния.

В конце июля 2018 г. в Сочи прошел очередной, десятый раунд переговоров между странами-гарантами — Россией, Ираном и Турцией, с участием представителей правительства Сирии и сирийской оппозиции, при посредничестве спецпосланника ООН Стефано Де Мистуры. На этих переговорах решались конкретные вопросы, касающиеся работы комитета по изменению сирийской конституции, ситуации в Сирии и возвращения туда сирийских беженцев. США отклонили предложение присутствовать на переговорах в качестве наблюдателя.

В начале августа 2018 г. вооруженные оппозиционные группировки, дислоцированные в районе Идлиба, часть которых поддерживается Турцией, объявили о создании альянса «Джабхат ватанийя ли-т-тахрир» (Национально-освободительный фронт). В него вошли «Хайат тахрир аш-Шам» (Организация освобождения Сирии), «Ахрар аш-Шам» (Освободители Сирии) и аффилированные с ними группы. Данный альянс проводил репрессии против тех сирийских граждан и оппозиционных групп, которые были готовы к примирению с сирийскими властями, а также осуществлял провокационные обстрелы позиций сирийской правительственной армии. Лидеры «Джабхат ватанийя ли-т-тахрир» заявляли о намерении начать наступательные операции против правительственных сил.

Ситуация в Сирии обсуждалась на переговорах между министрами иностранных дел России и Турции в августе 2018 г. На них турецкий министр подтвердил: «...в рамках

нашей доверительной политики мы спокойно обсуждаем наши разногласия с РФ» [Обзор...]. Эти переговоры предваряли саммит России, Турции и Ирана, намеченный на осень 2018 г.

Тем временем США предпринимают против трех стран-гарантов политического процесса в Сирии враждебные действия. Так, в мае 2018 г. США объявили о выходе из Соглашения по ядерной программе с Ираном, заключенного администрацией Б. Обамы в 2015 г., участниками которого были также РФ, Китай, Англия, Франция и Германия. При этом США выдвинули новые обвинения и требования к Ирану и одновременно наложили на него новые санкции. В августе 2018 г. США объявили о новых санкциях против России, повторив абсурдные обвинения в ее причастности к использованию химических отравляющих веществ в Солсбери (Англия). В том же месяце президент Д. Трамп санкционировал повышение в два раза пошлин на алюминий и сталь из Турции, что привело к падению турецкой валюты. Президент Турции Р. Эрдоган квалифицировал это как «удар в спину». Ранее Министерство финансов США ввело санкции против министра юстиции и министра внутренних дел Турции, обвинив их в «серьезных нарушениях прав человека». (Поводом послужил арест в Турции в 2016 г. американского пастора, обвиняемого в связях с участниками попытки военного переворота в июле 2016 г.)

Наконец, США заявили о возможности нанесения нового удара ВВС США и их союзников по военным и административным объектам в Сирии в случае якобы готовившегося применения химического оружия сирийской правительственной армией в районе Идлиба, где сосредоточены основные силы вооруженных оппозиционных группировок. Причем представители российского Министерства обороны заявили, что в этом районе отмечена доставка компонентов химического оружия боевиками для подготовки провокационного сценария.

Действия американской администрации способствовали, с одной стороны, обострению отношений России, Ирана и Турции с США, а с другой — большей консолидации этих трех стран, в том числе в сирийском конфликте. При всем том нельзя забывать о наличии здесь особых интересов как у Турции (в связи с ее политикой неоосманизма и антикурдскими действиями), так и у Ирана (обусловленными его противостоянием с Израилем и стремлением укрепить свое влияние в регионе).

События Арабской весны и возникшие конфликты в Сирии, Ливии, Йемене привели к некоторому расколу и ослаблению арабо-мусульманского мира и в определенной степени отодвинули на второй план такие вопросы, как палестинская проблема и территории, оккупированные Израилем, — в частности, Голанские высоты в Сирии. В известной мере используя эту ситуацию и усилившуюся при Д. Трампе поддержку со стороны США, руководство Израиля стремится закрепить состояние статус-кво как в отношении сохранения оккупации Голанских высот, так и в отношении Палестины, провозгласив в 2018 г. Иерусалим столицей Израиля.

Между тем ситуация в Сирии после подавления ИГИЛ предоставляла возможность приступить к политическому урегулированию конфликта. Однако действия внешних

акторов, использующих для продвижения своих интересов сложную ситуацию в Сирии и наличие здесь различных оппозиционных группировок, значительно затрудняют этот процесс и являются главной причиной продолжения кризиса. В сложившейся ситуации, когда США фактически перестали быть объективным посредником в ближневосточном урегулировании, значительно возрастает роль России на Ближнем Востоке, в том числе в справедливом урегулировании сирийского конфликта.

Литература

Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. — Институт Африки РАН. Российский университет дружбы народов. М. 2018.

Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг. Причины, развитие, перспективы. Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Алжир. Российская Академия наук. Институт востоковедения. М. 2016.

Обзор: С. Лавров встретится со своим турецким коллегой М. Чавушоглу на фоне разгорающейся торговой войны с США // Рамблер. Новости. 13.08.2018. —URL: news.rambler.ru/politics/40552338/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=rambler (date of access: 27.08.2018).

Усманаль-Усман. Аль-харбалясурия. Маншурат иттихад аль-куттаб аль-араб. Сильсиля ад-дирасат 7 (Усман аль-Усман. Война против Сирии. — Публикации Союза арабских писателей. Серия исследований 7). Дамаск. 2013.

Central Bureau of Statistics. Bulletin of labor force 2010. 29.01.2013. —URL: cbssyr.org (date of access: 27.08.2018).

Rimbaud. Tempête sur le grand moyen-orient. Ellipses. Paris. 2015.

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-100-113

УДК 327; 329

Вадим ТРУХАЧЕВ

«Российский» раскол Чехии

Аннотация. *Вопрос об отношениях с Россией является заметной темой в политических и общественных дискуссиях в Чехии. Он активно обсуждался в ходе парламентских и президентских выборов 2017–2018 гг. Среди местных политиков и партий нашлись как ярые критики России, так и те, кто относится к ней с симпатией. Раскол имел место даже внутри отдельных партий. В целом критическое отношение к России в Чехии является преобладающим, но речь скорее идет о «критике с поправками», что доказало переизбрание на второй срок лояльного к России президента Милоша Земана.*

Ключевые слова: Чехия, Россия, Евросоюз, санкции, чешские партии, М. Земан, А. Бабиш.

После 2014 г. отношения России и Евросоюза резко осложнились. Европейцы ввели в отношении РФ три пакета санкций, на что российская сторона ответила своими ограничениями. Эти события отрицательно отразились и на российско-чешских отношениях.

По данным МИД и Статистического ведомства Чехии, объем российско-чешской торговли в последние годы резко сократился. Если в 2013 г. он достиг 13,7 млрд долл., то в последующие три года товарооборот неуклонно падал, составив 11,7 млрд в 2014 г., 7,5 млрд в 2015 и 6,5 млрд в 2016 г. Только в 2017 г. наметилось оживление — торговый оборот увеличился до 8,4 млрд долл. [Vývoj...Zahraniční obchod...]

Что касается политических контактов, здесь картина выглядела противоречиво. Бывшие премьер-министр Богуслав Сobotка и глава МИД Любомир Заоралек не посещали Россию, поддерживая европейскую политику санкций. Не были в РФ и их преемники, Андрей Бабиш и Мартин Стропницкий. В то же время президент страны Милош Земан приезжал в Россию и открыто высказывался за отмену ограничений. Однако в Чехии внешнюю политику определяет правительство, и потому ее нельзя причислить к числу государств, выступающих за снятие санкций.

На тему отношений с Россией высказывались все ведущие политические силы страны, она заняла заметное место и в кампании по выборам в парламент Чехии 20–21 октября 2017 г., и в преддверии президентских выборов, состоявшихся в январе 2018 г.

Сведения об авторе: ТРУХАЧЕВ Вадим Вадимович — доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), кандидат исторических наук; vadimvts@mail.ru.

В парламент по итогам выборов прошли сразу девять политических сил: среди них как те, кто настаивал на немедленной отмене всех ограничений, так и сторонники еще большего «закручивания гаек» на российском направлении. Разброс мнений оказывался порой заметным даже внутри отдельно взятых партий.

Пророссийский спектр

В течение многих лет главным сторонником развития отношений с Россией считалась Коммунистическая партия. Заняв на выборах 2017 г. пятое место с почти 8% голосов, она располагает сегодня 15 местами в нижней палате парламента. О России в партийной программе прямо не говорится, однако заметное место в ней заняла критика политика США и Евросоюза. Одной из главных целей партии называется проведение референдума о выходе Чехии из НАТО [Volební program KSČM...].

О необходимости развивать связи с Россией говорил руководитель партии Войтех Филип. Он ссылался на данные торгово-экономического баланса, свидетельствовавшие об уменьшении товарооборота между Россией и Чехией, Россией и Евросоюзом в целом. Лидер коммунистов обращал внимание и на то, что инициировавшие антироссийские санкции США сумели даже нарастить объем торговли с Россией. В заключение Филип призвал отменить санкции: «Санкции очень неэффективны. Я крайне раздражен европейскими и чешскими политиками, поддержавшими их» [Protiruské...].

На сегодняшний день крупнейшей силой, настроенной на диалог с Россией, является националистическая партия «Свобода и прямая демократия». Она заручилась поддержкой более 10,5% избирателей и сегодня располагает 22 парламентскими креслами. Основное ее требование — запрет на мусульманскую иммиграцию в Чехию. Однако параллельно партия высказывалась и за выход Чехии из НАТО, и за расставание страны с Евросоюзом [Politický...].

России чешские националисты посвятили отдельный пункт своей внешнеполитической программы: «Россия — исторически один из важнейших торговых партнеров в вопросе импорта природных ресурсов и чешского экспорта продукции машиностроения... Она также может быть ценным партнером в борьбе с терроризмом» [Zahraniční politika...]. В отличие от других политических сил, националисты делали отсылку к светлым страницам истории русско-чешских связей, подчеркивали родство между чехами и русскими, указывали, что в отношениях с Россией «по-прежнему должна играть свою роль славянская взаимность» [Ibid].

Руководитель «Свободы и прямой демократии», заместитель председателя парламента Томио Окамура (чех по матери и японец по отцу) весьма резко оценивал проводимую Евросоюзом политику санкций. Ограничительные меры в отношении России он называл «глупостью» и высказывался за их немедленную отмену, попутно нелицеприятно отозвавшись о современном руководстве Украины: «Глупые действия ЕС заставили Россию переориентировать экономику на восток... Желание наказать Россию за

преступления украинских фашистов... стало презрением к какой-либо справедливости» [Sankce vůči Rusku byly...].

Как показали выборы 2017 г., за партии, настаивающие на развитии отношений с Россией и ратующие за отмену санкций, проголосовали в сумме около 18% избирателей. Часть их при голосовании скорее выражали недовольство политикой Евросоюза и собственных властей, нежели думали о связях с Россией. Тем не менее однозначное неприятие антироссийской политики ЕС и правительства Чехии со стороны коммунистов и националистов их как минимум не отпугнуло, а в какой-то степени даже привлекло. И сегодня пророссийские партии представляют собой достаточно заметную часть чешского политического спектра.

Антироссийский фланг

Помимо русофилов, среди чешских партий имеются и откровенные русофобы. В первую очередь это касается либерально-консервативной партии «ТОП 09» («Традиция, ответственность, процветание 09»), которая набрала в 2017 г. почти 5,5% голосов, финишировала восьмой и располагает семью депутатскими мандатами. Достаточно сказать, что к этой партии принадлежат трое из четырех граждан Чехии, которым Россия закрыла въезд на свою территорию в связи с антироссийской деятельностью. Это бывший глава МИД Карел Шварценберг, евродепутат и журналист Яромир Штетина, а также депутат чешского парламента Марек Женишек [Российский...].

Антироссийский настрой этой партии хорошо виден по ее программе. Так, в качестве внешнеполитического приоритета Чехии и Евросоюза прописано вступление в НАТО Украины и Грузии. Параллельно отмечается, что «мировой порядок... находится под угрозой со стороны таких авторитарных держав, как Россия». «ТОП 09» является единственной чешской политической партией, открыто призывающей к вмешательству в российскую (и белорусскую) политическую жизнь, требующей «поддерживать демократическую оппозицию в таких авторитарных странах, как... Россия и Белоруссия» [ТОП09...].

Почетным председателем партии остается один из главных авторов и идеологов программы ЕС «Восточное партнерство» К. Шварценберг. Антироссийские санкции он сравнил с ограничениями в отношении Ирана, который только спустя 10 лет после введения ограничительных мер был вынужден пойти Западу на уступки. По мнению Шварценберга, антироссийские действия в чем-то сродни «лекарству от рака», причем вполне умеренному — сам бы он их ужесточил. «Санкции — одна из немногих возможностей эффективно противостоять агрессору, который... угрожает нашей безопасности так, как Владимир Путин... Нужно, чтобы наши политики оставались твердыми» [Schwarzenberg...].

По градусу антироссийской риторики к «ТОП 09» приближается праволиберальная евроскептическая Гражданско-демократическая партия (когда-то ее основал бывший президент Чехии Вацлав Клаус, однако он уже давно не имеет к ней никакого отно-

шения). По итогам выборов 2017 г. она стала второй по влиянию партией в стране, получив свыше 11% голосов и 25 депутатских кресел. В программе партии о России не говорится ничего — упор там делается на необходимость укрепления НАТО и критику «евроцентризма». Но заместитель председателя партии Ян Заградил недвусмысленно заявил: «Россия — наш стратегический конкурент, раз уж мы являемся частью Запада... Можно с ней поддерживать торговые отношения, но полагаться на Россию как на партнера нельзя» [ODS...Jan Zahradil...].

Со своей стороны, руководитель партии, вице-спикер нижней палаты парламента Петр Фиала считает, что сотрудничество с Россией в будущем не исключено. Однако в качестве условия такого сотрудничества он назвал ослабление РФ вследствие жесткой линии стран Запада, который, по его мнению, ведет себя слишком нерешительно и непоследовательно. По мнению Фиалы, антироссийские санкции надо ужесточить, поскольку Западу приходится иметь дело с «авторитарным режимом, который понимает только силу». Он полагает, что у России нужно «вызвать чувство изоляции и униженного достоинства, поставить ее на колени и тем самым изменить ее поведение» [Petr Fiala...].

Более умеренным выглядит подход Христианско-демократического союза — Чехословацкой народной партии (ХДС–ЧНП). Партия с почти 6% голосов заняла на выборах 2017 г. седьмое место и довольствуется 10 депутатскими креслами. Основой внешней политики чешские консерваторы считают укрепление позиций страны в рамках Евросоюза и НАТО. В то же время они осознают важность диалога с Россией: «Важные проблемы могут иметь окончательное решение только вместе с такими глобальными игроками, как Россия, Китай и Индия... Мы выступаем за партнерство... с этими странами. Однако при этом мы должны помнить, что нельзя... забывать о соблюдении прав человека» [Základní...].

Последняя фраза является не единственной оговоркой, препятствующей, по мнению этой партии, развитию полноценных связей с Россией. В предвыборной программе чешских консерваторов прямо говорится, что их партия «поддерживает участие Чехии в усилении военного присутствия НАТО в Прибалтике» и требует «большей независимости от недемократических режимов» (РФ прямо при этом не упоминается) [Volební program KDU-ČSL...]. Лидер ХДС–ЧНП Павел Белобрадек заявил о безоговорочной поддержке санкций, правда, не требуя их ужесточения: «Я осуждаю аннексию Крыма... Санкции против России должны продолжаться до тех пор, пока не будут выполнены минские соглашения» [Pavel Bělobrádek...].

В программе занявшей девятое место либерально-консервативной партии «Старосты и независимые», набравшей чуть более 5% голосов и располагающей шестью депутатами, о России напрямую не пишется. В то же время там отмечается, что «основное внимание внешней политики Чехии должно быть обращено к Украине, Грузии, Армении, Молдавии и Балканам», и что «основой внешней политики будет особое внимание к соблюдению прав человека и демократических норм в мире». Параллельно партия хотела бы «использовать потенциал чешских производителей на традиционных рын-

ках», в том числе российском, «но с оглядкой на вопросы ценностей» [Program STAN 2017].

Руководитель партии Петр Газдик уверен, что отменять наложенные на Россию ограничения пока рано, а если какие-то чешские политики на этом настаивают, то они не иначе как подхватили «вирус гриппа». «Есть минские соглашения, где ясно установлено, что должна Россия (или обе стороны конфликта) сделать, чтобы санкции отменили. Я думаю, что ЕС и мы были бы идиотами, если бы отказались от санкций вопреки невыполнению минских соглашений» [Gazdík...].

Если судить по итогам выборов, то наиболее оголтелая антироссийская линия «ТОП 09», когда борьба с Россией отражена в важнейших партийных документах, пользуется не слишком большой поддержкой — порядка 5,5%. Однако если к этому приплюсовать голоса, отданные за гражданских демократов (причины голосования за которых необязательно связаны с Россией), то получится, что партии, не видящие возможности сотрудничества с Россией и прямо призывающие к ее ослаблению, набирают 17%. Более умеренные, но вполне однозначные критики России в лице христианских демократов и «Старост и независимых» располагают поддержкой 11% избирателей. Таким образом, примерно 28% чешских избирателей как минимум не против сохранения антироссийских санкций.

Подобные настроения, как и русофилия националистов, имеют исторические основания. Ряд чешских деятелей (Йозеф Добровский, Карел Гавличек-Боровский) прослыли критиками России еще в XIX в. Негативное отношение к России (как наследнице СССР) объясняется и событиями 1968 г., свидетелями которых были многие сегодняшние политики и часть их избирателей. Свою роль играет и антироссийская направленность ведущих чешских СМИ, и евроатлантическая солидарность, необходимость для Чехии выступать в качестве «ответственного члена Евросоюза и НАТО».

Партии с разными мнениями о России

В Чехии существуют партии, внутри которых наблюдается значительный разброс мнений относительно того, как надо выстраивать отношения с Россией. Так, сегодня у власти находится партия «Акция недовольных граждан» (по-чешски ANO), ставшая победителем прошлогодних выборов с почти 30% голосов и получившая 78 депутатских мест. В ее программе говорится: «Наивысшим приоритетом для нас остается обеспечение мира в Европе, включающее полное уважение международного права... Мы будем в рамках ЕС стремиться к подготовке новой стратегии отношений с Россией, с целью усилить архитектуру безопасности в Европе и сделать возможным развитие данных отношений» [Ted' nebo nikdy...].

Лидер партии, премьер-министр страны Андрей Бабиш высказывался о политике России достаточно критически. Он отмечал, что российская политика в отношении Украины в корне неправильна, и потому он «не ездит в Россию Владимира Путина» [K přátelům...]. Но при этом Бабиш полагает, что нынешняя политика санкционного дав-

ления на РФ также не является правильной: «Россия — агрессор. Она захватила Крым, ЕС ввел санкции. Санкции не заставили Россию уйти из Крыма. Теперь большой вопрос, что делать с ними дальше» [Ekonomické...].

Несмотря на критику российской политики, перед выборами президента страны, прошедшими в 2018 г., Бабиш призвал своих сторонников поддержать М. Земана, которого часто обвиняют в слишком больших симпатиях к РФ. В то же время он дал действующему главе государства совет больше смотреть на Запад и меньше говорить с Россией — при всей важности отношений с ней. «Он должен ясно сказать... что не хочет ориентировать нашу землю на Россию и Китай, и что он туда смотрит только ради наших фирм, которым нужно там делать бизнес» [Babiš doporučil...].

Бывший глава МИД и министр обороны Мартин Стропницкий говорил о России еще жестче. Он называл Россию угрозой безопасности Чехии и даже высказывал подозрение, что именно руководство РФ спровоцировало миграционный кризис 2015–2016 гг. в Европе [Stropnický]. По мнению Стропницкого, ограничительные меры Евросоюза в отношении России должны сохраняться и впредь. «Это общий политический жест... Санкции — не панацея, но мы должны продлить их действие» [Martin...].

Однако в рядах АНО имеются и совершенно иные мнения. Так, депутат парламента Станислав Берковец заявлял следующее: «Чешские предприниматели серьезно пострадали от санкций, а многие из них уже не способны вернуться на российский рынок. Отмена санкций — это вопрос здравого смысла... История показывает, что санкции — неэффективный механизм, потворствующий в большинстве случаев лишь развитию нелегальной торговли» [Чешский...]. Помимо прочего, Берковец отказался признать политику РФ агрессивной: «На мой взгляд, она носит оборонительный характер» [Stanislav...].

Некоторый разброс мнений по поводу России имеет место и внутри Социал-демократической партии — младшего партнера АНО по правящей коалиции. Она заручилась поддержкой 7% избирателей и располагает 15 депутатскими мандатами. Определенное противоречие заложено уже в ее программе. С одной стороны, к главным целям чешской внешней политики социал-демократы относят установление более тесного сотрудничества между ЕС и странами «Восточного партнерства». Вместе с тем в программе партии отмечается необходимость «поддерживать хорошие стратегические отношения с глобальными великими державами — США, Китаем и Россией» [Dobrá země...].

Бывший лидер партии, экс-глава МИД Чехии Любомир Заоралек однозначно высказывался за сохранение санкционных мер в отношении России, отмечая, что их «постепенная отмена должна быть обусловлена конкретными шагами по выполнению минских соглашений» [Sankce proti Rusku...]. А комментируя предложение президента Земана, чтобы РФ выплатила Украине компенсацию за Крым, заявил: «Это высказывание мне противно... Уважение границ — жизненно необходимая для государства вещь. То, что творится в Донбассе, где стоят тысячи российских военных, что-то нам, чехам,

напоминает» [Víte...]. (Имелись в виду отторжение от Чехословакии в пользу Германии Судетской области в 1938 г. и ввод войск Организации Варшавского договора в 1968 г.)

Особых симпатий в отношении России не высказывал и председатель Сената Чехии Милан Штех. Однако, в отличие от своего коллеги по Социал-демократической партии, он обратил внимание на то, что от антироссийских ограничительных мер существенно страдают чешские предприниматели. Штех отмечал, что за годы действия санкций прямые иностранные инвестиции в Россию не упали, а выросли, и РФ сумела обернуть ограничения себе на пользу: «И эти прямые инвестиции позволяют россиянам нарастить производственные мощности и заменить то, что раньше они ввозили, например, из Чехии» [Šéf Senátu Štěch...].

Нынешний руководитель социал-демократов, глава МИД Ян Гамачек высказывался о России обтекаемо: «Я бы не сказал, что Россия является непосредственной угрозой безопасности. Но некоторые ее шаги могут нести дестабилизацию некоторых государств... Россия отстаивает свои интересы, мы должны защищать свои» [Rusko není...]. В конечном счете, он договорился с премьером Бабишем о том, что Чехия в ближайшее время вообще не станет поднимать тему антироссийских мер, аргументируя это тем, что на сей счет и в Чехии, и в ЕС имеются разные точки зрения [Babiš promluvil...].

Единства мнений относительно России нет и внутри Пиратской партии, занявшей на выборах третье место с почти 11% голосов и получившей 22 депутатских кресла. В партийной программе «пиратов» о России не сказано ни слова. Между тем достоянием гласности стала интернет-переписка двух видных партийцев, в которой один оценил В.В. Путина и И.В. Сталина резко отрицательно, а второй — скорее положительно [Piráti. Volební...Piráti chtějí...].

Председатель партии Иван Бартош попытался прояснить ситуацию. С одной стороны, он осудил присоединение Крыма к России, с другой — высказался категорически против поставок оружия нынешним властям Украины. Затрагивая тему санкций, он отметил, что «они ничего не решают». Однако Бартош тут же оговорился: «Если другого варианта нет — мы их поддержим» [Předseda...].

В целом данные партии скорее принадлежат к критикам России. В то же время из уст представляющих их политиков не раз звучали сомнения в правильности избранного Евросоюзом курса на российском направлении. Потому можно назвать их «критиками с поправками». Примечательно, что именно такие политические силы пользуются наибольшей поддержкой чешских избирателей. По итогам выборов они получили 48% голосов. Вряд ли можно говорить, что голосование за эти партии связано именно с их подходом к России. Однако такая «критика с поправками» как минимум не отталкивает половину чехов.

Спор о России на президентских выборах

Чехия — парламентская республика. Как внутреннюю, так и внешнюю политику здесь определяет правительство, подотчетное парламенту. В то же время конституция ого-

варивает право президента представлять страну на международной арене [Ústava... Konserse...]. Чешский пример уникален тем, что президенты, имея весьма ограниченные полномочия, постоянно играли значимую роль и внутри страны, и на международной арене. Во многом это связано с тем, что высший государственный пост занимали яркие политики — Вацлав Гавел, Вацлав Клаус и Милош Земан. Поэтому к чешским президентским выборам (первый тур — 12–13 января 2018 г., второй — 26–27 января) было приковано немалое внимание. И тема России заняла в дебатах между основными кандидатами достаточно заметное место.

Переизбранный во втором туре на высший государственный пост Земан (набравший более 51% голосов) почти с самого момента введения Евросоюзом антироссийских санкций высказывался за их отмену, приводя самые разные доводы. «Доказательством того, что санкции ничего не решают, являются санкции Соединенных Штатов в отношении Кубы, которые продолжались десятки лет и ныне отменены» [Президент Чехии считает...], — отмечал он в обоснование своей позиции еще весной 2014 г. Впоследствии одной из главных причин, почему он выступает за отмену ограничительных мер, Земан называл падение товарооборота между РФ и Чехией. В частности, глава чешского государства подчеркивал, что ограничительные меры идут во вред сельскому хозяйству его страны [Sankce vůči Rusku škodí...].

В отличие от премьер-министров и глав МИД Чехии, М. Земан неоднократно приезжал в Россию. 9 мая 2015 г. он вошел в число всего трех руководителей государств ЕС, которые побывали в Москве на 70-летию Победы. Земан возложил цветы к Могиле неизвестного солдата, хотя на Параде Победы не присутствовал [Президент Чехии с ветеранами...]. В последующие годы глава чешского государства в день 9 мая посещал здание посольства России в Праге [Земан...]. Последний раз он посещал Россию 21 ноября 2017 г. Вместе с ним в Россию прибыли около 150 предпринимателей, подписавших контракты на сумму порядка 800 млн долл. [Zeman...]

Следует отметить, что чешский президент никогда не выступал в роли адвоката Украины в ее спорах с РФ. В частности, по поводу героизации руководителей ОУН-УПА он заявлял следующее: «Роман Шухевич прославился тем, что участвовал в 1941 г. в уничтожении 15 тысяч евреев Львова... Того же поля ягода — Степан Бандера... Национальные герои должны быть иного порядка», — убежден Земан [Rozhovor prezidenta...]. По его словам, украинский кризис можно разрешить с помощью выплаты Россией Украине компенсации за Крым, который он признает частью РФ [Президент Чехии предложил...Sobotka...].

Поддержку М. Земану во втором туре выборов выразил его предшественник — глава чешского государства в 2003–2013 гг. Вацлав Клаус. [Klaus...] Несмотря на то, что по многим вопросам между ними существуют расхождения (Клаус — политик более правого толка и более открытый евроскептик, нежели Земан), в вопросах отношений с Россией экс-президент Чехии Клаус выступает примерно с тех же позиций, что и его преемник.

По мнению бывшего главы государства, политика санкций в отношении РФ является «близорукой и глупой», а причины проблем Украины следует искать совсем не в России. «О конфликте Россия-Украина речь вообще не идет... Украина пережила трансформацию... куда менее успешно, чем другие страны Центральной и Восточной Европы... что подорвало стабильность Украины... Спусковым крючком конфликта стали действия США, ЕС и некоторых наших (чешских) политиков, которые ездили на Майдан» [Rozhovor Václava Klause...].

Клаус убежден, что современная Россия не несет никакой угрозы Чехии. «Россия действительно была для нас угрозой в период между окончанием Второй мировой войны и падением коммунизма. Но сегодня она не является для нас угрозой. Хотя бы только потому, что между нами лежит несколько государств, нельзя просто проехать через нашу границу на поезде, как это было раньше. Россия, в отличие от Европейского союза, не навязывает нам свои директивы, как именно мы должны изменить наше законодательство, наш правовой порядок». [Правительство...]

Соперником М. Земана во втором туре президентских выборов стал бывший глава Академии наук Иржи Драгош, заручившийся поддержкой 48,6% избирателей. Он выступал с позиций следования общему европейскому курсу и поддерживал антироссийские меры. «Захват Крыма Россией является нарушением основных международных норм... и санкции стали логичным следствием данной ситуации. Я не вижу причин, по которым эти санкции нужно отменить». По его мнению, в 1968 г. чехи сумели хорошо изучить «русский менталитет», и в силу этого они могут «предостеречь от наивности, которую демонстрируют в отношении России некоторые силы на Западе» [Nevidím...].

Перед вторым туром И. Драгош высказал мнение, что Россия может вмешаться в ход чешского голосования. «Речь идет об угрозе демократии в нашей стране» [Drahoš...]. Своему конкуренту резко ответил М. Земан. Он категорически исключил «российский след» в чешских выборах и сравнил Драгоша с проигравшей выборы в США Хиллари Клинтон, которая вину за поражение возлагала на Россию. «Я считаю оскорбительным, когда один из кандидатов заявляет, что... на граждан влияют иностранные спецслужбы... Он (Драгош) ведет себя как Хиллари Клинтон» [Aktivista...].

Результат голосования показал, что резко антироссийский подход Драгоша и его стремление обвинить Россию во вмешательстве в чешские выборы не принесли ему победу. Не помогла и попытка поиграть на исторических воспоминаниях о событиях 1968 г. Заявления же Земана о необходимости снятия антироссийских санкций, напротив, не стали для многих избирателей препятствием для того, чтобы отдать ему голоса. Не стала таковой и поддержка действующего президента со стороны В.Клауса, тоже критикующего политику ЕС в отношении РФ. В данном случае можно сделать вывод, что на радикальных антироссийских заявлениях стать президентом Чехии трудно. Драгош в этом смысле повторил судьбу отличающегося антироссийским настроем почетного председателя партии «ТОП 09» Карела Шварценберга, который в начале 2013 г. также уступил Земану в борьбе за кресло главы государства.

Преобладание умеренной критики «с поправками»

Вопрос о том, как надо выстраивать отношения с Россией, вызвал в ходе выборов 2017–2018 гг. жаркие споры среди чешских политиков. О себе заявили как круги, симпатизирующие России, так и последовательно антироссийские силы.

В то же время особенностью чешской политики стало наличие крупных политических сил (ANO, социал-демократы и «пираты»), внутри которых существуют разные мнения относительно подходов к России. Заявления премьер-министра А. Бабиша и руководителя «пиратов» И. Бартоша и вовсе полны противоречий. Однако данные партии скорее следует причислить к критикам России — пусть и с рядом оговорок.

Учитывая это, можно сказать, что в целом чешская политическая элита поддерживает антироссийские меры ЕС и за такие партии голосует большинство чехов. Вполне логично, что Чехия до сих пор остается в лагере государств, которые ратуют за сохранение санкций.

Объяснить такое положение вещей можно тем, что чехи видят в политике России то, что напоминает им о неприятных страницах их собственной истории. Действия РФ в Крыму они готовы сравнивать с отторжением от Чехословакии в пользу Третьего рейха в 1938 г. Судетской области. А если учесть, что Россия является правопреемницей СССР, на нее в глазах ряда чехов распространяется и ответственность за ввод войск Варшавского договора в Чехословакию 30 годами позже. Это ясно читалось в заявлениях экс-главы МИД Л. Заоралека и И. Драгоша. В определенном смысле выпады в адрес РФ можно считать продолжением линии, ставшей весьма заметной еще в XIX столетии, когда многие деятели чешского национального движения относились критически к Российской империи [См. подробнее: Трухачев].

Есть у чешской позиции в отношении антироссийских санкций и вполне современное объяснение. Страна является членом Евросоюза и НАТО, и ее политики стараются следовать принимаемым в этих организациях решениям. Собственно говоря, почти все поддерживающие санкции силы (в том числе и расколотые по данному вопросу) ставят во главу угла чешской политики необходимость выступать в качестве «ответственного члена ЕС и НАТО». Некоторым исключением здесь могут служить гражданские демократы и «пираты», заслужившие славу евроскептиков. Однако и они не высказывались против следования общим для ЕС и НАТО подходам в данном вопросе.

Все это не означает полного погружения Чехии в русофобию. Наиболее непримиримо настроенные к России силы не набирают поддержки и 20% голосующих. А при выборе между рьяно эксплуатировавшим антироссийскую линию И. Драгошем и относительно лояльным к России М. Земаном (которого поддерживал критик антироссийской линии В. Клаус) большинство склонилось в пользу второго. Так что призывы к снятию антироссийских санкций не оказались для большинства чехов чем-то совсем неприемлемым, даже если они и не поддерживают партии, прямо об этом говорящие.

Историческая основа имеется и у сторонников сближения (или, как минимум, неполного разрыва) с Россией. Среди чешских деятелей XIX — начала XX в. были не только противники России, но и русофилы. Между 1938 и 1968 г. был еще 1945 г., когда именно Красная армия освободила почти всю чешскую территорию от нацистов. Негатива в российско-чешских отношениях было не так много, чтобы сформировать картину устойчивого неприятия России в глазах большинства чехов.

Кроме исторических причин, есть у чехов вполне современные причины для развития отношений с РФ. Россия является основным поставщиком энергоносителей в Чехию и важным рынком сбыта чешских товаров. Сокращение товарооборота в 2013–2016 гг., уменьшение числа российских туристов не лучшим образом сказываются на чешской экономике. На этом фоне доводы М. Земана и сомнения в эффективности санкций А. Бабиша находят отклик у многих рядовых чехов.

В целом Чехии свойственно достаточно противоречивое и непоследовательное отношение к России. К числу тех, кто воспринимает РФ положительно, она не принадлежит, однако и к явным недоброжелателям России ее не причислишь. И решение действующего правительства не затрагивать публично тему антироссийских мер в условиях отсутствия внутри чешской элиты единого мнения на этот счет кажется вполне естественным. По всей вероятности, такая «серединная линия» продолжится и впредь. Чехия едва ли громко выступит за отмену антироссийских ограничений, но сопротивляться их частичному снятию не станет и, возможно, даже его поприветствует.

Литература

- Земан почтил память советских воинов-освободителей в посольстве РФ в Праге // Вести.Ру, 9 мая 2018. — URL: vesti.ru/doc.html?id=3015498 (дата обращения: 21.09.2018).
- Правительство должно уметь говорить «нет» в Евросоюзе // Вацлав Клаус, русский сайт, 7.6.2018. — URL: klaus.cz/clanky/4277 (дата обращения: 21.09.2018).
- Президент Чехии предложил России заплатить Украине за Крым // РИА Новости, 10.10.2017. — URL: ria.ru/world/20171010/1506569366.html (дата обращения: 21.09.2018).
- Президент Чехии с ветеранами прибыл в Москву на празднование Победы // ФАН, 8 мая 2015 — URL: riafan.ru/269895-prezident-chehii-s-veteranami-pribyil-v-moskvu-na-prazdnovanie-pobedy (дата обращения: 21.09.2018).
- Президент Чехии считает, что санкции против России не решат проблем // РИА Новости, 24.08.2016. — URL: ria.ru/world/20160824/1475174680.html (дата обращения: 21.09.2018).
- Российский черный список граждан Евросоюза // РИА Новости, 30.05.2015. — URL: ria.ru/spravka/20150530/1067345898.html (дата обращения: 21.09.2018).
- Трухачев В. Чехия как партнер России // Перспективы. 28.04.2014. — URL: perspektivy.info/oikumena/europe/chehija_kak_partner_rossii_2014-04-28.htm?bitrix_include_areas=Y&SECTION_CODE=europe&CODE=chehija_kak_partner_rossii_2014-04-28&clear_cache=Y (дата обращения: 21.09.2018).
- Чешский парламент собирает голоса против антироссийских санкций // Известия.ру, 30.10.2017. — URL: iz.ru/662643/dmitrii-laru/cheshskii-parlament-sobiraet-golosa-protiv-antirossiiskikh-sanktcii (дата обращения: 21.09.2018).

- Aktivistka podal trestní oznámení na Drahoše. Straší ruskou rozvědkou, říká // Liberec.iDNES.cz. 27. prosince 2017. — URL: liberec.idnes.cz/aktivista-trestni-oznameni-jiri-drahos-ruska-rozvedka-pgu-/liberec-zpravy.aspx?c=A171227_113109_liberec-zpravy_jape (date of access: 21.09.2018).
- Babiš doporučil Zemanovi, ať deklaruje, že nechce na východ // Deník.cz. 13.01.2018. — URL: denik.cz/z_domova/volba-2018-babis-doporucil-zemanovi-at-deklaruje-ze-nechce-na-vychod-20180113.html (date of access: 21.09.2018).
- Babiš promluvil: Sankce proti Rusku pro nás nejsou prioritou // Parlamentní listy. 13.09.2018. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Babis-promluvil-Sankce-proti-Rusku-pro-nas-nejsou-priorita-Takze-551326 (date of access: 21.09.2018).
- Dobrá země pro život. Volební program ČSSD pro volby 2017. — URL: cssd.cz/data/files/program-210x210-seda.pdf (date of access: 21.09.2018).
- Drahoš se obává, že Rusko ovlivňuje volby v Česku // Týden.cz. 01.12.2017. — URL: tyden.cz/rubriky/domaci/politika/drahos-se-obava-ze-rusko-ovlivnuje-volby-v-cesku_457045.html (date of access: 21.09.2018).
- Ekonomické sankce proti Rusku jsou k ničemu, tvrdí Andrej Babiš. Nepřinutily ho, aby Krym opustilo // iHNed.cz. 05.10.2017. — URL: archiv.ihned.cz/c1-65903840-ekonomicke-sankce-proti-rusku-jsou-k-nicemu-a-neucinne-rika-pravdepodobny-budouci-premier-andrej-babis (date of access: 21.09.2018).
- Gazdík: Mít chřipku není normální // Starostové a nezávislí. 06.12.2016. — URL: starostove-nezavisli.cz/info-a-media/vystupy-z-medii/gazdik-mit-chripku-neni-normalni (date of access: 21.09.2018).
- Jan Zahradil: ČSSD a TOP 09 mají společnou zahraniční politiku — pokrytectví // Občanská demokratická strana. 23.června 2015. — URL: ods.cz/clanek/9921-cssd-a-top-09-maji-spolecnou-zahranicni-politiku-pokrytectvi-na-ukrajine-vladne-oligarchie-ale-v-rusku-to-neni-lepsi (date of access: 21.09.2018).
- K přátelům Ruska nepatřím, ohradil se Babiš proti článku Washington Post // iDNES.cz. 28. října 2015. — URL: zpravy.idnes.cz/babis-clanek-washington-post-pritel-ruska-fin-/domaci.aspx?c=A151028_124601_domaci_hro (date of access: 21.09.2018).
- Klaus po prvním kole voleb podpořil Zemana // Novinky.Cz, 13.ledna 2018. — URL: novinky.cz/domaci/460420-klaus-po-prvnim-kole-voleb-podporil-zemana.html (date of access: 21.09.2018).
- Koncepce zahraniční politiky ČR // Ministerstvo zahraničních věcí ČR. 12.07.2015. — URL: mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/analyzy_a_koncepce/koncepce_zahranicni_politiky_cr.html (date of access: 21.09.2018).
- Martin Stropnický: Sankce proti Rusku nejsou všelék, ale mají pokračovat // Hlídací pes. 09.10.2017. — URL: hlidacipes.org/martin-stropnicky-sankce-rusku-nejsou-vselek-maji-pokracovat/ (date of access: 21.09.2018).
- Ministr Jiří Havlíček se v Jekatěrinburgu setkal s ministrem průmyslu a obchodu Ruské federace... // Ministerstvo průmyslu a obchodu. 12.7.2017. — URL: mpo.cz/cz/rozcestnik/pro-media/tiskove-zpravy/ministr-jiri-havlicek-se-v-jekaterinburgu-setkal-s-ministrem-prumyslu-a-obchodu-ruske-federace-denisem-manturovem-a-navstivil-veletrh-innoprom-230392/ (date of access: 21.09.2018).
- Nevidím důvod pro rušení sankcí proti Rusku, říká prezidentský kandidát Jiří Drahoš // e15.cz. 14. dubna 2017. — URL: zpravy.e15.cz/domaci/politika/nevidim-duvod-pro-ruseni-sankci-proti-rusku-rika-prezidentsky-kandidat-jiri-drahos-1331135 (date of access: 21.09.2018).

- ODS. Program 2017. Zahraniční věci a evropská politika // Občanská demokratická strana. — URL: ods.cz/volby2017/program/zahranicni-politika (date of access: 21.09.2018).
- Pavel Bělobrádek: Jsem zklamán, že prezident České republiky selhal v prosazování národních zájmů // Křesťanská demokratická strana — Česká strana lidová. 11.10.2017. — URL: kdu.cz/aktualne/zpravy/pavel-belobradek-jsem-zklamane-ze-prezident-ceske-r (date of access: 21.09.2018).
- Petr Fiala: Dnes přicházíme o bezpečnost, zítra to bude demokracie // Pravý břeh. 15.08.2016. — URL: pravymbreh.cz/petr-fiala-dnes-prichazime-o-bezpecnost-zitra-bude-demokracie (date of access: 21.09.2018).
- Piráti chtějí českého Putina (Stalina). Alespoň někteří // Trutnovske nazory. 07.10.2016. — URL: trutnovske.nazory.cz/2016/10/07/pirati-chteji-ceskeho-putina-stalina-alespon-nekteri/ (date of access: 21.09.2018).
- Piráti. Volební program černé na bílém // Pirátská strana. — URL: pirati.cz/assets/pdf/program_cerne_na_bilem.pdf (date of access: 21.09.2018).
- Politický program SPD // Svoboda a přímá demokracie. — URL: spd.cz/program (date of access: 21.09.2018).
- Program STAN 2017 // Starostové a nezávislí. — URL: starostove-nezavisli.cz/fmfile/0/files/volby17/STAN_program_17_final.pdf (date of access: 21.09.2018).
- Protiruské sankce jsou neefektivní. Evropské země na ruském trhu nahradily Spojené státy, říká Filip // iRozhlas.cz. 9. září 2017. — URL: irozhlas.cz/volby/protiruske-sankce-jsou-neefektivni-evropske-zeme-na-ruskem-trhu-nahradily_1709091200_ako (date of access: 21.09.2018).
- Předseda Pirátů Bartoš: Nejsme vítáči migrantů a jít do vlády se nebojíme // Novinky.cz 10. října 2017. — URL: novinky.cz/domaci/451459-predseda-piratu-bartos-nejsme-vitaci-migrantu-a-jit-do-vlady-se-nebojime.html (date of access: 21.09.2018).
- Rozhovor prezidenta republiky pro Parlamentní listy // Pražský hrad. 08.03.2015. — URL: hrad.cz/cs/prezident-cr/soucasny-prezident-cr-milos-zeman/vybrane-projevy-a-rozhovory/709.shtml (date of access: 21.09.2018).
- Rozhovor Václava Klause pro sobotní Právo o Rusku, Ukrajině, islamismu, imigraci a o české ekonomice // Václav Klaus — osobní stránka, 2. 2. 2015. — URL: klaus.cz/clanky/4277 (date of access: 21.09.2018).
- Rusko není bezpečnostní hrozba, zklamal Hamáček Tvarůžkovou. A pak navíc utnul lamentace na Poláky a Maďary // Parlamentní listy. 11.07.2017. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Rusko-neni-bezpecnostni-hrozba-zklamal-Hamacek-Tvaruzkovou-A-pak-navic-utnul-lamentace-na-Polaky-a-Madary-495689 (date of access: 21.09.2018).
- Sankce proti Rusku mají pokračovat nejméně do konce ledna 2017 // Hlídací pes. 24. června 2016. — URL: hlidacipes.org/sankce-proti-rusku-maji-pokracovat-nejmene-do-konce-ledna-2017/ (date of access: 21.09.2018).
- Sankce vůči Rusku byly od počátku naprostá hloupost // Tomio Okamura — osobní stránka. 22.07.2016. — URL: tomio.cz/aktuality/sankce-vuci-rusku-byly-od-pocatku-naprosta-hloupost/ (date of access: 21.09.2018).
- Sankce vůči Rusku škodí našemu zemědělství, vyzval opět Zeman k jejich zrušení // Novinky.cz. 25. srpna 2016. — URL: novinky.cz/domaci/412851-sankce-vuci-rusku-skodi-nasemu-zemedelstvi-vyzval-opet-zeman-k-jejich-zruseni.html (date of access: 21.09.2018).
- Schwarzenberg: Babiš se ohledně sankcí vybarvil do červena // TOP09. 09.10.2017 — URL: top09.cz/co-delame/komentare/schwarzenberg-babis-se-ohledne-sankci-vybarvil-do-cervena-23275.html (date of access: 21.09.2018).

- Sobotka: Zeman neměl mandát vlády, slova o Krymu odporují politice ČR // Novinky.cz. 10. října 2017. — URL: novinky.cz/domaci/451490-sobotka-zeman-nemel-mandat-vlady-slova-o-krymu-odporuji-politice-cr.html (date of access: 21.09.2018).
- Stanislav Berkovec (ANO): Ruska se bát nemusíme... // Vlastenecké noviny. 05.06.2016. — URL: vlasteneckenoviny.cz/?p=166619 (date of access: 21.09.2018).
- Stropnický: Mám informaci, že Rusko na Balkáně podporuje migraci do EU // iDNes.cz. 10. října 2015. — URL: zpravy.idnes.cz/rozhovor-s-ministrem-obrany-stropnickym-v-mf-dnes-fwr-/domaci.aspx?c=A151010_094343_domaci_bur (date of access: 21.09.2018).
- Šéf Senátu Štěch: Sankce proti Rusku jsou pokrytecké // Parlamentní listy, 28.03.2017. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Sef-Senatu-Stech-Sankce-proti-Rusku-jsou-pokrytecke-481406 (date of access: 21.09.2018).
- Ted' nebo nikdy. Volební program ANO // ANO. Politické hnutí. — URL: anobudelip.cz/cs/volby/program/ (date of access: 21.09.2018).
- TOP09. Bezpečí a zahraniční politika // TOP09. — URL: top09.cz/proc-nas-volit/volebni-program/volebni-program-2017/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-22528.html (date of access: 21.09.2018).
- Ústava České republiky // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. — URL: psp.cz/docs/laws/constitution.html (date of access: 21.09.2018).
- Víte, proč Andrej Babiš vymyslel kauzu lithium? Protože nechce, aby se mluvilo o jeho kauzách // Právo. 14. října 2017.
- Volební program KDU-ČSL pro sněmovní volby v roce 2017 // Křesťanská demokratická strana — Česká strana lidová. — URL: kdu.cz/getattachment/f3c301fb-b96a-4915-87e4-6ad5713164a3/Volebni-program-2017-2021.aspx (date of access: 21.09.2018).
- Volební program KSČM pro volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky 2017 // Komunistická strana Čech a Moravy. — URL: kscm.cz/sites/default/files/soubory/Program%20KS%C4%8CM/volebni_program_kscm_pro_volby_do_ps_pcr_2017.pdf (date of access: 21.09.2018).
- Vývoj obchodní výměny mezi ČR a RF // Ministerstvo zahraničních věcí ČR. — URL: mzv.cz/jnp/cz/encyklopedie_statu/evropa/rusko/ekonomika/ekonomicka_charakteristika_zeme.html (date of access: 21.09.2018).
- Zahraníční obchod v roce 2015 a 2016 // Český statistický úřad. — URL: czso.cz/documents/10180/45964044/241015-1703.pdf/b6572b91-21b2-4880-b23b-121ab4b5b8ea?version=1.0 (date of access: 21.09.2018).
- Zahraníční politika SPD // Svoboda a přímá demokracie. — URL: spd.cz/uploads/stranky/1/dokumenty/zahranicni-politika.pdf (date of access: 21.09.2018).
- Základní směr politiky KDU-ČSL pro období 2017–2019 // Křesťanská demokratická strana — Česká strana lidová. — URL: kdu.cz/getattachment/O-nas/Dokumenty/Volebni-programy/Zakladni-smer-politiky-KDU-CSL-pro-obdobi-2017-2019.pdf.aspx (date of access: 21.09.2018).
- Zeman letí do Ruska, veze Vitáskovou i Zbytku. S Putinem se setká na dače v Soči // iRozhlas.cz. 20. listopadu 2017. — URL: irozhlas.cz/zpravy-domov/prezident-milos-zeman-cesta-do-ruska-vladimir-putin-alena-vitaskova-ppf-zbytek_1711201015_haf (date of access: 21.09.2018).

DOI 10.32726/2411-3417-2018-3-114-133

УДК 94

Антон КРУТИКОВ

С.Д. Сазонов и польский вопрос в Российской империи в годы Первой мировой войны

Аннотация. В период Первой мировой войны актуальность польского вопроса определялась самим ходом военных действий. Глава российского МИД С.Д. Сазонов предложил программу реформ в Царстве Польском, направленных на восстановление его конституционного статуса и автономии. Проекты С.Д. Сазонова обсуждались в российском Совете министров, но отсутствие единства взглядов среди министров и нежелание обсуждать польскую тему в период войны привели к отказу от проведения реформ. Отклонение проекта Сазонова и его отставка с поста главы МИД означали утрату надежды на примирение двух славянских народов в конце Первой мировой войны.

Ключевые слова: С.Д. Сазонов, российская дипломатия, польский вопрос, российско-польские отношения, Царство Польское, Российская империя, Первая мировая война.

Сергей Дмитриевич Сазонов относится к числу самых известных российских дипломатов начала XX столетия. Без его участия не обходилось решение ни одного из важнейших вопросов российской внешней политики 1910–1916 гг. Возглавив Министерство иностранных дел России в ноябре 1910 г., после драматичных событий Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и отставки своего предшественника А.П. Извольского, Сазонов очень быстро стал одной из наиболее ярких фигур в российском правительстве.

У современников и историков С.Д. Сазонов заслужил славу одного из творцов Антанты, а выбранный им курс на сближение с Великобританией и Францией способствовал укреплению и окончательному оформлению «Тройственного соглашения». В то же время отказ от «политики балансирования» и твердый курс на поддержку новых союзников не могли не вызвать ухудшения российско-германских отношений. Заметное влияние на императора Николая II и ключевая роль, которую сыграл С.Д. Сазонов в событиях июля 1914 г., заставляли многих связывать с его именем и само вступление России в мировой конфликт.

Не удивительно, что отношение современников к личности С.Д. Сазонова и результатам его деятельности было противоречивым. Еще накануне мирового конфликта «либерализм» Сазонова способствовал появлению в Совете министров большого числа его недоброжелателей. После 1914 г., когда в сферу деятельности главы МИД стали

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь» (Минск, Белоруссия); bialyorzel1000@gmail.com.

попадать вопросы не только внешней, но и внутренней политики, это число значительно увеличилось.

Российские правые круги в Государственной Думе и Государственном Совете накануне войны всячески противились ухудшению отношений с Германией, которая представлялась им оплотом стабильности и европейского консерватизма. Российский министр иностранных дел и официальная внешнеполитическая ориентация на Францию и Великобританию часто становились мишенью для критики.

Многие считали Сазонова несамостоятельной фигурой. Довольно распространенной была точка зрения, что его карьерный взлет объясняется родственными связями с премьером П.А. Столыпиным, а выбранный им курс — «единомыслием в восточной политике с Извольским и великим князем Николаем Николаевичем» [Сухомлинов, с. 301]. Другие, критикуя Сазонова за его увлечение «западной культурой», открыто называли его «англоманом» и едва ли не «британским агентом» в Санкт-Петербурге.

Образную характеристику главы МИД оставил помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов, по долгу службы принимавший участие во всех заседаниях правительства с мая 1914 г. По его словам, «министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов, культурный, широко образованный, элегантный, безукоризненно одетый, заботившийся о своей внешности, изъяснявшийся по-русски с неуловимым налетом привычки предпочтительно пользоваться иностранными языками, мог быть отнесен, по духовному его складу, к тому разряду российских граждан, которых именовали «русскими европейцами» [Яхонтов, Первый год войны... с. 70].

В какой мере С.Д. Сазонова можно отнести к либеральному крылу российской правящей бюрократии? насколько значимым был его вклад в реализацию российской внешней и внутренней политики в годы Первой мировой войны? Чтобы разобраться в этом, обратимся к позиции Сергея Дмитриевича по польскому вопросу и тем проектам государственного переустройства Польши, которые он разрабатывал и пытался реализовать в 1914–1916 гг. Это тем более существенно, что отставка Сазонова в июле 1916 г. с поста главы МИД была вызвана в первую очередь его разногласиями по польской проблеме с другими членами Совета министров.

«Польское дело» накануне войны

Факты биографии С.Д. Сазонова позволяют утверждать, что его интерес к польской проблеме возник задолго до начала Первой мировой войны. Этому способствовала его работа в качестве секретаря русской миссии в Ватикане, где Сергей Дмитриевич провел 10 лет, с 1894 по 1904 г. Уже тогда наличие у России многомиллионного католического населения рассматривалось не только с точки зрения духовных вопросов и работы Департамента иностранных исповеданий. Судьба польских подданных империи выступала в роли серьезного фактора, определявшего ее взаимоотношения с западными соседями. Со времен второго польского восстания и знаменитой речи императора Александра II, призвавшего поляков «оставить мечтания» о возрождении собственной

независимости, польская тема не переставала интересовать правительства других великих держав.

Со своей стороны, поляки, наученные горьким опытом неудачных мятежей, с конца XIX столетия выбрали путь «органической работы» и сотрудничества с российскими властями в надежде на постепенное повышение статуса Царства Польского в составе Российской империи. Это обстоятельство позволяло многим российским политикам надеяться на возможность нормализовать отношения между русским и польским народами.

К началу Первой мировой войны С.Д. Сазонов имел уже сформировавшееся мнение по польскому вопросу. Он был убежденным противником включения земель Царства Польского в состав Российской империи. В своих воспоминаниях, опубликованных в Берлине в 1927 г., Сазонов дал развернутую оценку всей предыдущей русской политике в Царстве Польском со времен Александра I до Николая II.

Присоединение Польши к России, по его словам, было, «по существу, дело несправедливое, а с русской точки зрения, оно было непростительно». «Не трудно было предвидеть, — отмечал Сазонов, — что польский народ, как бы благожелательно к нему ни относилась русская власть, никогда с ней не примирится. Между Россией и Польшей лежало, как зияющая пропасть, три века почти непрерывной войны, в которой Польша часто играла роль нападавшей стороны и нередко бывала победительницей. Между русскими и поляками было пролито слишком много братской крови, чтобы их примирение могло состояться иначе, как на началах высшей справедливости и полного признания взаимных исторических прав» [Сазонов, с. 369].

Сазонов был убежден, что со времен завоеваний Екатерины II Россия получила прекрасную западную границу, основанную на этнографическом принципе, а необдуманные шаги Александра I нарушили этот баланс. Присоединение территорий с совершенно чуждым по культуре населением и еще не угасшим национальным самосознанием он считал стратегической ошибкой, дорого стоившей России в XIX в.

По словам Сазонова, «После Венского конгресса началось для России тревожное столетие, полное не прекращавшихся между ней и поляками недоразумений, споров, взаимных обвинений и острой вражды, принявшей вскоре форму вооруженных восстаний, которая отличалась с обеих сторон одинаковым ожесточением и едва не втянула Россию в международные осложнения. После подавления последнего из этих дорого нам стоивших восстаний наступила пора затишья. Будучи разумно использовано, это время могло бы дать благоприятные результаты для улучшения взаимных отношений русского и польского народов» [Сазонов, с. 372].

Отдельно министр останавливался на судьбе пограничных территорий Малой и Белой Руси, которые не раз становились предметом спора между русскими и поляками. Не подвергая никакому сомнению принадлежность России губерний Западного и Юго-западного края, Сазонов выражал сожаление, что на протяжении десятилетий они

управлялись на тех же основаниях, что и польские губернии, без всякого уважения к местным особенностям и историческим традициям. Опора русского правительства на «польский консервативный элемент» в крае, вошедшая в привычку на протяжении первой половины XIX в., никак не отвечала задачам по восстановлению здесь Россией своих национальных исторических прав.

С точки зрения русских национальных интересов, отмечал дипломат, «было бы безрассудно и преступно подвергать Белоруссию и Украину, более древние русские земли, чем их колония — Восточная Русь или Великороссия, риску ополячения» [Сазонов, с. 375].

Особую критику Сазонова вызывала политика «дружественных внушений» со стороны берлинского двора, который, используя родственные связи с петербургской династией, не упускал возможности помешать любым попыткам примирения русских и поляков. Такая политика, проводимая со времен Бисмарка (много сделавшего на этом поприще в роли прусского посланника в Санкт-Петербурге), дожила до начала XX столетия и по-прежнему являлась руководством к действию для значительной части российской бюрократии.

«Приходится признать, — отмечал министр, — что наша польская политика обуславливалась не одними воспоминаниями о былом соперничестве между Россией и Польшей, оставившем глубокий след на их взаимных отношениях, ни даже горьким опытом польских мятежей, а в значительной мере берлинскими влияниями, которые проявлялись под видом бескорыстных родственных советов и предостережений каждый раз, как германское правительство обнаруживало в Петербурге малейший уклон в сторону примирения с Польшей» [Сазонов, с. 374].

Позднее, словно в подтверждение этих слов С.Д. Сазонова, Варшавский архиепископ и примас Польши Александр Каковский в беседе с протопресвитером российской армии и флота Георгием Шавельским, перечисляя немецкие фамилии, представленные в администрации края, с горечью констатировал: «Русская власть точно нарочно бьет по самолюбию поляков» [Шавельский, Т.1, с. 216]. кадровый состав администрации Варшавского генерал-губернаторства (составленный сплошь из прибалтийских немцев) никак не отвечал духу «русификации края». на фоне приближающегося конфликта с Германией вывод С.Д. Сазонова выглядел более чем актуально.

Признавая невозможность управлять Царством Польским одними лишь административными методами, Сазонов настаивал на важности социально-экономического фактора в развитии этой западной окраины Российской империи. По его мнению, в будущем российское правительство неминуемо должно было пойти на либерализацию режима в Царстве и провести реформы хотя бы в области местного самоуправления.

Накануне Первой мировой войны вокруг С.Д. Сазонова в российском МИД сложился круг единомышленников, которые признавали необходимость проведения в Польше политических реформ и восстановления ее автономного статуса. К их числу следует

отнести барона Б.Э. Нольде и князя Г.Н. Трубецкого. к ним примыкал государственный секретарь С.Е. Крыжановский, соратник П.А. Столыпина, принимавший самое деятельное участие в разработке законопроекта о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского в 1912 г.

Законопроект о Холмщине, имевший широкий общественный резонанс, был, безусловно, важнейшим актом в развитии «польского дела» в предвоенные годы. Он находился целиком в русле политики премьера П.А. Столыпина по национальному размежеванию на западных окраинах Российской империи и восстановлению прежде утраченных русским народом позиций в рамках концепции «Великой России».

Закон, рассмотренный обеими российскими законодательными палатами уже после смерти П. А. Столыпина, получил высочайшее утверждение 23 июня 1912 г. Он означал выделение из состава Царства Польского особой Холмской губернии, изъятой из ведения Варшавского генерал-губернатора и напрямую подчиненной российскому министру внутренних дел.

Это событие, по словам государственного секретаря, имело очень важный подтекст: «По официально никогда не высказанной мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей на случай дарования Царству Польскому автономии» [Столыпин, с. 20].

Намерение П.А. Столыпина «отделить» Царство Польское не нашло отражения в официальных документах, но было зафиксировано в воспоминаниях близких к нему людей. По словам сына П.А. Столыпина, согласно замыслу его отца, «к Польше должны были быть прирезаны, взамен отторгнутых от нее частей Холмщины, некоторые части Гродненской губернии, населенные поляками. Речь шла о части Вельского и Белостокского уездов. Таким образом была бы достигнута основная цель размежевания». На 1920 г., свидетельствовал А.П. Столыпин, намечалось даже полное отделение Польши от России [Там же].

Учитывая ту роль, которую сыграл премьер в назначении нового главы МИД, можно предполагать значительное сходство их взглядов по польскому вопросу.

Таким образом, видные представители царской бюрократии, включая руководителя Министерства иностранных дел, видели в изменении статуса Царства Польского путь к примирению с поляками и готовили для этого почву. Первые пробные шаги были сделаны незадолго до начала мировой войны.

В 1913 г. в Берлине начальник Ближневосточного департамента Министерства иностранных дел князь Г.Н. Трубецкой опубликовал памфлет «*Russland als Grossmacht*». В этой работе автор подвергал критике разделы Речи Посполитой и приходил к революционному (для представителя российской бюрократии) выводу. Полякам, по его мнению, необходимо было предоставить те же права, какими они пользовались в то время в Австро-Венгерской монархии в Галиции, то есть политическую автономию [Ве-

чоркевич, с. 145]. Как отмечает современный исследователь С.В. Позняк, «такая постановка вопроса была возможной если не с благословения, то с молчаливого согласия руководителя Министерства иностранных дел С.Д. Сазонова» [Позняк, с. 159].

В начале 1914 г. позиции С.Д. Сазонова значительно укрепились после отставки премьер-министра В.Н. Коковцева, который, по мнению императора Николая II, проявлял слишком большую самостоятельность суждений по вопросам внешней политики.

Глава российского МИД обратился к царю со специальным докладом, тема которого формально не относилась к компетенции руководителя внешнеполитического ведомства. Говоря о Царстве Польском, министр призвал Николая II во имя «великодержавных задач» России пойти навстречу «разумным пожеланиям польского общества в области самоуправления, языка, школы и церкви» [История внешней политики... с. 296]. По его убеждению, польский вопрос уже давно требовал разрешения на законодательном уровне и соответствующего оформления в виде императорского манифеста.

МИД и воззвание Великого князя

Актуальность подобного подхода обнаружилась в 1914 г., с началом Первой мировой войны, когда польский вопрос вновь превратился в один из важнейших вопросов европейской политики. Воюющие державы, оказавшиеся по разные стороны фронта, не могли не учитывать политические устремления поляков, когда разрабатывали свои планы послевоенного переустройства Европы. Изменения, которые могли произойти на европейской карте, теперь были связаны не столько с политикой аннексий и захватов, сколько с ростом национального самосознания и повышением роли национального фактора в политике великих держав. Новые, небывалые масштабы конфликта, в котором с каждой из сторон теперь действовал «вооруженный народ», заставляли правительства воюющих стран идти на пересмотр позиций по многим национальным проблемам, одной из которых был польский вопрос.

Для Центральных держав географическое положение Польши с самого начала войны делало ее территорию главным театром военных действий на востоке. Для России же наличие «Варшавского выступа» выдвигало на первый план необходимость обороны этого наиболее уязвимого участка фронта, а также обеспечение лояльности польского населения в тылу. Эти обстоятельства повышали заинтересованность воюющих держав в привлечении симпатий поляков на свою сторону. Немаловажное значение имел и тот факт, что значительное число поляков служили как в российской армии, так и в армиях Германии и Австро-Венгрии.

Именно поэтому С. Д. Сазонову пришлось столкнуться с необходимостью разрешения польской проблемы уже в первые недели войны. Российский МИД становился одним из важных центров разработки решений польского вопроса, который приобретал международное значение, постепенно выходя за рамки российской внутренней политики.

Другим центром формирования польской политики империи стала Ставка Верховного главнокомандующего и ее дипломатическая канцелярия.

Именно Ставка предприняла первые практические шаги по разрешению польского вопроса. 1 августа 1914 г. Верховный главнокомандующий русской армии Великий князь Николай Николаевич обратился с воззванием «К полякам», фактически пообещав восстановление автономного статуса Царства Польского:

«Поляки, пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения ее с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия: такого же уважения к правам тех национальностей, с которыми связала вас история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет к вам великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде» [Лемке, с. 22].

Современники приписывали авторство текста лично С.Д. Сазонову, а также его сотрудникам по Министерству иностранных дел барону Б.Э. Нольде и князю Г.Н. Трубецкому. Впрочем, существовали и другие версии авторства этого документа. Так, Зинаида Гиппиус утверждала, что воззвание Великому князю «писали и редактировали» П.Б. Струве и Г.Е. Львов [Гиппиус, с. 27]. А современный исследователь А.Ю. Бахтурина указывает в числе авторов генерала Н.Н. Янушкевича и военного министра В.А. Сухомлинова [Бахтурина, Воззвание к полякам... с. 134].

За этим воззванием последовали ни к чему не обязывающие заявления немецких и австро-венгерских властей о том, что одной из целей войны является освобождение поляков из-под «чуждого господства».

Воззвание встретило в основном благожелательные отзывы среди польского населения. Самые разные политические силы, от национальных демократов до консерваторов, были склонны безоговорочно поддержать вооруженную борьбу против «германизма», в которую вступала Россия. Высшие слои польского общества, особенно аристократия, демонстрировали полную лояльность по отношению к русскому правительству. Такие настроения преобладали среди различных социальных групп и стали частью общего патриотического подъема в первые недели войны. Перемены в польском общественном сознании не остались незамеченными как представителями власти, так и в кругах интеллигенции.

Под впечатлением от воззвания Великого князя известный историк и филолог-славист А. Н. Погодин в предисловии к своей «Истории польского народа в XIX веке» отмечал: «Эти строки я пишу во время войны, на знамени которой написаны великие слова об объединении и освобождении народов» [Погодин, с. 2].

А поэт Валерий Брюсов, прибывший в польскую столицу в августе 1914 г. в качестве военного корреспондента «Русских ведомостей», написал стихотворение «В Варшаве», посвященное известному политику и стороннику русско-польского сближения А.Р. Ледницкому. Казалось, давняя мечта С. Д. Сазонова о «примирении» двух славянских народов была как никогда близка к реализации.

Воззвание Великого князя имело настолько значительный международный резонанс, что министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей прочел его на заседании британского парламента. Это обстоятельство было с восторгом встречено польской общественностью. Варшавская «Nowa Gazeta» поспешила уведомить своих читателей, что теперь польский вопрос есть вопрос международный [Война и Польша... с. 25].

Российская администрация в Царстве Польском, впрочем, далеко не разделяла подобную точку зрения. В августе-сентябре 1914 г. в Варшавском генерал-губернаторстве произошло несколько эпизодов, которые свидетельствовали о том, что преодолеть негативные стереотипы в восприятии друг друга двум народам до конца все же не удалось.

Так, исполняющий обязанности Варшавского генерал-губернатора Антоний фон Эссен в августе 1914 г. отказался принимать депутацию жителей Варшавы, которые хотели поблагодарить его за воззвание Великого князя в обращении на польском языке. А попечитель Варшавского учебного округа Г.В. Левицкий ввел своим циркуляром дополнительные ограничения на преподавание поляками гуманитарных дисциплин в частных учебных заведениях даже и на русском языке. По данному поводу Член Государственного совета по выборам от Царства Польского граф С.И. Велепольский был вынужден обратиться лично к премьеру И.Л. Горемыкину, причем вопрос дважды обсуждался на заседании Совета министров. Только благодаря настойчивости российского премьера циркуляр был отменен [Позняк, с. 159].

Когда в Ставку начали поступать проекты формирования в составе русской армии особого «польского войска», это тоже поначалу не вызвало у российских военных большого энтузиазма. Со стороны командования высказывались опасения, что организация польского войска может создать у поляков иллюзию, что «при определении будущего устройства Польши уже предreshен вопрос о предоставлении ей права содержать независимую польскую армию».

Российский МИД во главе с С.Д. Сазоновым не остался в стороне от проблемы создания польских военных частей. В сентябре 1914 г. представитель МИД при Ставке Н. Кудашев рассматривал совместно с военными вопрос об организации польского ополчения. Кроме того, сам Сазонов обсуждал данный вопрос со старшим секретарем дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего Н.А. Базили.

В итоге национальные польские формирования в русской армии были созданы лишь в конце 1914 г. Российские власти поддержали инициативу польского дворянина Витольда Остои-Горчиньского по созданию в Люблине и Пулавах (Новой Александрии) двух первых польских легионов [Копылов, с. 5].

Очень скоро обнаружилось существенные разногласия между Ставкой и Министерством иностранных дел по вопросу о дальнейшей судьбе Польши. Военное командование в своих отношениях с поляками опиралось на воззвание Великого князя, которое предусматривало решение польского вопроса только после войны. МИД же испытывал определенное давление со стороны союзников и, не желая вовлекать в рассмотрение этой проблемы Великобританию и Францию, был вынужден предпринимать превентивные меры для решения «национального вопроса», под которым и в Париже, и в Лондоне понимали одновременно польскую, еврейскую и финляндскую проблемы [Колмагоров, с. 214; Копылов, с. 4].

14 сентября 1914 г. глава российского МИД С.Д. Сазонов принял участие в совещании в Петрограде, где присутствовали британский посол Дж. Бьюкенен и французский посол М. Палеолог. помимо выяснения позиций сторон, шло обсуждение плана включения в состав «восстановленной в рамках Российской империи Польши» территорий Восточной и Западной Галиции, нижнего течения Немана, а также земель Познани и Силезии. Планы России были достаточно умеренными и серьезных возражений союзников не встретили, однако никаких конкретных решений на данном совещании принято не было. Дж. Бьюкенен сослался на то, что он не уполномочен подписывать столь важные документы.

В конце сентября 1914 г. британское Министерство иностранных дел в телеграмме, направленной Дж. Бьюкенену, сообщало, что «Лондон надеется на действия России в соответствии с возванием Николая Николаевича». Тогда же С.Д. Сазонов получил от английского посла наброски плана послевоенного устройства Европы. В отношении польского вопроса было отмечено, что Россия получит обещанные ей польские провинции Австрии и Пруссии, если на эти территории будет распространяться манифест Великого князя.

О том же говорилось в сообщении российского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа. Великобритания «безоговорочно уступала» России польские провинции, принадлежавшие Австрии и Пруссии, но при условии, что Россия будет руководствоваться по отношению к ним возванием Верховного главнокомандующего. Англия, по убеждению посла, была намерена употребить «всю силу своего влияния в пользу широкого исправления европейской карты на этнографической основе», чего можно было достигнуть, по мнению ее руководителей, главным образом за счет Габсбургской монархии [История внешней политики... с. 314].

Российские правящие круги до конца 1914 г. предпочитали сохранять осторожность и, учитывая затянувшийся характер войны, не спешили давать новые обещания как союзникам, так и своим польским подданным.

Великое отступление

Серьезные перемены произошли весной-летом 1915 г., когда начавшееся австро-германское наступление свело на нет успехи русских войск первых месяцев войны. Отсту-

пая, русская армия была вынуждена очистить левый берег Вислы, потеряв здесь важнейшие крепости Новогеоргиевск и Ивангород, оставить Галицию, территорию Царства Польского и часть Литвы. Затем русские войска покинули и Западную Белоруссию. Из Царства и прифронтовых губерний России на восток устремился огромный поток беженцев, что усложнило и без того непростую социальную обстановку в центральных российских губерниях. В этих условиях проблема обеспечения лояльности польской части населения вновь стала очень актуальной.

Выступая на заседании Совета министров 16 июля 1915 г., военный министр генерал А.А. Поливанов заявил: «Отечество в опасности». Министры были склонны возложить на Ставку значительную часть ответственности за те хаос и неразбериху, в которые погружалась прифронтовая полоса России. Министр юстиции А.А. Хвостов задавался вопросом: «А что творится с эвакуацией очищаемых нами местностей? Ни плана, ни согласованности действий. Все делается случайно, наспех, бессистемно. Сплошь и рядом учреждения получают приказ об отъезде чуть ли не за несколько часов до очищения города войсками. [...] Архивы, имущество бросаются на произвол судьбы. [...] Губернаторы узнают об избрании их района для данного учреждения лишь в момент прибытия поездов с чиновниками и грузами» [Яхонтов, Тяжелые дни... с. 14].

Не понимал министр и того, каким образом к компетенции Ставки стали относиться вопросы национального характера: «А как отнестись к таким, например, действиям, как разрешение формировать различные польские легионы, латышские батальоны, армянские дружины? Подобные формирования выходят за пределы узковоенных интересов, в корне затрагивая вопросы общегосударственной политики. Ведь этот шаг есть в существе ничто иное как установление принципа образования национальных войск. Разве допустимо, чтобы такая мера принималась без согласия Совета Министров» [Там же].

Было очевидно, что правительство не желало больше мириться с расширением полномочий Ставки и фактическим двоевластием в западных прифронтовых областях. По словам занимавшего должность министра торговли и промышленности князя В.Н. Шаховского, «обуздание своеволия» военных начальников теперь стало особенно важным.

С.Д. Сазонов не мог не учитывать эти обстоятельства. Пошатнувшиеся позиции Ставки вновь выводили МИД на первый план в деле разработки польской политики империи.

В 1915 г. глава МИД принял твердое решение провести в Польше необходимые преобразования, которые уже не рассматривались бы польским обществом (равно как и противниками России) только как пустые обещания. В своих воспоминаниях Сазонов отмечал: «Разочарование и тревога поляков после очищения нами Царства Польского и занятия немцами Варшавы достигли крайней степени. Многие из них изверились в нашей способности защитить их от натиска германцев и даже в нашем желании сделать что-либо, чтобы вознаградить их за подъем духа, с которым они стали под наши

знамена для общей борьбы против немцев и за те тяжелые нравственные и материальные жертвы, которые выпали на долю Польши с первых же дней войны. Я не сомневался, что германское и австро-венгерское правительства используют это положение в ущерб России путем лживых обещаний, на самом же деле для более или менее скрытого присоединения польских земель, лежавших по ту сторону их границ» [Сазонов, с. 381].

Воля российского монарха в польском вопросе, по словам министра, теперь должна была стать определяющей. Времени для его разрешения оставалось все меньше: «Надо было во что бы то ни стало, раньше, чем центральные державы успели, под видом призрачного восстановления Польши, приступить к ее окончательному расчленению, чтобы Россия объявила голосом своего Государя, как она понимала национальное возрождение польского народа. Надо было не довольствоваться на этот раз изложением одних общих принципов этого возрождения, вроде объединения раздробленного тела Польши, свободы ее религиозной жизни и развития национальной культуры, но обеспечить ее возврат к политическому существованию, дав ей для начала государственное устройство, основанное на полном внутреннем самоуправлении» [Сазонов, с. 382].

С.Д. Сазонов был глубоко убежден в том, что, пытаясь добиться проведения реформ в Польше, он действует и в русских национальных интересах. При этом преобразования должны были осуществиться «на благо русского и польского народа и всего славянства» и только «по почину русского царя».

Однако у Сазонова почти не оказалось союзников в Совете министров. По его словам, он мог положиться в решении польского вопроса только на двух-трех человек, оказывавших ему поддержку. Министры внутренних дел, юстиции, да и сам премьер его позицию не разделяли.

В июле 1915 г. произошло первое серьезное столкновение С.Д. Сазонова с другими членами правительства. 16 июля Совет министров обсуждал вопрос о будущем заявлении премьера И.Л. Горемыкина в Государственной Думе, которое по времени почти совпадало с оставлением русскими войсками Варшавы. Собираясь как-то обнадежить поляков, премьер Горемыкин все же не был готов давать им обещания, выходящие за рамки воззвания от 1 августа 1914 г.

С.Д. Сазонов же выступил с предложением немедленно разрешить вопрос о даровании Польше автономии Высочайшим Манифестом, не дожидаясь созыва Думы, ввиду событий на фронте. Однако никто из коллег Сазонова не поддержал эту инициативу. «Если поляки захотят поверить искренности правительства, — заявил премьер И.Л. Горемыкин, — то для них будет достаточно и моего заявления в Думе от имени Государя Императора» [Яхонтов, Тяжелые дни... с. 18].

В итоге заявление премьер-министра И.Л. Горемыкина, сделанное им 19 июля, содержало лишь повторение обещаний, высказанных в воззвании Великого князя. Единственной уступкой полякам было появившееся в тексте слово «автономия», : «Его Ве-

личеством повелено Совету Министров разработать законопроекты о предоставлении Польше, по завершении войны, права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах местной автономии, под Державным Скипетром Государей Российских и при сохранении единой государственности» [Там же].

Проекты для императора

Позиции Сазонова отнюдь не укрепились после назначения в январе 1916 г. нового председателя Совета министров Б.В. Штюрмера (чей двоюродный дед был в свое время австрийским комиссаром на острове Св. Елены, где присматривал за Наполеоном). Глава МИД возражал против такого назначения, считая его подрывающим авторитет правительства и небезопасным в условиях войны. Популярность нового премьера была действительно крайне низкой. Хотя род Штюрмеров уже давно обосновался в России — предки Б.В. Штюрмера служили российским императорам с начала XIX века, — это обстоятельство тогда мало принималось во внимание русским обществом.

По словам члена Государственного совета графа С.И. Велепольского, Штюрмер был «очень мало знаком с польским вопросом. Это было видно из того, что даже исторических фактов последних лет он не знал. По-моему, — продолжал Велепольский, — он польского вопроса совсем не знал» [Падение царского режима... с. 35].

Это не помешало, однако, польским кругам попытаться повлиять на премьера и добиться от него более радикальных заявлений по польскому вопросу, чем сделанные ранее Горемыкиным. Широкую известность получила «Записка» С.И. Велепольского, в которой польский аристократ и землевладелец предлагал свое видение решения польского вопроса. Призывая конкретизировать положения, заложенные в воззвании Великого князя, Велепольский заявлял, что одних только земских и городских реформ в Польше недостаточно. «Никто, конечно, не может сомневаться в полезности введения городского акта или земского положения в Царстве Польском, — утверждал политик, — но ведь эти реформы были спроектированы правительством за семь лет до войны. [...] Исполнинская война 1914 года не могла не поставить вопроса о русско-польских отношениях во всем его историческом значении и полноте. Воскресла заветная мечта отцов и дедов и надежда на братское примирение с Великой Россией» [Записка гр. Сигизмунда Велепольского... с. 50–51].

В ходе нескольких аудиенций у Б.В. Штюрмера в феврале 1916 г. С. И. Велепольский пытался предложить ему свой взгляд на решение польской проблемы, но получил отказ: «Я ничего не переменю» — заявил Штюрмер [Падение царского режима... с. 36].

Было очевидно, что перспектива получить «единую Польшу и разрозненную Россию» (по словам А. Н. Яхонтова) никого в российских правящих кругах не устраивала [Соколов, с. 78].

Свой проект предложил и глава российского МИД, однако он предназначался в первую очередь для рассмотрения государем, а не премьер-министром.

С.Д. Сазонов составил памятную записку с приложенным к ней проектом «основных постановлений о политическом устройстве Царства Польского». Этот документ был окончательно подготовлен 17 апреля 1916 г. и направлен для ознакомления императору. По мнению министра, существовало всего три варианта разрешения польского вопроса: «независимость Царства Польского, самобытное существование Царства в единении с Россией и более или менее широкое провинциальное самоуправление края».

С.Д. Сазонов выступил против идеи независимости Польши, несмотря на ее популярность в российских либеральных кругах: «При отдельном существовании Царство Польское, предоставленное своим собственным силам (международная гарантия или договорная нейтрализация при изменчивости международной обстановки едва ли много помогут), не в состоянии будет успешно бороться с Германией. Нам придется его защищать от германского натиска, только в условиях, менее отвечающих нашим интересам и выгодам, без возможности соответственным образом подготовить политическую, экономическую и военную оборону в пределах Царства. Затем, несомненно, отказ от Польши будет истолкован как признак нашей слабости, ибо подобное отречение от столетнего прошлого нашей политики иначе массами оценено быть не может. К тому же, при такой оценке, мы уйдем из Польши до нашего окончательного «примирения» с польским народом, который будет помнить последние десятилетия до войны и видеть в России враждебную польской народной стихии силу. А тогда Германия, при содействии австрийцев, может сблизиться с независимой Польшей и сделать Варшаву, как пред вторым разделом, центром политической интриги, направленной против нас» [Памятная записка... с. 88].

Неприемлемым казался министру и вариант провинциального самоуправления. В итоге Сазонов приходил к следующему выводу: «Только средний путь ведет к цели. Надо создать в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и ее монархом руководство судьбами польского народа и в то же время давала бы его национальному движению широкий выход, притом не на путь продолжения исторической тяжбы с Россией, а на путь правильного устройства внутренней политической жизни края. Это среднее решение было бы восстановлением традиций политики императора Александра I и императора Николая I, который даже после восстания 1830 г. продолжал управлять краем по польским законам при помощи подчиненной князю варшавскому польской бюрократии» [Там же].

В заключении глава МИД указывал главный принцип, на котором должна была осуществиться польская автономия: «Царство Польское связано с государством Российским нераздельностью престола и единством дел общегосударственных. В своих внутренних делах оно управляется особыми установлениями и на основании особого законодательства» [Памятная записка, с. 90].

Николай II ознакомился с проектом Сазонова, но никакого решения так и не было принято. Осторожный подход к польскому вопросу сохранялся в условиях, когда Царство Польское, Галиция, Литва и часть соседних областей Российской империи оставались под контролем германских и австро-венгерских войск.

С другой стороны на Россию постоянно оказывалось дипломатическое давление. Франция и Великобритания не раз намекали своему союзнику, что «поскольку война ведется ради освобождения народов и решения их судьбы согласно национальным интересам, то в один ряд с такими странами, как Сербия и Бельгия, должна быть поставлена и Польша» [Копылов, с. 4].

С.Д. Сазонову стоило большого труда отклонять многочисленные «дружественные внушения» союзной дипломатии, направленные на решение польского вопроса наиболее выгодным для Антанты способом. Для него было очевидно, что любые преобразования в Польше являлись прерогативой русского монарха. Не желая наблюдать, как французское посольство в Петрограде постепенно превращается в польский клуб, Сазонов провел беседу с французским послом М. Палеологом, в ходе которой заявил, что «Польша не была присоединена к России одним постановлением Венского конгресса, но была затем дважды ею завоевана в эпоху восстаний 1830 и 1863 годов, за которые в значительной степени несла нравственную ответственность французская политика» [Сазонов, с. 384].

Британский посол Дж. Бьюкенен в марте 1916 г. уже открыто писал Сазонову, что настал момент выработки плана по польскому вопросу на основе принципа национальности. Подобными действиями английский МИД старался привязать вопрос о «польских» приобретениях России к проблеме проведения реформ в Царстве Польском, то есть фактически вынести этот вопрос на международное обсуждение. Союзники также неоднократно намекали России, что у нее могут возникнуть трудности с предоставлением военных кредитов.

Не желая упускать инициативу, С.Д. Сазонов летом 1916 г. выступил с предложением провозгласить автономию в Польше, не дожидаясь новых попыток вмешательства со стороны союзников. К этому побуждали и полученные Сазоновым сведения о готовности Центральных держав перейти в польском вопросе от слов к делу [Бахтурина, Государственное управление... с. 66]. Глава МИД напоминал о недавнем выступлении в Рейхстаге германского канцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега, который пообещал, что Германия и Австро-Венгрия непременно разрешат польский вопрос, а о возвращении к довоенному status quo не может быть и речи [Памятная записка... с. 85].

Императорский манифест о Польше должен был предотвратить такое развитие событий. Как отмечал в своих мемуарах британский дипломат Дж. Бьюкенен, летом 1916 г. российскому министру иностранных дел удалось, несмотря на противодействие главы правительства Штюрмера, добиться поддержки этой идеи со стороны императора [Бьюкенен, 171].

Разработка проекта автономного устройства Царства Польского была поручена С.Д. Сазоновым сотруднику внешнеполитического ведомства барону Б.Э. Нольде — видному специалисту по вопросам международного права. После завершения работы над документом проект был передан государственному секретарю С.Е. Крыжановскому «для согласования его с имперскими законами» [Сазонов, с. 387].

Проект политических преобразований в Царстве Польском, разработанный по поручению Сазонова, предусматривал сохранение связи между Польшей и Российской империей через личность императора (Царя Польского). Польша получала собственное правительство (Совет министров) и собственный двухпалатный парламент. К сфере интересов империи по-прежнему относились вопросы обороны, внешней политики, финансов, таможенного дела и стратегических железных дорог. Польский парламент мог принимать национальные законы, однако, если они затрагивали общеимперские интересы, то законопроекты подлежали обсуждению в Государственной Думе и Государственном Совете. Польша сохраняла также свое представительство в обеих российских законодательных палатах. Учитывая уже имеющийся опыт Финляндии, провозглашалось равноправие русских и поляков на территории Царства Польского. Наконец, явно идя навстречу пожеланиям правых кругов, законопроект полностью гарантировал неприкосновенность русского землевладения в Царстве Польском.

В конце июня 1916 г. Сергей Дмитриевич выехал в Ставку, в Могилев, чтобы лично представить проект императору.

Накануне доклада Николаю II Сазонов стремился заручиться поддержкой близких к императору людей, осознавая, по-видимому, что одной силы его убеждения может оказаться недостаточно. Так, министр ознакомил со своим проектом генерала М.В. Алексеева — начальника штаба Верховного главнокомандующего. По словам Сазонова, Алексеев поддержал проект и вызвался защищать его перед государем.

Несмотря на это, исход будущей аудиенции был неясен. Протоиерей Георгий Шавельский, к которому Сазонов также обращался за поддержкой, вспоминал: «Как и раньше, Государь был на стороне дарования льгот Польше; Императрица стояла за сохранение *status quo*» [Шавельский, Т. 2, с. 47].

Доклад императору, на котором присутствовал Алексеев, состоялся 29 июня 1916 г. По словам Сазонова, «Проект был прочитан Государю целиком и каждая его статья подверглась тщательному разбору, причем Его Величество задавал мне вопросы, доказывавшие его интерес к предмету моего доклада. После меня генерал Алексеев разобрал его со специальной точки зрения военной безопасности империи и в заключение выразился, без оговорок, в пользу его принятия» [Сазонов, с. 388].

После аудиенции у государя, по воспоминаниям очевидцев, «Сазонов сиял от радости. Оставалось, таким образом, заготовить манифест и объявить народу. Но вместо манифеста получилось нечто иное, для всех неожиданное» [Шавельский, Т. 2, с. 47].

Крушение надежды

Получив согласие императора и поручение вынести проект на обсуждение Совета министров, С.Д. Сазонов выехал в Петроград, чтобы ознакомить с данным решением Б.В. Штюрмера. Премьер был, несомненно, настроен отрицательно, но, имея на руках

ясно выраженную волю монарха, Сазонов мог надеяться на благоприятный исход обсуждения своего проекта в правительстве. Однако после возвращения в Петроград Сазонов, чье здоровье было подорвано, вынужден был уехать на несколько дней на отдых в Финляндию. За это время Б.В. Штюмер, имевший обширные связи в придворных кругах, приложил максимум усилий, чтобы подготовить смещение главы МИД. Рассмотрев проект С.Д. Сазонова в правительстве, министры вынесли заключение, что «обсуждение польского вопроса при обстоятельствах военного времени невозможно», а сам проект признали «несвоевременным».

7 июля 1916 г. С.Д. Сазонов получил рескрипт Николая II о своей отставке и назначении членом Государственного совета. Вместо Сазонова российский МИД возглавил Б.В. Штюмер.

По словам протоиерея Георгия Шавельского, «Изменение принятого Государем и объявленного им решения мало кого удивило. Удивило всех другое — это назначение министром иностранных дел Штюмера, никогда раньше не служившего на дипломатическом поприще и не имевшего никакого отношения к дипломатическому корпусу» [Шавельский, Т. 2, с. 47].

Своеобразным утешением для опального министра стала публикация в Петрограде в 1916 г. сборника его выступлений под названием: «Война и С.Д. Сазонов. Последние речи б. Министра иностранных дел во время войны в Государственной Думе». Сам факт появления такого издания означал, что взгляды Сазонова были все еще важны для российской бюрократии и могли быть услышаны в будущем.

Впрочем, победа Штюмера вовсе не свидетельствовала, что российское правительство окончательно отказалось от решения польской проблемы. Сам ход военных и политических событий диктовал такую необходимость.

То, о чем давно предупреждал С.Д. Сазонов, произошло. В августе 1916 г. германский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег провел переговоры в Вене с австрийским министром иностранных дел Иштваном Бурианом, обсудив с ним дальнейшую судьбу оккупированной Польши. Оба политика пришли к принципиальному соглашению о создании на территории Царства Польского формально самостоятельного польского государства, в экономическом, политическом и военном отношении полностью зависимого от Центральных держав. Противников России интересовал экономический потенциал Царства, в первую очередь промышленные районы Радомы и Домбровы, а также его мобилизационные возможности. По мнению германских военных специалистов, Польша могла выставить от 900 тыс. до 1 млн новобранцев. Варшавский военный генерал-губернатор Ганс Гартвиг фон Базелер летом 1916 г. утверждал, что только из добровольцев в Польше можно было сформировать не менее трех новых дивизий. Так как международное право запрещало проводить мобилизацию на оккупированных территориях во время войны, единственным выходом оставалось провозглашение «независимого» польского государства.

5 ноября 1916 г. в Варшаве и Люблине германский и австро-венгерский генерал-губернаторы Ганс фон Базелер и Карл фон Кук одновременно опубликовали два манифеста. От имени своих монархов они провозглашали создание «Польского королевства» — фактически марионеточного государства, находившегося в союзе с Центральными державами, не имевшего ни реального суверенитета, ни даже собственных границ.

Отношение польского общества к этим документам было противоречивым. Обнародование германского акта в Варшаве, в Королевском замке, разумеется, выглядело высоко символичным жестом, направленным на то, чтобы пробудить среди поляков национальное самосознание и привлечь их симпатии на сторону Германии. Однако как заметил один из современников, принимавший участие в этой церемонии, ему было весьма странно услышать Марш Домбровского «в исполнении германского военного оркестра». Ни о каком доверии к оккупационным властям не было и речи [Krzywoszewski, s. 30].

В свою очередь, российское правительство 15 ноября 1916 г. выступило с официальным заявлением по поводу действий Центральных держав, в котором подвергло осуждению их шаги, нарушающие международное право.

«Императорское правительство, — говорилось в заявлении, — усматривает в этом акте Германии и Австро-Венгрии новое грубое нарушение нашими врагами основных начал международного права, воспрепятствующих принуждать население временно занятых военной силой областей к поднятию оружия против собственного отечества. Оно признает сказанный акт недействительным. По существу польского вопроса Россия с начала войны уже дважды сказала свое слово. В ее намерения входит образование целокупной Польши из всех польских земель с предоставлением ей на завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии, под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности» [Матвеев, с. 171].

Но дальше этих заявлений правительство Б. В. Штюрмера не пошло, проявив удивительную недалекость в польском вопросе и, по существу, упустив инициативу. Попытки братьев Велепольских добиться от властей ответа, почему уже «фактически заготовленный манифест» о Польше так и не был объявлен, продолжавшиеся с июля 1916 г., ни к чему не привели.

Лишь 12 декабря 1916 г. император Николай II издал приказ по армии и флоту № 870, в котором одной из целей России в войне объявлялось «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей» [Бахтурина, Государственное управление... с. 74].

После издания этого документа, 23 декабря 1916 г., граф С.И. Велепольский смог добиться аудиенции у императора. Польский политик и член Государственного Совета попросил разъяснить, как следует понимать слова «свобода Польши». Николай II ответил, что Польше будет дарован «собственный государственный строй со своими

законодательными палатами и собственная армия» и разрешил опубликовать это заявление в печати [Падение царского режима... с. 44]. Это последнее решение императора и его «всегда благожелательное, благосклонное отношение» к польскому вопросу, по словам Сигизмунда Велепольского, произвело на него глубокое впечатление [Там же].

По понятным причинам планы Российской империи в отношении Польши так и не были реализованы. До Февраля 1917 г. ни один из разработанных российской элитой проектов не получил законодательного оформления, та же судьба постигла и проекты польских политиков. Время деклараций закончилось, и после Февральской революции инициатива в разрешении польской проблемы окончательно перешла к Антанте.

Что же касается С.Д. Сазонова, то он искренне сожалел, что так и не смог довести начатое им дело до конца. «Нет сомнения, — писал он, — что русская революция разрешила польский вопрос быстрее и радикальнее, чем это сделала бы русская государственная власть, находившаяся в руках безвольных и бессильных людей. Но можно ли сказать, что она разрешила его справедливо и прочно? На это можно ответить только отрицательно уже по одному тому, что, будучи разрешен без участия России, он был разрешен против ее национальных интересов» [Сазонов, с. 390].

Отсутствие «Акта о Польше», на принятии которого так настаивал министр, привело к весьма болезненным последствиям для дальнейшей судьбы российско-польских отношений. Восстановленное по итогам Первой мировой войны польское государство, не имея четких границ, получило возможности для широкой экспансии на восток. Вместо примирения в жизни двух соседних народов наступило новое тревожное столетие, полное конфликтов, взаимных предубеждений и недопонимания.

Приютившая С.Д. Сазонова после окончания Первой мировой войны Польша так и не стала для него вторым домом. Перебравшись в 1920-е годы в Берлин, бывший глава МИД категорически возражал против включения в состав восстановленной Польской республики земель Западной Белоруссии и Западной Украины с их многомиллионным населением, критиковал политику польских властей, нарушавших национальные и религиозные права украинцев и белорусов, проживавших в Польше.

«Горькая судьба этих русских людей, — отмечал дипломат, — подвергающихся тяжким религиозным притеснениям и живущих в состоянии бесправия, известна всем, кто сколько-нибудь знаком с современным положением Польши, и неоднократно обращала на себя внимание европейской печати» [Сазонов, с. 371].

По мнению Сазонова, в 1920-е годы повторилась «старая польская попытка окатоличения и ополячения Белой и Малой Руси, не удавшаяся в XVII веке и бывшая одной из причин крушения Польского государства». Подобная политика, оказавшаяся ложной и невыполнимой уже в XVII столетии, в XX в. также могла привести лишь к одним раздорам и смуте [Там же].

Восстановление польской государственности, проведенное без участия России, было, по словам министра, делом не только несправедливым, но и опасным для дальнейшего развития Европы: «Польша сплоченная и жизнеспособная нужна Европе, но наскоро сколоченная из кусков и обломков соседних государств она едва ли будет служить оплотом европейскому миру, а явится для него скорее угрозой. В нынешнем своем виде Польша представляется искусственным созданием» [Сазонов, с. 394].

С поразительной точностью предсказывал опытный дипломат непрочность мира, установленного в Версале, и вероятность нового военного конфликта общемирового масштаба. «Политика, покоящаяся на расчете вековечности советской олигархии и продолжительной слабости Германии, может привести к неожиданностям, в предупреждении которых одинаково заинтересованы не только Европа, но и весь мир», — писал он.

Голос С.Д. Сазонова в Европе в межвоенные годы так и не был услышан. Однако и после долгих десятилетий забвения многие взгляды российского дипломата сохраняют свою актуальность.

Литература

- Бахтурина А. Ю.* Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8.
- Бахтурина А. Ю.* Государственное управление окраинами Российской империи в годы первой мировой войны. М. 2004.
- Бахтурина А. Ю.* Статус Царства Польского в политике самодержавия накануне Февральской революции // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / Отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. СПб. 2012. С.76–87.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М. 1991.
- Вечоркевич П.* Законодательные органы (Дума и Государственный совет) как платформа российско-польского политического примирения // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М. 2000.
- Война и Польша (польский вопрос в русской и польской печати). М. 1914.
- Война и С. Д. Сазонов. Последние речи б. Министра иностранных дел во время войны в Государственной Думе. Пг. 1916.
- Гиппиус З.* Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк; М. 1990.
- Добронравин Н. А.* Россия и непризнанные государства в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. // Новейшая история России. Выпуск № 3 (11). 2014.
- Записка гр. Сигизмунда Велепольского 27 апреля 1915 г. // Русско-польские отношения в период мировой войны / Сост. Н. М. Лапинский; предисл. М. Г. Валецкого. М.; Л. 1926. С. 50–53. — URL: [http:// escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746](http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746) (дата обращения: 26.09.2018).
- История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997.
- Колмагоров К. Н.* Польский вопрос в политике российского МИД (1914–1916) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск. 2003. Вып. 5.

- Копылов Н. А.* Польские военные формирования в составе русской армии (1914–1916): военные и политические проблемы формирования и боевого применения // *Материалы научной конференции «Великая, священная, отечественная: Россия в Первой мировой»*. 26–27 июня 2014. М. 2014.
- Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке: 1914–1915. Мн. 2003.
- Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М. 1957. Т. I, II.
- Матвеев Г. Ф.* Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Выпуск № 1 (15). 2014. С. 171–192.
- Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Книга 1. М. 1993.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VI. М.-Л., 1926.
- Памятная записка министра иностранных дел Сазонова от 17 апреля 1916 г. с приложением основных постановлений устава о государственном устройстве Царства Польского // *Русско-польские отношения в период мировой войны / Сост. Н. М. Лапинский; предисл. М. Г. Валецкого*. М.; Л. 1926. С. 85–94. — URL: [http:// escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746](http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1746) (дата обращения: 26.09.2018).
- Погодин А. Л.* История польского народа в XIX веке. М. 1915.
- Позняк С. В.* «Польский вопрос» во властных структурах Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны // *Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей*. БГУ. 2004. С. 159–173.
- Сазонов С.Д.* Воспоминания. М. 1991.
- Соколов А.С. С.Е. Крыжановский и польский вопрос* // *Вестник РГУ им. И. Канта*. 2005. Вып. 3. Сер. Гуманитарные науки. С. 75–80.
- Столыпин А.* Слово об отце // *П. А. Столыпин. Нам нужна великая Россия...: Поли. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг.* М. 1991.
- Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Мн. 2005.
- Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск. 2000.
- Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954.
- Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни. Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 Сентября 1915 года). // *Архив русской революции*. Т. XVIII. Берлин. 1926.
- Яхонтов А. Н.* Первый год войны. Париж. 1936.
- Krzywoszewski S.* Długie życie. Wspomnienia. T. I. Warszawa. 1947.
- Polskawpamiętnikachwielkiejwojny, 1914–1918.* Zebrał i objaśnił M. Sokolnicki. Warszawa, 1925.

Authors

Boris DOLGOV — *Leading Researcher, the Center for Arab Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Doctor of History; dolgov.boris@list.ru.*

Leokadiya DROBIZHEVA — *Chief Researcher, Institute of Sociology, RAS; Professor, Higher School of Economics; Doctor of History; drobizheva@yandex.ru.*

Anton KRUTIKOV — *Historian, Research and Information Project “Western Russia” (Minsk, Belarus); bialyorzel1000@gmail.com.*

Anatol LIEVEN — *Professor, Georgetown University, Qatar; Visiting Professor, King’s College London; Senior Fellow of the New America Foundation in Washington.*

Tatiana SHAKLEINA — *Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Leading Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Sciences; shakleina-tania@yandex.ru.*

Natalia TRAVKINA — *Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.*

Vadim TRUKHACHEV — *Lecturer, Russian State University for Humanities; Ph.D. in History; vadimvts@mail.ru.*

Petr YAKOVLEV — *Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.*

5VghfUMg'UbX'?Ynk cfXg

Leokadiya DROBIZHEVA

ALL-RUSSIAN, REGIONAL AND ETHNIC DIMENSIONS OF CONSOLIDATING IDENTITY

Abstract. *The article is devoted to formation of the Russian civil identity, debates over its in-terpretation and its representation in public consciousness. Using representative all-Russian and regional polls, the author analyses dynamics of the all-Russian identity and its identifi-cation basis. These bases are common state and territory, then the historical past, culture and citizens' responsibility for the country's affairs. Civil identity in the Republics of Russia and among people of non-Russian nationality differs from the average. The main difference is higher importance of such consolidating foundations as common state and territory, as well as diversity in ideas about historical past and cultural heritage. According to the author, ways to strengthen the Russian civil identity include increasing inter-ethnic trust and promoting cohesion around common values and development goals.*

Keywords: *All-Russian civil identity, consolidation, regional identity, ethnic identity, identifi-cation basis.*

Anatol LIEVEN

THE DANCE OF THE GHOSTS: A NEW COLD WAR WITH RUSSIA WILL NOT SERVE WESTERN INTERESTS

Abstract. *A "new cold war" with Russia has little to do with a reasoned and objective analysis of Russian policy and the Western–Russian relationship. It does not correspond to the West's real interests, the historical context in which Russia's actions have taken place, the extent of the threat Russia poses to the West, or the differences between the vital interests of Russia and leading Western states. Nurturing a fear of Russia does not merely distract attention from the domestic and external problems that are weakening and dividing the West, but by doing so the West, but helps to make them worse. Yet, it is only in the meeting of these challenges, most of which will almost certainly require the abandonment of key Western shibboleths, that the democratic West will stand or fall.*

Keywords: *Cold War, Russian policy, Western–Russian relations, security threats, Western interests.*

Natalia TRAVKINA**NOVEMBER 2018 UNITED STATES ELECTIONS: REFERENDUM ON DONALD TRUMP**

Abstract. *The article analyzes political situation in the US, in the run-up to the midterm congressional elections held under the slogan “referendum on Trump” or, even broader, “referendum on Trumpism”. It is concluded that due to political polarization between Republicans and Democrats, the election outcome is likely to continue a trend of the last 15 years — the governing party, which initially controlled both legislative and executive power, traditionally loses majority in one or both houses of Congress after midterm elections.*

Keywords: *midterm elections, referendum on trumpism, Democrats’ electorate, split of Re-publicans, historical pattern, ideological polarization.*

Tatiana SHAKLEINA**POLITICAL SITUATION IN WASHINGTON. ROLE OF MASS MEDIA AND RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS**

Abstract. *Since the end of the Cold War the US — Russia relations have gone through various phases. By 2018, according to many Russian and especially American experts, the two powers have entered a new cold war, which is interpreted in different ways. Was there any chance to avoid such an evolution or was it rather predetermined by historical paradigms? A war can be prevented — much, if not all, hinges on what ruling elites are trying to achieve. However, the American political establishment is already acting in line with traditional foreign policy paradigm, militant and intolerant, supported by a large-scale ideological campaign aimed, inter alia, at distracting the Americans from domestic problems by choosing Russia as an external enemy.*

Keywords: *Russia, USA, media, D. Trump, ruling parties, elections 2016, Cold War, freedom of speech, information leaks.*

Petr YAKOVLEV**NAFTA 2.0: TRADE EQUIVALENT OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS**

Abstract. *Negotiations with Canada and Mexico on updating the terms of the North American Free Trade Agreement (NAFTA) have become one of the top international priorities for Donald Trump. These negotiations should be seen not just in conjunction with other Washington’s trade initiatives, but as part of its wider campaign to promote American positions in the changing geopolitical landscape by weakening other nations. Reforming NAFTA is one of the strategic decisions by Donald Trump seeking to dismantle the international order.*

Keywords: *USA, Canada, Mexico, NAFTA, negotiations, trade wars, geopolitical factors.*

Boris DOLGOV**SYRIA: A NEW PHASE OF THE CONFLICT — INTERNATIONAL DIMENSION**

Abstract. *A new phase of the Syrian conflict has been characterized by the Islamic State's defeat, increased involvement of external actors, and the growing impact of the Kurdish factor. The article analyzes policies and actions by the US, Israel, Turkey, Persian Gulf monarchies and other countries trying to benefit from the Syrian conflict in the pursuit of their foreign policy goals. Attention is given to Russia's role in fighting radical Islamism and resolving crisis in Syria.*

Keywords: *Syrian conflict, Islamic State's defeat, external actors, radical Islamism, Russia's role.*

Vadim TRUKHACHEV**CLEAVAGES OVER RUSSIA IN THE CZECH REPUBLIC**

Abstract. *Relations with Russia have been actively discussed in the Czech Republic, including 2017–2018 parliamentary and presidential elections. Local politicians, even within the same parties, differ in their attitude to Russia ranging from harsh criticism to empathy. In general, skepticism prevails, but it is more like “selective criticism”, as proved by reelection of the President Miloš Zeman known for his relative loyalty to Russia.*

Keywords: *Czech Republic, Russia, European Union, sanctions, Czech parties, M. Zeman, A. Babiš.*

Anton KRUTIKOV**S.D. SAZONOV AND THE POLISH QUESTION IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR**

Abstract. *At the time of World War I, the increased importance of the Polish question resulted from the course of military action itself. The Russian Foreign Minister S.D. Sazonov suggested a program of reforms for the Kingdom of Poland, in order to restore its constitutional status and autonomy. The initiative was discussed in the Russian Council of Ministers, but was eventually rejected due to conflicting views and reluctance to debate such a sensitive issue in war-time. That decision, followed by Sazonov's dismissal, left little chance of reconciliation between the two Slavic nations at the end of the First World War.*

Keywords: *S.D.Sazonov, Russian diplomacy, Polish question, Russian-Polish relations, Kingdom of Poland, Congress Poland, Russian Empire, First World War.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2018

№ 3 (15)

(июль — сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2018

№ 3 (15)

(July — September)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87